

БИБЛИОТЕКА

**НИКОЛАЯ
СТАРИКОВА**

Николай КОРНАТОВСКИЙ
**БОРЬБА ЗА КРАСНЫЙ
ПЕТРОГРАД**

ГРАНД МАСТЕР

Николай Корнатовский

Борьба за Красный Петроград

«ЭКСМО»

2018

УДК 94(47+57)"1919"
ББК 63.3(2)612

Корнатовский Н.

Борьба за Красный Петроград / Н. Корнатовский —
«Эксмо», 2018

Книга известного историка Н.А. Корнатовского «Борьба за Красный Петроград» увидела свет в 1929 году. А потом ушла «в тень», потому что не вписалась в новые мифы, сложенные о Гражданской войне. Ответ на вопрос «почему белые не взяли Петроград» отнюдь не так прост. Был героизм, было самопожертвование. Но были и массовое дезертирство, и целые полки у белых, сформированные из пленных красноармейцев. Петроградский Совет выпустил в октябре 1919 года воззвание, начинавшееся словами «Опомнитесь! Перед кем вы отступаете?». А еще было постоянно и методичное предательство «союзников» по Антанте, желавших похоронить Белое движение. Борьба за Красный Петроград – это не только казаки Краснова (коих было всего 8 сотен!), это не только «кронштадтский лед». Это и концлагеря в Эстонии, где массово умирали русские люди. Это английский флот, «исчезнувший» в самый ответственный момент наступления Северо-Западной армии. Хотите понять русскую революцию – читайте очевидцев событий.

УДК 94(47+57)"1919"
ББК 63.3(2)612

© Корнатовский Н., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Предисловие Николая Старикова	6
От автора	7
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	36
Глава 4	62
Глава 5	83
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Николай Корнатовский

Борьба за Красный Петроград

© Предисловие и аннотация. Н. Стариков, 2017

© Издание, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Предисловие Николая Старикова

Правда из прошлого

Книга известного историка Н. А. Корнатовского «Борьба за Красный Петроград» увидела свет в 1929 году. От описываемых событий, которые начались в 1917 году, а закончились Кронштадтским мятежом 1921 года, было совсем недалеко. Именно поэтому данное издание содержит в себе массу информации, испарившейся в более поздних размышлениях историков на тему «почему белые не взяли Петроград» и т. д. и т. п.

Книга Корнатовского раскрывает нам массу фактов, которые мы не прочитаем более нигде. В этом ее уникальность.

Революции, как известно, происходят в столицах. Так было и в русской революции. Взятие власти в феврале и октябре 1917 года произошло в столице, и именно этот факт решал историю страны, да во многом и всего мира. После перенесения большевиками столицы в Москву в 1918 году роль Петрограда не уменьшилась. Символика и смысл гласили: раз революция началась в Петрограде, здесь она и должна закончиться. Белая армия Юденича стремилась в Красный Петроград. Вот только какой она была численности? Очень маленькой. Пятнадцать – двадцать тысяч человек шли на двухмиллионный город. Это было похоже на авантюру. Если бы... если бы не масштабы дезертирства в Красной армии, которые описывает Николай Корнатовский. Число дезертиров-красноармейцев в момент наступления белых равнялось... суммарной численности всех сил белогвардейцев.

Дело дошло до того, что Петроградский Совет выпустил в октябре 1919 года воззвание, начинавшееся словами: «Опомнитесь! Перед кем вы отступаете?» Парадокс Гражданской войны, который сегодня малоизвестен: наступавшие белые имели войск в три-четыре раза меньше. Пленных красноармейцев ставили в свой строй. С утра в плену, вечером в бою.

В книге «Борьба за Красный Петроград» вы найдете массу неизвестных фактов, которые заставят по-новому взглянуть на события тех лет.

Предательство союзников. Предательство только что созданной Эстонии. И страшная судьба Северо-Западной белой армии, в буквальном смысле умерщвленной эстонцами.

Красные победили не только потому, что во главе их стоял гениальный политик Ленин. Но и потому, что Антанта сделала ставку на большевиков, всеми силами стараясь уничтожить Белое движение. Большевики выглядели для целей Запада куда предпочтительнее. Как они заблуждались, лидеры Антанты поймут позже, когда на месте уничтоженной Российской империи появится еще более мощный Советский Союз.

Но это будет потом. А в Гражданской войне Антанта поддерживала тех, при ком, с ее точки зрения, Россия будет слабее.

Читая эту книгу, уважаемый читатель, обращайтесь внимание на постоянные «странности» в деле согласования действий белых и Антанты. Ничего не получалось. Помощь приходила не туда, не тому, не такая, как надо. Чаще всего – вообще не приходила. Если амуниция и патроны – то к отступлению. Если нужна помощь орудий британского флота – то он уходит в сторону и уклоняется от взаимодействия.

Тайна происхождения русской революции приоткрывается в этой книге.

Надо только быть внимательным читателем...

От автора

В истории Октябрьской революции и Гражданской войны в России Петроград занимает исключительное место. Первый коллективный боец в дни великого Октября – Петроград приобрел себе славу и первого героического города в годы тяжелой, изнурительной Гражданской войны.

В фокусе ожесточенной борьбы за Петроград символически отразились начало и конец классового поединка в России.

Корниловское наступление на Петроград в августе – сентябре 1917 г., явившееся походом буржуазно-помещичьей контрреволюции против революционного пролетариата России, знаменовало собой начало кровопролитной Гражданской войны. Это наступление было ликвидировано прежде, чем смогло вылиться в определенные реальные формы. Последняя попытка белой гвардии завладеть Петроградом в октябре 1919 г., совпавшая по времени с переходом в решительное наступление на Москву южной контрреволюции, была уже, по существу, агонией белого дела, ее предсмертными судорогами и увенчалась победой пролетарской революции.

Непосредственно на Петроградском фронте была одержана победа не столько над отечественной контрреволюцией, сколько над вдохновлявшей ее мировой буржуазией. Империалистическая политика стран – победительниц в мировой войне получила серьезный удар на северо-западе России – удар, предвосхитивший победу Советов на всех фронтах Гражданской войны.

В условиях величайших сдвигов в великой классовой борьбе все попытки класса эксплуататоров подавить Республику Советов были обречены на неуспех. Поднимавшиеся в процессе длительной борьбы на высшую ступень самосознания многомиллионные массы трудящихся России свидетельствовали об исторической неизбежности полной гибели отечественной контрреволюции.

Вооруженные силы российской буржуазии независимо от образа своих действий обрели только свою конечную политическую гибель. Пассивность этих сил ускоряла момент гибели. Боевая активность их только отодвигала срок роковой развязки.

Помощь мирового капитала в силу своих собственных противоречий также способствовала только продлению жизни контрреволюционных очагов России.

Контрреволюция самым ходом событий вынуждалась на энергичные военные действия. В расширении зоны своих действий она находила только временные стимулы для продолжения борьбы. Искусственно навязываемый ею политический и экономический режим встречал сразу же сопротивление, центростремительные силы неумолимым законом истории переключались на центробежные. Мыльный пузырь контрреволюции надувался до своих крайних пределов, создавал причудливые миражи, веселил вдохновителей белого движения, требовал от них еще больших потуг, а затем тихо лопался. Боевые успехи русских белогвардейцев, приносившие временное поражение силам революции, объективно способствовали усилению рядов борющегося пролетариата, помогали более тесному объединению трудящихся масс вокруг Коммунистической партии и ее боевых лозунгов. В дни своих неудач и поражений Красная армия черпала и выковывала свою силу, опираясь на широкие рабоче-крестьянские массы России. Русская контрреволюция, наоборот, не имела никакой поддержки в многомиллионных народных массах, не могла извлечь оттуда никаких жизненных соков и под ударами Красной армии лишалась той чисто механической спайки, которая временно поддерживала белогвардейский организм.

Красная армия была мечом в руках победившего класса, которым наносились смертельные удары по телу контрреволюции, по ее внешнему физическому покрову. Внутрен-

нее же разложение и подтачивание белогвардейского организма было прямым следствием великих исторических событий в России. Красная армия своими искусными действиями должна была только ускорить процесс распада, разбить последние скрепы, сдерживавшие белые воинские части.

Таким образом, победы над восточной, южной и северо-западной контрреволюцией в 1919 г. «далеко не были победами военными, они были победой, которую одерживала диктатура рабочего класса» (В. И. Ленин).

В свете этой основной точки зрения и изложены в настоящей книге события от момента зарождения русского белогвардейского очага на северо-западе России и до его полной ликвидации.

Чрезвычайная разбросанность первоисточников по многочисленным архивам, их неупорядоченность и, наконец, недостаточность сохранившихся материалов не дали возможности осветить более полно события, связанные с обороной Петрограда. Родина великого Октября, неисчерпаемый пролетарский резервуар революционной энергии – Петроград ждет еще капитальной, многотомной работы, чтобы более подробно рассказать в ней всему миру о его героическом недавнем прошлом.

В настоящую книгу наряду с новыми главами вошли статьи автора, опубликованные в журнале «Красная летопись» (№ 2/26–4/31 за 1928 и 1929 гг.), переработанные и значительно дополненные.

Глава 1

С первых же дней после Октябрьской революции Советское правительство стремилось всеми доступными ему способами окончательно вывести трудящееся население России из мировой империалистической войны. Вставшие в порядок молодой Советской республики задачи колоссальной важности и гигантского масштаба настоятельно требовали достаточного времени для перестройки в основном всех элементов народного хозяйства и государственного аппарата. Одной из первостепенных задач, не допускавших промедления, было создание вооруженной силы страны Советов. Для этого необходимо было выиграть время, ценой хотя бы максимальных уступок. Чем скорее была бы осознана эта историческая необходимость, тем медленнее развязывались бы руки внутренней и внешней контрреволюции, всей своей деятельностью стремившейся как можно скорее потушить очаг международной революции.

Ход событий показал, что излишний революционный оптимизм, не основанный на конкретных данных и не учитывавший возможностей врага в лице вооруженной силы государств центрального блока, действовавших в мировую войну, помешал распространению лозунгов и идей Октябрьской революции на окраинах России.

Германия двинула в пределы Советской республики свои войска и этим своим актом ознаменовала начало вмешательства во внутренние дела Советской России, поставив под величайшую угрозу даже существование Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Заклученный 3 марта 1918 г. Брест-Литовский мирный договор явился запоздалым актом и принес в силу этого гораздо больше осложнений и трудностей для Советской России, чем это могло бы быть при более раннем оформлении мирных взаимоотношений.

Однако и Брест-Литовский договор с точки зрения его исторического удельного веса послужил на пользу Советскому государству, сумевшему сохранить в основном свой организм, хотя и ценой потери отдельных территориальных частей. Гениальная политика В. И. Ленина в этом отношении дала классический пример маневрирования в силу объективной необходимости через ряд величайших трудностей для сохранения первого в мире рабоче-крестьянского государства. Под ударами революционной волны в Германии Брест-Литовский договор в ноябре 1918 г. был превращен в простую, потерявшую свою юридическую силу бумажку.

Германия весной 1918 г. своими вооруженными силами продвинулась на северо-западе России до линии Нарва – Псков и этим самым на некоторое время придала Петроградскому фронту характер пассивного и второстепенного, заставив российскую контрреволюцию антантовской ориентации искать для приложения своих сил другие районы Советской России.

Наиболее ярые сторонники наступления на Петроград германских войск, возглавляемые принцем Леопольдом Баварским, генералами М. Гофманом и Э. Людендорфом, принимали все меры к расширению своей оккупационной зоны и входили с этой целью в переговоры с представителями русской буржуазии и свергнутой династии. Однако неосуществление этих планов, хотя и вызвавших со стороны Советской власти принятие срочных мер к обороне Петрограда, нисколько не изменило второстепенного характера Северо-Западного советского фронта.

Петроград, всемерно подтачиваемый изнутри многочисленными белогвардейскими организациями в 1918 г., все же не привлекал такого внимания, какое уделялось организациями Москве, северу, востоку и югу России. Попытки контрреволюционных восстаний в Петрограде, частично проявлявшиеся в 1918 г., носили местный и эпизодический характер,

не имея под собой строго выработанного в широком масштабе плана, тесно увязанного с такого же рода движениями в других районах.

Германские оккупационные войска с начала своего вторжения в пределы Советской России и до конца своего пребывания на этой территории объективно сослужили роль заслона для Петрограда от какой-либо другой внешней вооруженной силы, заслона, стабилизировавшегося на линии, идущей от Финского залива, – устье реки Наровы, по реке Нарове, восточному берегу Чудского и Псковского озер, западнее ст. Торошино, ст. Карамышево и далее на г. Себеж (исключая его).

Эта внешняя вооруженная сила, враждебная диктатуре пролетариата, сослужила, однако, сама того не сознавая, некоторую услугу Советской республике. Под угрозой германского наступления многие контрреволюционные антантофильские русские организации вынуждены были перенести центр тяжести своей подрывной работы в другие районы.

Сами же австро-германские оккупационные войска, распространившиеся с весны 1918 г. на территории Украины, Крыма, Прибалтики и юга Финляндии, были настолько заняты своими непосредственными делами по выкачке продовольственных запасов из Украины и по удушению рабочей революции в Финляндии, в частности, что уделять скольконибудь большее внимание северо-западу Советской России не было не только общего, но и германским правительством одобренного стремления и материальных к этому возможностей. Кроме того, империалистическая война, требовавшая все новых и свежих пополнений, исключала возможность усиления германских войск на подступах к Петрограду за счет ослабления их Западного фронта.

С другой стороны, в занятии Петроградского района Германия не могла быть тесно заинтересована, так как это означало бы усиление ее вмешательства во внутренние дела Советской России, что не входило в то время в задачу германского правительства. Отсутствие серьезных экономических мотивов, вполне достаточной вооруженной силы для захвата и удержания Петроградского района заставляло германское правительство трезво смотреть на этот вопрос, чреватый большими последствиями для самой Германии.

С таким положением не хотели, однако, примириться некоторые наиболее крупные представители германского милитаризма. В деле захвата Петрограда, общее политическое и стратегическое значение которого расценивалось ими по достоинству, они хотели найти реальную поддержку в русских белогвардейских формированиях германской ориентации.

Внешняя политика стран Антанты в так называемом русском вопросе в начале 1918 г. обуславливалась экономическими и военно-стратегическими мотивами. Она принимала характер не столько активной борьбы с Советской властью, сколько стремилась создать необходимые условия для организации вооруженного отпора возможному дальнейшему расширению влияния на Россию со стороны Германии.

Однако заключение Советским правительством Брест-Литовского мирного договора заставило Антанту сосредоточить большее внимание на политической стороне разворачивавшихся в России событий.

Глубокий национальный политический смысл этого договора заключался не столько в том, что было прекращено состояние войны между Советской Россией и капиталистической Германией, сколько в окончательном и решительном освобождении Советской России из антантовских сетей.

С марта 1918 г. политика Антанты по «русскому вопросу», в которой преобладали тогда тенденции французского империализма, взяла в основном ставку на подрыв мощи Советской республики изнутри, комбинируя подготовлявшиеся контрреволюционные восстания внутри Советской республики с открытым вооруженным вмешательством интервентов во внутренние дела Советской России.

Прокатившиеся в 1918 г. на территории Советской республики восстания чехословаков, левых эсеров в Москве, савинковской организации «Союз защиты родины и свободы» в Ярославле, Рыбинске и Муроме, наконец, высадка союзнических десантов в Мурманске и Архангельске были результатом совместных действий конспиративно функционировавших в советском тылу контрреволюционных организаций и групп с представителями Антанты.

С северо-западного района Советской России внимание внутренней контрреволюции было поневоле отвлечено вследствие непосредственной близости к этому району внешней, враждебной не только Советскому государству, но и антантофильским белогвардейским организациям вооруженной силы Германии. В этом районе ведение борьбы на два фронта – и против Германии, и против власти Советов – пока имело меньше всего шансов на успех. Упомянутые же выше контрреволюционные восстания, морально и материально поддержанные Антантой, имели своей конечной целью именно борьбу на два фронта, причем успех в борьбе с Советами должен был обусловить и предрешить результат борьбы с Германией. Антанта и шедшая у нее на поводу внутренняя российская контрреволюция, как «демократического» умонастроения, так и торгово-промышленная, и аристократия своей борьбе с центральным европейским блоком соподчиняли борьбу с Советской властью.

В этом совмещении двух серьезнейших целей, из которых вторая являлась наиболее труднодостижимой, кроется причина неуспеха планов Антанты в середине 1918 года. Советы не были ликвидированы, и Антанта не в силах была восстановить противогерманский восточный фронт, распавшийся в процессе революционных событий в России.

Таким образом, как политика Германии, так и политика Антанты по отношению к Советской республике осенью 1918 г. способствовала некоторому относительному затишью на северо-западе Советской России, где в то время власть Советов, пользуясь создавшейся политической ситуацией, принимала героические меры по закреплению побед Октябрьской революции и оказывала посильную помощь другим участкам и районам Советской России.

Российская контрреволюция в лице ее наиболее видных и авторитетных представителей с первых дней победы пролетариата свои надежды возлагала на политически отсталые окраины России, концентрируя там офицерские кадры и подготавливая материальную базу для будущих широких формирований. Первыми контрреволюционными очагами явились Дон и Оренбургская губерния, где разворачивались внутренние силы контрреволюции под знаменем самостийного движения с целью изолировать эти районы от остальной части Советской республики. Это контрреволюционное движение, питавшееся исключительно политическими вожделениями кулацко-казацкой верхушки, приобрело с самого начала местный характер, не претендуя на выполнение общероссийских функций.

Но помимо этого местного самостоятельного движения, направленного по руслу самостийности и сепаратизма, контрреволюционный очаг на Дону включал в себя и другую, несколько чужеродную силу – в лице офицерских кадров, стекавшихся сюда со всех районов Советской республики и являвшихся борцами за воссоздание единой великой и неделимой России. Носители этих идей нашли себе приют с конца 1917 г. на территории донского казачества и получили возможность формировать белогвардейские части под лозунгом борьбы с Советами в общероссийском масштабе. До образования летом 1918 г. в результате восстания чехословаков Восточного фронта идея свержения Советской власти на территории всей России получила конкретные формы только на Дону. С образованием же Восточного фронта многие «государственномыслящие» элементы буржуазии стали обращать внимание и на восток Советской России для организации и там государственного аппарата для борьбы под знаком «единой великой и неделимой».

До середины лета 1918 г. белогвардейские офицерские формирования на Дону являлись монопольным и самостоятельным творчеством представителей царского генералитета и крупных торгово-промышленных кругов России.

Дальнейшие перспективы первоначальных белогвардейских общероссийских формирований на Дону очень хорошо определены были в директиве одного из виднейших представителей царского генералитета – генерала М. В. Алексеева от 8 (21) ноября 1917 г. Она была адресована на имя генерала М. К. Дидерихса, работавшего в то время в Могилеве – в ставке.

Генерал М. В. Алексеев писал:

«Приехал в Новочеркасск, имея в виду не только найти временный приют, но и начать работу, если только это окажется возможным... Юго-восточный угол России – район относительного спокойствия и сравнительного государственного порядка и устойчивости; здесь нет анархии, даже резко выраженной классовой борьбы, кроме – в известной мере – угольного и рудного участков. Здесь естественные большие богатства, необходимые всей России; на Кубани и Тереке хороший урожай... Как от масляной капли начнет распространяться пятно желаемого содержания и ценности... *Из этой цитадели должна затем начаться борьба за экономическое спасение наше от немца, при участии капитала англо-американского. Под покровом силы промышленно-экономической и порядка здесь именно создать сильную власть, сначала местного значения, а затем общегосударственного...*

...Пользуясь видимой недосыгаемостью и безопасностью, приступить к формированию реальной, прочной, хотя и небольшой силы, вооруженной для будущей активной политики. Элементы имеются: много офицеров, часть юнкеров и гардемарин из разгромленных училищ... наконец, добровольцы... Вот схема начинающейся работы...

Военные наличные силы казачьего союза действительно ничтожны и едва удовлетворяют местным потребностям (угольно-рудный район Ростов. жел. – дор.). С ними на внешние предприятия идти, конечно, нельзя¹.

Исходя из этих общих предпосылок, генерал М. В. Алексеев давал ряд конкретных указаний, как обеспечить формирование белой армии на Дону. К числу их относятся: необходимость организации тайных военно-политических отделений в таких крупных городах, как Петроград, Москва, Киев, Харьков, с целью шпионажа, вербовки и переотправки на Дон всех контрреволюционных элементов; обеспечение этих организаций оружием и патронами; переброска с фронта под всяким благовидным предлогом сохранившихся частей, военного имущества и пр.; дать наряд главному артиллерийскому управлению на отправку в Новочеркасский артиллерийский склад до 30 000 винтовок на первое²; из пределов Донской области «совершенно большевистских» частей посредством расформирования их или отправления безоружными на фронт и т. д.

Полная осведомленность этого представителя царского генералитета в военных делах давала ему возможность еще более конкретизировать отдельные задачи, как, например:

«Георгиевский запасный полк, формировавшийся в Киеве, распался, но офицерский состав с ничтожным числом солдат прибыл сюда. Он

¹ Везде в неоговоренных случаях курсив в цитатах наш. – Н.К.

² В октябре 1917 г. Главное артиллерийское управление «своим попечением» направило в Новочеркасский артиллерийский склад 10 000 винтовок из Петрограда и 12 800 винтовок из Москвы. Как первая, так и вторая партия оружия по назначению не дошли. Поэтому генерал М. В. Алексеев предлагал вновь дать наряд, значительно его увеличив – до 30 000 винтовок, и то на первое время.

послужит кадром... Узаконьте формирование такового, якобы запасного полка в Ставрополе – и формирование крупной части обеспечено».

Ставился генералом Алексеевым вопрос и о переговорах с представителями чехословацких войск, которые, по его мнению, должны были охотно связать свою судьбу с деятелями «спасения» России.

Наметив таким образом ясную перспективу для белого движения, генерал М. В. Алексеев свое директивное письмо заканчивает следующими словами:

«...Слабых мест у нас много, а средств мало. Давайте группировать средства главным образом на юго-восток, проявим всю энергию, стойкость... Вооружимся мужеством, терпением, спокойствием сбора сил и выжидания. Погибнуть мы всегда успеем, но раньше нужно сделать все достижимое, чтобы и гибнуть со спокойной совестью»³.

Эта директива генерала М. В. Алексеева характерна в том отношении, что буржуазно-помещичья контрреволюция с первых же дней победы пролетариата решила сосредоточиться на юго-восточной окраине России, надеясь оттуда в дальнейшем повести борьбу с пролетарской революцией в широком масштабе.

Целый ряд контрреволюционных группировок, действовавших конспиративно внутри Советской республики, в своей повседневной практической деятельности имел в виду оказание всемерной помощи этому контрреволюционному очагу отечественной буржуазии.

Зависимость российской буржуазии от англо-французского капитала, обусловившая в конечном счете выступление России в мировой войне на стороне Антанты, должна была определить политическую ориентацию как белогвардейских добровольческих формирований на Дону, так и тех организаций, которые всеми силами старались подорвать крепость Советов изнутри и оказывать соответствующую поддержку Дону.

Под знаком ориентации на Антанту и вела борьбу с революцией внутренняя отечественная белогвардейщина.

Однако провал всех антантовских иллюзий на скорую ликвидацию Советской власти весной и летом 1918 г. временно усилил другое течение в стане действовавшей внутри Советской республики контрреволюции. Эта группа все надежды возлагала на Германию, хотя и задыхавшуюся в тисках всепожирающих фронтов мировой войны, но все же представлявшую из себя реальную и грозную силу на востоке. С занятием Украины австро-германскими войсками идеологи кулацко-казачьего Дона, как генерал П. Н. Краснов и др., решили немедленно принять германскую ориентацию и тем самым вошли в противоречие с добровольческой армией генералов М. В. Алексеева и А. И. Деникина.

Стремление опереться на Германию было продиктовано самим положением Дона летом и осенью 1918 г. и по своему характеру не выходило из рамок союза буржуазной кайзеровской Германии с кулацко-казачьими самостийниками Дона.

Другое проявление германского влияния, имевшее место в отношении действующих внутри Советской России контрреволюционных организаций, в основном монархического

³ Белое дело. Берлин: Изд-во «Медный всадник», 1926. Т. 1. С. 77–82. В этих последних заключительных словах генерала нельзя не отметить некоторой доли сомнения в своих начинаниях; ясная перспектива, нарисованная им, дала под конец основательную трещину. Фантазия, пленившая его в кабинете, должна была уступить хотя и незначительное, но все же заключительное место для соображений практического характера. Несколько позже, 9 февраля (27 января) 1918 г., генерал М. В. Алексеев в своем обращении во французскую миссию в г. Киеве вынужден был подтвердить свое заключение из цитированного выше письма от 8 (21) ноября 1917 г. Он писал: «Идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков. Они не желают сражаться даже для защиты собственной территории, ради спасения своего достоинства. Они глубоко убеждены, что большевизм направлен только против богатых классов – буржуазии и интеллигенции, а не против области, где сохранился порядок, где есть хлеб, уголь, железо, нефть» (Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам: Очерки по истории контрреволюции в 1918 г./ Под ред. Я. А. Яковлева. М.: Госиздат, 1927. С. 141).

направления, носило характер более широкого русско-германского буржуазного блока, преследовавшего цели ликвидации Советов в целом.

Таким образом, помимо сотрудничества германской буржуазии с донским кулачеством, сотрудничества, имевшего чисто местное значение, был налажен контакт между германской и частью российской буржуазии.

В среде некоторых организаций, ориентировавшихся в общем на Германию, не было, однако, полного единства взглядов. Германофильские группировки внутри Советской республики не располагали, естественно, своей собственной территориальной зоной. В их среде происходили внутренние трения в смысле оформления своих политических симпатий.

Образовавшаяся в марте 1918 г. внутри Советской республики контрреволюционная группировка, впоследствии получившая название «Правого центра», и была одной из тех организаций, которые, не отвергая окончательно мысли об Антанте, придерживались германофильского направления.

В «Правый центр» входили представители от Совета общественных деятелей (возникшего еще при Керенском в августе 1917 г.), от партии к.-д., от Торгово-промышленного комитета, Союза земельных собственников и от крайних правых. Такие лица, как Д. М. Щепкин, С. М. Леонтьев, Н. И. Астров, С. А. Морозова, А. И. Бурьшкин, М. М. Федоров, А. В. Кривошеин (бывш. царский министр), В. И. Гурко, Л. Л. Кисловский, П. Б. Струве, Г.Н. и Е. Н. Трубецкие и др., были активными членами организации; А. В. Кривошеину, В. И. Гурко и С. М. Леонтьеву принадлежала доминирующая роль. «Правый центр» в поисках наилучшего выхода из создавшейся политической обстановки в России в 1918 г. хотя и придерживался в своем большинстве летом 1918 г. германской ориентации, но вел одновременно переговоры и с представителями Антанты.

Проводники германской внешней политики и выразители настроений германской буржуазии, сознавая свою относительную слабость и невозможность непосредственного вооруженного вмешательства в дела не оккупированной их войсками Советской территории, придавали большое значение деятельности внутренней русской белогвардейщины. При этих условиях нетрудно было представителям Германии завязать чисто деловые переговоры и установить тесные связи с «Правым центром».

Переговоры немцев начались с петроградской группой политических деятелей умеренно правого направления в лице В. Ф. Тренева и барона Б. Э. Нольде. Когда об этих переговорах был информирован «Правый центр» в Москве, то и там всплыл вопрос о возможности сговориться с немцами для скорейшей ликвидации Советской власти. Некоторые члены «Правого центра», в том числе бывший обер-прокурор Синода в кабинете С. Ю. Витте – князь А. Д. Оболенский, были уполномочены вести переговоры с различными немецкими представителями.

Результатом этих связей было то, что немцы все же уклонились от активного вмешательства и ограничились обещанием только косвенной поддержки⁴.

Переговоры с немцами вели не только представители «Правого центра». Немецкий генерал барон Кольмар фон дер Гольц в своих мемуарах говорит, что в июне 1918 г. в Финляндии у него начались переговоры с представителями русских правых группировок: бывшим товарищем председателя 3-й и 4-й Государственных дум князем В. М. Волконским, бывшим премьером царского правительства А. Ф. Треповым и бывшим великим князем Кириллом Владимировичем Романовым. Целью этих переговоров было установление тесных взаимоотношений русских монархических групп с представителями Германской империи на предмет совместной согласованной борьбы с пролетарской революцией в России, начало которой (борьбы) должно было положить наступление германских войск на Петро-

⁴ Владимирова В. Указ. соч. С. 234–237.

град. Наступление на Петроград намечалось главным германским командованием на август 1918 г., и только переговоры Советского правительства с Германией, закончившиеся подписанием 27 августа 1918 г. навязанного Германией шантажистского дополнительного к Брест-Литовскому договору «соглашения», ликвидировали опасность Петрограду со стороны немецких армий.

Германской ориентации придерживалась еще одна организация, существовавшая нелегально в Петрограде.

В этой организации, именовавшейся «Великой единой Россией», принимали деятельное участие морской офицер лейтенант В. В. Дидерихс, С. А. Бутвиловский, фон Коттен, Бутвель, Эльснер – начальник строевого отдела штаба флота и другие. Структура этой организации была довольно оригинальна. Лейтенант В. В. Дидерихс, игравший в то время руководящую роль в организации «Великой единой России», получил от германских властей задание организовать сеть трудовых артелей и различных коммерческих предприятий, с помощью которых достигались бы две задачи: 1) обеспечение организации денежными средствами и 2) подбор «подходящих» лиц. Под флагом этих по внешности аполитичных предприятий группировался соответствующий контингент представителей русско-помещичьей контрреволюции. С. А. Бутвиловский вел деловые переговоры с представителями купеческого мира, намечал подряды, заказы и прочее. Организация старалась всемерно использовать всякую возможность устроить своих людей на командные должности в Красную армию, на службу в военные и советские учреждения. Однако самым характерным, определяющим, пожалуй, степень серьезности всех начинаний организации «Великой единой России» было внешнее поведение ее организаторов, обусловленное наличием в их руках крупных денежных сумм, немецкое происхождение которых знали немногие. Одна из контрреволюционных деятельниц так отзывалась об этой организации: «Началась наивная и неумелая лепка картонного домика контрреволюции».

Связь организации «Великая единая Россия» с Германией проходила по линии Берлин – Варшава – Псков – Петроград. Организация имела своих курьеров, ездивших с различными поручениями из Петрограда в Псков и обратно, переходя по пути демаркационную советско-германскую линию в районе Пскова.

Эта организация, по крайней мере в лице ее отдельных, но наиболее авторитетных членов, в процессе своей повседневной контрреволюционной деятельности осознала вскоре тщету своих усилий и необходимость перейти к более серьезному делу – формированию белогвардейских военных отрядов вне пределов Советской республики. С. А. Бутвиловский, исходя из этих соображений, в конце 1918 г. предпринял шаги по формированию так называемой Северной армии в Пскове под прикрытием войск оккупантов. По этому поводу велась усиленная переписка с Псковом, которая не могла не повлиять на последовавшее вскоре решение германского главного командования на востоке – предоставить все возможное, вплоть до оказания материальной поддержки, для успешной организации белогвардейской русской армии на северо-западе России. По мнению организации «Великая единая Россия», занятие Петрограда не требовало предварительного и длительного сосредоточения крупных вооруженных сил.

Наконец, в Петрограде помимо указанных германофильских контрреволюционных групп в 1918 г. существовали гвардейская офицерская организация и так называемая монархическая партия Н. Е. Маркова 2-го. Гвардейская офицерская организация объединяла гвардейских офицеров старой армии и делилась в начале 1918 г. на две группы: первая – офицеры гвардейской пехоты и полевой артиллерии, вторая – офицеры гвардейской кавалерии и конной артиллерии. Во главе каждой группы стояли ответственные руководители: в первой – генерал Гольтгоер, во второй – генерал Е. А. Арсеньев; в распоряжении этих генералов

для текущей организационной работы находились секретари-полковники (у генерала Арсеньева – полковник барон Таубе).

Группа устраивала общие собрания, на которых вырабатывалась линия поведения офицеров, находившихся на советской территории. С момента организации в начале 1918 года 1-го корпуса Красной армии гвардейская организация решила принять активное участие в этих советских формированиях, преследуя цель организованной измены на фронте, куда предполагалось бросить красноармейские части. Общий план предусматривал необходимость предварительно договориться с германским военным командованием и состоял в том, что германские войска и части 1-го советского корпуса совместно займут Петроград и восстановят монархию в России, Россия заключит сепаратный мир с Германией и до конца мировой войны будет соблюдать дружественный нейтралитет в отношении срединной коалиции. Этот план действий получил полное одобрение от бывшего великого князя Павла Александровича, который выразил желание стать при необходимости во главе корпуса и временного русского правления.

Приведение плана заговорщиков в исполнение лежало в обязанности одного из активных деятелей гвардейской офицерской организации – ротмистра л. – гв. Кирасирского полка фон Розенберга, который занял пост начальника оперативного отдела штаба 1-го корпуса и временно, до выступления частей корпуса на фронт, должен был руководить отделом формирования.

Теснейший контакт гвардейская офицерская организация поддерживала с монархической партией Н. Е. Маркова 2-го, в состав которой входили сенатор С. С. Андреевский, Панютин, Волков, полковник л. – гв. Семеновского полка А. Ф. Штейн и другие. Обе эти организации руководились непосредственно Н. Е. Марковым 2-м и генералом Н. Н. Юденичем⁵.

Однако этот план гвардейских заговорщиков не был выполнен вследствие того, что формируемый 1-й корпус Красной армии, несмотря на наличие в нем старых офицерских кадров, был вполне надежной вооруженной силой пролетарской революции и по составу бойцов не мог способствовать широкому плану измены. Вскоре органами Советской власти были арестованы руководители пехотной и кавалерийской групп гвардейской офицерской организации. Вся работа членов организации после этого должна была сосредоточиться исключительно на белогвардейских российских формированиях за пределами Советской Республики.

Такова была деятельность контрреволюционных организаций в Петрограде, ориентировавшихся как частично, так и целиком на Германию⁶.

Итак, в Петрограде помимо различных контрреволюционных групп, субсидированных представителями Антанты и связанных с ее агентами, проявляли активную деятельность и другие группировки, преимущественно монархического толка, ориентировавшиеся на Германию. И в то время как первые центр своего внимания переносили из Петрограда на другие районы России, интересовавшие их патронов, т. е. свою повседневную работу подчиняли не столько своим собственным интересам, сколько интересам союзников, вторые – в сферу активных действий как своих, так и вооруженных сил Германии включали в первую

⁵ Авалов П. М. В борьбе с большевизмом. Глюкштадт; Гамбург: Изд-во И. И. Августина, 1925. С. 36, 37, 76.

⁶ В Петрограде в различные периоды 1918 г. существовали еще и другие контрреволюционные группы и организации германофильского направления, не говоря уже об организациях антантовской ориентации. Однако чрезвычайная организационная пестрота, являвшаяся характерной чертой деятельности русской контрреволюции в целом в течение 1918 г., не дает возможности с абсолютной точностью определить степень организационной самостоятельности и цельности различных групп и организаций. Даже работники белого стана не всегда разбирались и разбираются в том организационном многообразии, которое имело место в 1918 г. внутри Советской республики.

очередь северо-западный район Советской России с ее мощным пролетарским революционным центром – Петроградом.

Такое своеобразное положение северо-западной окраины Советской республики в 1918 г. в конечном итоге обуславливалось, с одной стороны, отсутствием давления на нее вооруженных сил Антанты вследствие территориальной дальности Петрограда от районов России, попавших в сферу союзнической интервенции (Мурманск, а затем Архангельск), и с другой – господством в то время Германии в Прибалтике и наличием на непосредственных подступах к Петрограду германских войск.

Один из бывших активных деятелей белого стана, сторонник ориентации на Антанту В. И. Игнатьев по поводу деятельности контрреволюционных организаций в Петрограде писал:

«Петроград кишел всякими организациями, поставившими своей задачей борьбу с большевиками, организациями, в своем большинстве питающимися из одного и того же союзнического кармана и, несмотря на общность непосредственной цели – сломить большевиков, ненавидящих друг друга, не верящих друг другу, готовых при первом стремлении к дальнейшему строительству России, которую каждая организация понимала по-своему, перегрызть друг другу горло, – что потом и случилось»⁷.

В отношении Петрограда необходимо констатировать, что эта взаимная вражда между контрреволюционными организациями осложнялась более глубокими противоречиями, коренившимися в вопросах внешней ориентации. Колеблющаяся, выжидательная тактика некоторых организаций в смысле окончательного определения линии своей внешней политики была только одной из форм приспособления различных контрреволюционных группировок к условиям жизни. Эта приспособляемость тормозила своевременную выработку собственных программ по устройству белой России, почему не всегда возможно точно определить социальную природу их разногласий. Споры о военной диктатуре или директории отражали лишь взгляды двух полюсов внутренней контрреволюции – мелко-буржуазного и буржуазно-помещичьего – и являлись одной, хотя и весьма характерной, но далеко не решающей стороной этих трений. Вопросы внешней политики были стержнем политической платформы различных групп российской контрреволюции, который определял основное направление их внутренней политики.

Русские белогвардейские организации в Петрограде, ориентировавшиеся на Германию, были поставлены в гораздо лучшее положение, чем сторонники Антанты. Они имели возможность завязать тесные взаимоотношения с представителями германских оккупационных войск, чтобы в дальнейшем приступить уже к непосредственной реализации своей политической программы и активным действиям на северо-западной территории Советской России. Сторонники Антанты были тесно связаны с англо-французами и должны были содействовать осуществлению планов своих хозяев, т. е., по условиям того времени, не обращать особого и серьезного внимания на Петроградский район. Сторонников Германии интересовали, конечно, вопросы военного характера, именно то, о чем неоднократно писал в Псков один из активных деятелей организации «Единая великая Россия» – С. А. Бутвиловский.

Близость к Петрограду оккупированных Германией русских областей – части Витебской и Псковской губерний, Лифляндии и Эстляндии – «невольно» наводила на мысль о создании там русской белогвардейской армии.

⁷ Игнатьев В. И. Некоторые факты и итоги 4 лет Гражданской войны (1917–1921 гг.), часть 1 – «Октябрь 1917 г. – август 1919 г., Петроград, Вологда, Архангельск» (личные воспоминания). Пг.: Госиздат, 1922. С. 19.

В этом отношении для германофильской русской контрреволюции представлялась реальная возможность формировать добровольческие белогвардейские силы на северо-западе России под защитой германских штыков.

Глава 2

Конкретные практические шаги в деле формирования Северной армии были сделаны представителями германского военного командования. Поставив перед собой довольно широкие задачи по созданию двух русских армий на Украине, оккупированной германскими войсками⁸, командование последних считало необходимым немедленно приступить к таким формированиям и на оккупированной части северо-запада России.

Для выяснения всех вопросов в связи с организацией Северной армии, равно как и для налаживания связей с русскими монархическими организациями, главное германское командование специально уполномочило гауптмана (капитана) Э. Последний вскоре в разговоре с представителем русских монархических организаций ротмистром фон Розенбергом в помещении прибалтийской миссии при германском генеральном консульстве в Петрограде изложил основные задачи предполагавшегося формирования Северной армии. Они сводились к активным военным действиям в направлении на Петроград и Москву, к занятию этих городов и свержению Советской власти. Ротмистр фон Розенберг о своей беседе решил немедленно информировать гвардейскую офицерскую организацию, а через нее и Н. Е. Маркова 2-го. Вслед за тем группа офицеров, в числе которой были полковник барон Таубе, полковник Л. – Гв. Семеновского полка А. Ф. Штейн и некий полковник Р., одоблив предложения немецкого офицера и констатировав полное совпадение этих германских предложений со своими намерениями, решила в свою очередь поставить обо всем в известность Н. Е. Маркова 2-го и генерала Н. Н. Юденича. Полное одобрение всем предположениям немецкого командования было дано и этими двумя шефами контрреволюционных организаций. После полученного таким образом полного одобрения своих планов германский уполномоченный гауптман Э. имел в Петрограде совещание с русскими полковниками Штейном и Р., на котором были намечены следующие условия формирования добровольческой армии на северо-западе России:

- 1) Русская добровольческая армия должна формироваться по соглашению с императорским германским правительством;
- 2) местом формирования должны послужить оккупированные германскими войсками русские области, причем желательными являются районы городов Двинск – Вильна или Валк – Вольмар – Венден;
- 3) формирование армии должно производиться в одном из указанных районов, под прикрытием германских оккупационных войск;

⁸ Командование австро-германских оккупационных войск, исходя из далеких перспектив, поставило перед собою цель создать на русской территории две русские армии, назначение которых должно было определяться германофильской ориентацией их офицерского кадра. Первая, так называемая «Южная», армия с разрешения атамана войска Донского генерала П. Н. Краснова должна была формироваться в Богучарском и Новохоперском уездах Воронежской губернии. При полной поддержке германских военных властей в течение трех месяцев лета 1918 г. на территории Украины было открыто 25 вербовочных бюро, которые дали к августу 1918 г. до 16 000 добровольцев, из коих 30 % составляли офицеры. В августе было закончено формирование 1-й дивизии Южной армии (начальник дивизии – генерал Семенов), после чего было приступлено к формированию 2-й дивизии (начальник дивизии – генерал Джонсон) в районе станции Миллерово. Однако последовавшие вскоре революционные события в Германии и уход оккупантов из Украины не дали возможности закончить формирование 2-й дивизии. Сформированные части по приказу генерала Краснова от 14 ноября 1918 г. были влиты под названием Воронежского и Астраханского корпусов в новую Южную армию (командующий армией – генерал Н. И. Иванов), оперировавшую совместно с донским казачеством против советских войск. Вторая, так называемая «Астраханская» армия комплектовалась из астраханских казаков и калмыков также при помощи немцев. В Киеве было центральное вербовочное бюро этой армии, во главе которого был поставлен полковник Тундутов и в качестве политического руководителя – Иван Добрынский. Немцы отпускали деньги и снабжение. К августу армия насчитывала 3000 добровольцев (командир – генерал Павлов). В сентябре 1918 г. Астраханская армия перешла в подчинение генералу Краснову и потеряла свое самостоятельное политическое значение.

4) армия должна будет комплектоваться: а) местными русскими офицерами и добровольцами, б) переправленными при помощи германцев из Петербурга офицерами и добровольцами, причем многие из них предварительно должны быть освобождены из тюрьмы, в русских военнопленными, находящимися в лагерях Германии;

5) командующим армией, с диктаторскими полномочиями, должен быть назначен русский генерал с популярным боевым именем, причем желательно было бы назначение генерала Юденича, генерала Гурко или генерала графа Келлера;

6) денежные средства на содержание армии должны выдаваться заимообразно германским правительством русскому государству;

7) все необходимое для формирования армии, как то: вооружение, обмундирование, снаряжение и продовольствие, должно отпускаться германскими военными властями русскому командованию;

8) в одном из городов оккупированной области перед началом формирования должен быть созван Русский монархический съезд, имеющий своей задачей выделить из своего состава Временное правительство России;

9) армия по окончании формирования должна быть приведена к присяге законному царю и Русскому государству;

10) задачи армии: а) наступление на Петербург и свержение большевизма, б) поддержание законной власти, в) водворение порядка во всей России;

11) все установления политического характера должны быть выяснены на Монархическом съезде и утверждены избранным Временным правительством;

12) германские войска участия в подавлении большевизма не принимают, но следуют за армией для поддержания внутреннего порядка и престижа власти⁹.

Эти условия были устно переданы гауптману Э., который отправился в г. Ковно для представления их германскому главному военному командованию.

Ротмистру фон Розенбергу от имени гвардейской офицерской и монархической организаций было поручено отправиться в Псков и приняться за организацию прочной связи с Петроградом, начать подготовку всего необходимого для приема прибывающих офицеров, установить контакт с местными политическими и общественными деятелями и ознакомиться с местными условиями жизни, настроением русских офицеров, интеллигенции, городского населения и крестьян.

К моменту приезда Розенберга в Пскове жило много офицеров, значительная часть которых была захвачена спекулятивной горячкой, контрабандными делами и т. п. Наиболее воинственные элементы из находившихся в Пскове офицеров поспешили еще раньше оставить город и уехать на юг России, оставшиеся же в скором времени от поиска заработка перешли к широким поискам наживы и увязли в захватившей своими щупальцами весь город спекуляции.

Городская интеллигенция в лице чиновников, педагогов, врачей, большого количества адвокатов, враждебная вообще диктатуре пролетариата, не отличалась тогда особыми качествами настоящего российского патриота. Безволие, мягкотелость и, наконец, простое проявление трусости были отличительными чертами псковской интеллигенции. Разговоры с этой частью населения об организации вооруженной борьбы с большевизмом хотя и принимали характер вполне сочувственной беседы, однако ничего реального на первое время не давали. Наиболее организованной частью населения Пскова было вообще купечество, но и оно вследствие закрытия некоторых старинных фирм было представлено новым поколением

⁹ ¹ *Авалов П.* В борьбе с большевизмом. С. 60, 61. Совещание это происходило, по-видимому, в августе 1918 г. Подлинные фамилии «Гауптмана Э.» и «полковника Р.» у Авалова не приводятся.

небольшой ценности в патриотическом отношении и не желавшим сразу принять непосредственное участие в формировании Северной армии. Даже впоследствии, когда формирование белой вооруженной силы стало фактом и проводилось через специально созданные русские вербовочные бюро, помощь городской буржуазии, таких, например, ее представителей, как миллионер П. Д. Батов и купец И. И. Жиглевич, по мнению самих деятельных участников формирования, была далеко не достаточна¹⁰.

Настроение рабочих города и крестьянства по району отмечалось опять-таки самими творцами Белой армии в следующих знаменательных выражениях:

«...Что же касается рабочего класса и крестьянства, то оно в большинстве тяготело к большевикам, в которых видело освободителей от германской оккупации, мешавшей им грабить помещиков»¹¹.

В Пскове Розенберг завязал связь с бывшими членами Гос. думы Г. М. Дерюгиным, Н. Н. Лавриновским, А. П. Горскиным и местным общественным деятелем Б. Б. Линде. На первом же совещании было постановлено, что руководство политической и общественной стороной предпринимаемого дела будет осуществляться указанными лицами, а военную и административную работу должен был по-прежнему выполнять ротмистр Розенберг.

Со стороны германского командования миссия Розенберга встретила полное сочувствие. Германским пограничным войскам было отдано приказание пропускать через границу русских офицеров, следующих из Советской России по заранее установленному паролю: «Nordabschnitt» («северный отрез»); который был сообщен конспиративным контрреволюционным организациям в Петрограде.

К числу таких организаций принадлежала «Великая единая Россия», которая поддерживала постоянную связь с формирующейся в Пскове Северной армией через курьера, некоего Шуберта. При его посредстве велись переговоры с официальным представителем «правого центра» Винтер-Свистуновым, почему следует заключить, что в то время и «правый центр» не был в стороне от практического содействия белым формированиям в Пскове¹².

Для приема прибывших русских офицеров при штабе б-й германской запасной дивизии в Пскове было создано русское комендантское управление, во главе которого стал ротмистр Каширский со своим адъютантом штаб-ротмистром Петровым. Сюда направлялись все офицеры, перешедшие демаркационную линию. Они получали удостоверения на право жительства в городе и ношения офицерской формы. Вскоре было открыто общежитие для офицеров и было разрешено пользоваться германским гарнизонным офицерским собранием, где можно было получать дешевый завтрак и обед.

15 сентября 1918 г. в Псков вернулся гауптман Э. и сообщил, что главное германское командование на востоке принимает условия формирования русской армии на северо-западе России, но требует созыва в Пскове монархического съезда, который должен со своей стороны подтвердить желательность германской помощи. Расходы по организации такого съезда немцы брали на себя.

Для созыва съезда в Пскове в Киев срочно выехала делегация в составе Г. М. Дерюгина, Н. Н. Лавриновского, А. П. Горскина и капитана фон Дитмара. С той же целью были командированы отдельные лица в Петроград и Москву. В частности, в Петроград поехал бывший «губернатор Г.», которого германцы переправили через границу как своего курьера. В белогвардейском стане началось оживление. Вслед за делегацией, выехавшей в Киев, к

¹⁰ Смирнов К. К. Начало Сев. – зап. Армии // Белое дело. Берлин: Изд-во «Медный всадник», 1927. Т. 1. С. 114, 123.

¹¹ Авалов П. В борьбе с большевизмом. С. 66.

¹² Лацис М. Я. (Судрабс) Два года борьбы на внутреннем фронте (популярный обзор двухгодичной деятельности чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности). М.: Госиздат, 1920. С. 30, 31.

генералу графу Ф. А. Келлеру были командированы ротмистр 16-го гусарского Иркутского полка А. К. Гершельман и обер-лейтенант фон Гаммерштейн, которые должны были информировать Келлера и просить его принять командование над добровольческой армией, формирувавшейся в Пскове.

Однако дело со съездом не ладилось. Вскоре из Киева прибыл один из делегатов – А. П. Горский и сообщил, что в качестве политического центра, где намечается план дальнейших действий, является г. Киев и что только там может решиться судьба России, почему вопросы формирования русской добровольческой армии на севере его и делегацию больше не интересуют. «Все будет уже закончено, когда вы только начнете», – закончил свою информацию А. П. Горский.

Прибывшие же из Киева Гершельман и Гаммерштейн сообщили, что офицерство, живущее в Киеве, сочувственно отнеслось к идее формирования добровольческой русской армии на северо-западе и что почти все гвардейские офицеры изъявили безоговорочное свое желание вступить в ряды Северной армии, операции которой будут направлены на Петроград.

Выяснив окончательно невозможность быстрого созыва монархического съезда в Пскове, инициаторы создания добровольческой армии обратились к главному германскому военному командованию в Ковно с просьбой не обуславливать формирование армии созывом монархического съезда в Пскове.

В ответ на это 9 октября 1918 г. из Ковно от имени главного военного германского командования на востоке прибыла в Псков военная германская комиссия, которой были даны исчерпывающие инструкции о деталях формирования русской Белой армии на северо-западе.

10 октября 1918 г. утром состоялось первое военное русско-германское совещание, на котором с германской стороны присутствовали генерального штаба майор фон Клейст, майор фон Тресков, обер-лейтенант фон Гаммерштейн и в качестве переводчика лейтенант Ниман; с русской стороны – ротмистр фон Розенберг, ротмистр Гершельман, капитан Тарановский и Б. Б. Линде. На этом заседании было постановлено немедленно приступить к формированию добровольческой армии, для чего привлечь к работе русских офицеров генерального штаба, из числа которых были указаны генерал-майоры: Б. С. Малявин (Псков), А. Е. Вандам (Ревель), П. Н. Симанский (имение у г. Острова). Генерал Малявин сразу же изъявил свое желание, и следующее вечернее заседание прошло под его председательством. К генералу Вандаму в Ревель была послана особая делегация в составе полковника барона Вольфа Радко-Дмитриева (сына генерала) и Пешехонова.

На первом заседании были выработаны нормы денежного, провиантского и других видов довольствия, разграничены сферы деятельности русской и германской контрразведок. Было учреждено русское агитационное бюро. По городу с 10 октября стали распространяться листовки с объявлением от имени русской Белой армии.

На последующих четырех заседаниях русско-германской комиссии были выработаны окончательные условия формирования русской северо-западной добровольческой армии, которая была названа Северной армией. Условия сводились к следующему:

1) Русская добровольческая Северная армия по соглашению с императорским германским правительством и при посредстве главного военного германского командования на востоке начинает свое формирование 10 октября 1918 года.

2) Районом формирования указанной армии назначаются оккупированные части Псковской и Витебской губерний – с городами Псков, Остров, Изборск, Режица и Двинск.

3) Формирование армии будет происходить в названном районе под прикрытием германских оккупационных войск.

4) Армия будет комплектоваться: а) местными русскими офицерами и добровольцами; б) таковыми же перебежчиками из Советской России; в) таковыми же других оккупированных германцами русских областей; г) таковыми же военнопленными, находящимися в Германии, причем вербовка последних будет произведена специально командиром для этой цели в Германию комиссией из русских офицеров.

5) Командующим армией, с диктаторскими полномочиями, назначается русский генерал с популярным боевым именем, желательно при согласии генерала Юденича, генерала Гурко или генерала графа Келлера.

6) Денежные средства на содержание армии отпускаются германским правительством заимообразно Русскому государству и направляются через главное военное германское командование в русское полевое казначейство при армии, откуда расходуются на общих основаниях.

7) Вооружение, снаряжение, шанцевый инструмент, обмундирование, продовольствие и технические средства даются германским правительством через главное военное германское командование таковому же русскому, причем обмундирование и вооружение, по возможности русского образца и в размере, потребном для формирования не менее одного корпуса, силою в две пехотные дивизии, согласно германским штатам, с отдельной бригадой кавалерии, соответствующей артиллерией, вспомогательными частями (инженерными, саперными, авиационными, автомобильными, мотоциклетными, велосипедными, телефонными, телеграфными и железнодорожными и всеми техническими средствами).

8) Армия по окончании формирования приводится к присяге законному царю и Русскому государству.

9) На формирование армии дается срок не менее двух с половиною месяцев, после чего армия должна быть в боевой готовности.

10) По сформировании армии германские войска отходят на новую демаркационную линию и сдают старую русским.

11) За месяц перед своим отходом германские военные и гражданские власти сдают все управление армейским районом таковым же русским властям.

12) При армии остаются для связи три германских офицера, из которых один Генерального штаба.

13) Германские войска при наступлении не участвуют в подавлении большевизма, но следуют за армией для поддержания внутреннего порядка и престижа власти.

14) После занятия Петербурга объявляется военная диктатура, причем диктатором будет командующий Северной армией.

15) Задачи армии: а) защита указанного выше армейского района от большевистского нашествия; б) движение вперед для взятия Петербурга и свержения большевистского правительства; в) водворение порядка во всей России и поддержка законного русского правительства¹³.

При сравнении этих условий формирования Северной армии с теми, которые были предварительно выработаны на совещании германского уполномоченного Гауптмана Э. с русскими полковниками А. Ф. Штейном и Р., видно, что особых принципиальных изменений внесено не было. Имеющиеся поправки и дополнения только уточняли и конкретизировали те положения, которые в протоколах предварительных совещаний были зафиксированы в общей форме. Новым в этих окончательных условиях формирования Белой армии является, с одной стороны, изменение района формирования в сторону его приближения к демаркационной советско-германской линии на северо-западе России, с другой – отказ германского военного командования от требования созвать монархический съезд.

¹³ Авалов П. В борьбе с большевизмом. С. 70, 71.

На совещаниях военной комиссии германское командование вновь подтвердило свою готовность оказать материальную поддержку русским белогвардейцам. На одном из заседаний комиссии было сообщено, что немцы отпускают в распоряжение Северной армии 150 миллионов рублей марок, вооружение, снабжение и обмундирование на 50 000 человек, 500 пулеметов, 36 легких полевых 3-дюймовых пушек, 24 тяжелых пушки и разного рода технические средства¹⁴. Все это военное имущество предполагалось сосредоточить в специально устроенных складах и магазинах в г. Изборске.

По вопросу о месте расположения добровольческих отрядов и штаба Северной армии было предложено со стороны Розенберга в качестве такого пункта избрать не Псков, а, например, г. Режицу, как находившийся в более глубоком тылу. Однако такое предложение встретило серьезный отпор германских представителей. Авалов по этому поводу пишет:

«...Германский уполномоченный, майор фон Тресков, был против помещения штаба армии в Режице, потому что при таком положении Курляндия, естественно, должна была бы быть базой для русской добровольческой армии, а это... совершенно не устраивало Германию»¹⁵.

Таким образом, уже здесь, при обсуждении всех вопросов, связанных с формированием Северной армии, представителями одной стороны была вскрыта определенная тенденция германской военщины сохранить свое влияние на Прибалтику. Помогая русским белогвардейцам, представители германского милитаризма преследовали исключительно империалистические цели Германии и только под этим углом зрения принимали непосредственное участие в формировании русской Белой армии. Всем своим дальнейшим поведением и боевой активностью Северная армия должна была способствовать реализации этих тенденций германского империализма.

12 октября из Ревеля приехал генерал А. Е. Вандам. Он с одобрения членов военной комиссии принял диктаторские полномочия и вступил во временное командование отдельным Псковским добровольческим корпусом, который должен был послужить первой боевой единицей Северной армии. Вскоре был сформирован и штаб корпуса, к которому «для связи» были прикомандированы германские офицеры: генерального штаба майор фон Клейст, обер-лейтенант фон Гаммерштейн, обер-лейтенант Хольц (по хозяйственной части) и лейтенант Ниман (в качестве переводчика).

Штаб корпуса был сконструирован в составе: начальника штаба – генерального штаба генерал-майора Б. С. Малявина, двух штаб-офицеров для поручения – полковника барона Вольфа и ротмистра Гершельмана, обер-квартирмейстера – причисленного к Генеральному штабу, гвардии ротмистра фон Розенберга, дежурного штаб-офицера – подполковника Гильберта, заведующих артиллерийской частью – подполковника Р., инженерной – подполковника Розанова, интендантской – генерал-майора Львова, санитарной – доктора Сергеева, полевого корпусного казначея – Молоховского и для поручений по гражданской части – Б. Б. Линде.

Отделу обер-квартирмейстера было поручено руководство вербовочным делом. В Пскове было открыто главное вербовочное бюро, во главе которого стал недавно прибывший из Москвы ротмистр Гоштовт. Это бюро было разделено на два отделения. Первое ведало приемом офицеров, второе – рядовых добровольцев.

¹⁴ В книге М. Г. Баха «Политико-экономические взаимоотношения между СССР и Прибалтикой за десять лет, 1917-1927 гг», изд. Комм, академии, М., 1928 г. встречается ошибочное указание на то, что все обещанное германским командованием вооружение было полностью выдано русским белогвардейцам. На самом деле за все время совместной работы германское командование предоставило в распоряжение Северного корпуса немного более 3 миллионов марок, 8 тысяч винтовок, из которых $\frac{3}{4}$ негодных, 6 легких и 24 тяжелых орудия, совершенно не пригодных для боевого использования (см.: *Родзянко А. П.* Воспоминания о Северо-западной армии. Берлин: об-во «Арессао, 1921. Приложение 5).

¹⁵ *Авалов П.* Указ. соч. С. 72.

Во главе контрразведки корпуса был поставлен ротмистр Тарановский.

Вспомогательные вербовочные бюро были открыты в городах: Острове, Режице, Двинске, Дриссе, Валке, Юрьеве, Ревеле, Нарве, Риге, Митаве, Либаве. Начальником всех вербовочных бюро в Прибалтийском крае был назначен ротмистр фон Адлерберг.

Кроме организации вербовочных бюро в вышеуказанных городах были командированы в Вильно, Ковно и Гродно на короткий срок офицеры в тех же целях вербовки добровольцев. Совершенно конспиративно проходила вербовка в Северную армию и на территории Советской Республики, где в этом отношении соответствующую помощь оказывали различные сотрудники германских миссий¹⁶.

В течение первой вербовочной недели общее количество записавшихся добровольцев превышало 1500 человек, причем офицерство составляло 30–40 % общего числа¹⁷.

Немецкие власти в это время аккуратно выполняли свои обещания, беспрепятственно выдавали продовольствие и некоторые денежные суммы. Все это способствовало делу формирования и давало возможность штабу белогвардейского корпуса начать разбивку добровольцев по частям. К 18 октября было решено, что корпус будет иметь три полка – один в Пскове, второй в Острове и третий в Режице. На пост командиров полков были намечены кандидаты – полковники Лебедев, Казимирский и Клесинский. Формирование артиллерии было поручено полковнику К. К. Смирнову. Окончательное решение этих вопросов последовало на устроенном 21 октября в германском офицерском казино в Пскове первом военном совещании чинов корпуса. Присутствовали генерал-майор Вандам, генерал-майор Малявин, дежурный генерал полковник Гильберт, армейский инженер, подполковник Розанов, инспектор артиллерии, подполковник Борден фон Борделиус, генерал-майор Никифоров, командиры 1-го Псковского и 2-го Островского полков и командир артиллерийского дивизиона.

На этом совещании было уже окончательно решено формировать пока одну стрелковую дивизию в составе Псковского, Островского и Режицкого полков, приступить к формированию инженерной роты и создать 2-батареиную артиллерийскую часть, присвоив ей наименование артиллерийского полка. Начальником 1-й стрелковой дивизии был назначен генерал-майор Никифоров.

Совещание постановило сохранить сеть вербовочных бюро, присвоив их заведующим функции воинских начальников. В числе прочих вопросов члены совещания должны были установить форму одежды для формирующихся частей Северной армии, и после длительных дебатов все пришли к выводу сохранить старую форму российской армии.

В конце совещания строевые начальники обратились к генерал-майору Вандаму с пожеланием, чтобы армия была строго регулярной, чтобы она избегала партизанщины и т. п. Это пожелание вызвало резкую критику начальника штаба корпуса генерал-майора Малявина, командующий же корпусом по этому серьезному вопросу своего мнения не высказал. В связи с этим у самих участников совещания, преимущественно строевых офицеров, сложилось впечатление, что штаб корпуса не имеет установившейся единой точки зрения и ясной линии своего дальнейшего поведения. Это обстоятельство в дальнейшем создало не вполне здоровую обстановку для планомерной работы русских белогвардейцев и заставило вскоре начальника дивизии генерала Никифорова передать командование генерал-майору Симанскому, а самому уйти в отставку.

К концу октября 1918 г. 1-я стрелковая дивизия состояла из 3 полков двухбатальонного состава, численность полка доходила до 500 человек. Полки получили наименование в зависимости от места их формирования. Таким образом, в 1-ю стрелковую добровольческую дивизию входили: 1-й стрелковый добровольческий Псковский полк с командиром полка

¹⁶ Авалов П. Указ. соч. С. 73.

¹⁷ Смирнов К. К. Начало Сев. – зап. армии // Белое дело. Берлин: Изд-во «Медный всадник», 1927. Т. 1.

полковником Лебедевым; 2-й стрелковый добровольческий Островский полк с командиром полка полковником К. К. Дзерожинским; 3-й стрелковый добровольческий Режицкий полк с командиром полка полковником Г.Г. фон Нефом и две легкие полевые батареи по 4 орудия в каждой.

Кроме этого, по частной инициативе были сформированы: отряд внешней охраны г. Пскова в 200 человек под командой капитана Мякоша; конный партизанский отряд в г. Острове в 150 коней под командой полковника А. В. Бибикова и партизанский отряд полковника Афанасьева численностью до 150 человек в г. Режице.

Следовательно, общая численность белых формирований Северной армии к концу октября 1918 г. несколько превышала 2000 человек и являлась результатом проведенной вербовочной кампании в целом ряде городов, находившихся в пределах оккупированной Германией территории. Но в скором времени рамки белогвардейских формирований расширились в связи с увеличением, в некотором смысле, самой территории, в пределах которой происходила вербовка добровольцев в Белую армию.

Лозунги вооруженной борьбы с Советами нашли своих сторонников не только в пределах оккупированной германскими войсками зоны, но и за ее пределами – на территории Советской Республики. В этом отношении с конца октября 1918 г. произошли события, которые способствовали этому процессу в более широком размере. Дело в том, что вместе с формированием Северной армии просачивание отдельных антисоветских элементов через демаркационную линию, из Советской России в Псков, к концу октября 1918 г. сменилось групповым переходом. Такие групповые переходы были, по существу, изменой и предательством.

К числу явлений такого порядка осенью 1918 г. относятся переход на сторону белых 26 октября одного эскадрона 3-го Петроградского кавалерийского полка 3-й Петроградской дивизии под командованием бывш. подьесаула Пермыкина, 28 октября трех судов Чудской озерной флотилии под командованием начальника флотилии, бывш. капитана 2 ранга Д. Д. Нелидова и, наконец, в начале ноября остальных эскадронов 3-го Петроградского кавалерийского полка во главе с самим командиром полка, бывш. ротмистром С. Н. Булак-Балаховичем.

Измена Б. С. Пермыкина, С. Н. Булак-Балаховича и Д. Д. Нелидова была проведена ими очень искусно. Представители советского командования и некоторые местные советские партийные организации были поставлены в чрезвычайно затруднительное положение, которое усугублялось еще тем обстоятельством, что под рукой не было достаточной по количеству и вполне надежной вооруженной силы, чтобы воспрепятствовать осуществлению контрреволюционного плана. Относительно же того, что такой план у С. Булак-Балаховича был, местные работники не раз предупреждали свой непосредственный центр.

Процесс формирования 3-го Петроградского кавалерийского полка 3-й Петроградской дивизии, а ранее – 1-го Лужского партизанского конного полка 4-й Петроградской дивизии был настолько показателен в смысле наличия у его организатора С. Булак-Балаховича каких-то своих тайных планов, что все отрицательные стороны этого формирования возбуждали сразу же проявление к ним некоторого любопытства и внимания. Лужская уездная партийная организация не раз ставила перед собой этот вопрос, но, однако, предпринять какой-либо определенный шаг была не в состоянии. С. Булак-Балахович формировал свой полк по специальному разрешению председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого и не подлежал контролю военного комиссара. Несмотря на попытки местных советских властей пополнить это формирование членами РКП (б), С. Н. Булак-Балахович продолжал свою ответственную работу вполне самостоятельно и бесконтрольно и сознательно не допускал в свой полк ни одного партийного работника.

В начале своего формирования 1-й Лужский партизанский конный полк Булак-Балаховича воскрешал традиции пунинского партизанского отряда старой армии¹⁸ и впредь, до благоприятно сложившейся обстановки, был как бы попутчиком создававшейся Рабоче-крестьянской Красной армии.

Имея в качестве кадра формирования остатки пунинского отряда, С. Булак-Балаховичу оставалось только использовать трудную для Советской Республики обстановку 1918 г., пополнить свой отряд людьми и лошадьми для того, чтобы быть менее зависимым от высшего советского военного командования и более самостоятельным в деле выполнения своих планов. Он вербовал в свой полк лиц с определенной служебной репутацией и, не гнушаясь, зачислял на службу людей с уголовным прошлым. Первые, составляя командный кадр полка, должны были соответственным образом удовлетворять потребности и запросы партизан, втягивать их в целый ряд преступлений, чтобы тверже и надежнее держать их в своих руках.

Навербованный таким способом личный состав полка, достигший к осени 1918 г. 1000 человек, стал возбуждать законные подозрения у местных советских, партийных и военных работников. Но эти подозрения с чрезвычайной медлительностью оформлялись, а тем временем С. Булак-Балахович со своим полком был призван к подавлению целого ряда антисоветских восстаний и сбору оружия в районе Гдова – Луги. Эту карательную миссию балаховцы выполняли с большим рвением и усердием, не разбираясь в истинных причинах того или иного восстания и обрушивая меч своего военного правосудия на всякого, независимо от его социального происхождения. Особое внимание при этом в смысле меры наказания уделялось беднейшим слоям крестьянства. Все эти действия (контрибуции, конфискации, порки, насилия) проводились именем Советской власти и, естественно, в скором времени дали соответствующие плоды. Антисоветские восстания отнюдь не уменьшались, а, наоборот, имели чрезвычайно опасную тенденцию к расширению. Целый поток жалоб на безобразное поведение балаховцев сопровождал их возвращению после ликвидации антисоветского восстания в каком-нибудь районе.

Особое карательное усердие Булак-Балаховича преследовало определенную цель.

Еще в начале формирования Белой армии в Псков был послан делегат Булак-Балаховича¹⁹, который заявил там представителям русских белогвардейцев, что Булак-Балахович не замедлит перейти на сторону белых при условии дальнейшего развертывания их формирований²⁰.

Связь С. Булак-Балаховича с Белой армией была, конечно, выражением его классовых чувств и симпатий. Ему пришлось теперь лишь ускорить выполнение давно задуманного плана из боязни быть привлеченным Советской властью к ответственности за вышеприведенные насилия. До тех пор пока на северо-западе России не было организованной русской контрреволюции и пока до ноября 1918 г. единственным врагом на этом участке был внешний враг России в империалистическую войну – германская оккупационная армия, группа офицеров с С. Булак-Балаховичем во главе, скрывая свое настоящее лицо, вынуждена была работать с Советской властью. Но как только на политической арене борьбы появилась российская внутренняя контрреволюция, хотя и не располагавшая еще значительной вооружен-

¹⁸ При штабе 12-й русской армии был партизанский отряд под командой Пунина; С. Булак-Балахович в этом отряде числился командиром эскадрона. После убийства немцами Пунина около местечка Пундер, в районе Риги, в командование партизанским отрядом вступил С. Булак-Балахович. После демобилизации старой армии С. Булак-Балахович с остатками своего отряда прибыл в г. Лугу и был причислен к 4-й Петроградской дивизии, начальником которой был Кеппен (штаб 3-й Петроградской дивизии в августе 1918 г. находился еще в г. Гатчина).

¹⁹ П. Авалов в книге «В борьбе с большевизмом» на стр. 75 приводит рассказ ротмистра фон Розенберга, в котором последний говорит, что в середине октября 1918 г. в Псков от имени Булак-Балаховича прибыли поручики Видякин и Пермыкин, первый из которых имел целью информировать русских белогвардейцев о планах Булак-Балаховича.

²⁰ Маргулис М. С. Год интервенции. Изд-во И. Гржебнна. Кн. 2. 1923. С. 197.

ной силой и питавшаяся подачками со стороны, политическая ориентация этой группы офицеров, своеобразных попутчиков, не замедлила выявиться в своем полном и ярком свете.

Относительно тайных намерений и планов С. Булак-Балаховича дает полное представление следующий любопытный документ, являвшийся формально рапортом начальника особого отделения на имя начальника разведывательного бюро штаба Псковского добровольческого корпуса:

«Доношу, что по прибытия в г. Псков мною с ведома немецкого командования были начаты переговоры о переходе особого конного полка на оккупированную территорию для дальнейшей отправки в Южную армию. По возникновении формирования Северной армии вопрос об особом конном полку приобрел более значительное и местное значение. Командиром полка ротмистром Станиславом Балаховичем было собрано 16 октября совещание в Елизаровском монастыре, на котором присутствовал, кроме офицеров полка, начальник Чудской озерной флотилии капитан 2 ранга Нелидов. На совещании офицерами был принципиально решен вопрос о переходе полка и Чудской флотилии на сторону Северной армии.

Для выяснения деталей 17 числа по просьбе ротмистра Балаховича и приказанию вашему мною было устроено свидание с помощником командира особого конного полка штаб-ротмистром Иосифом Балаховичем и командиром 1-го эскадрона Пермыкиным.

Свиданием были выработаны следующие постановления:

- 1) полк и Чудская озерная флотилия в полном составе переходят на сторону Северной армии;
- 2) в случае сохранения обстановки в Лужско-Гдовском районе полк может взять Лугу и Гдов со всеми складами и пресечь связь телеграфную и железнодорожную с Петроградом;
- 3) поднять крестьян в этом районе и получить от них лошадей и людей;
- 4) на случай изменения обстановки в невыгодную для полка сторону полк выходит в нейтральную зону и высылает офицера в штаб, в г. Псков;
- 5) полк принимает все меры к получению запасов обмундирования и недостающих лошадей до 1 ноября;
- 6) о каждом изменении в обстановке ротмистр Балахович ставит в известность штаб в г. Пскове;
- 7) к 1 ноября полк должен быть готов к исполнению приказаний, посланных из штаба за три дня перед выполнением их;
- 8) для пользы дела, сообразуясь с существующими взаимоотношениями солдат и офицеров полка и их подбором, ротмистр Балахович остается командиром полка и офицеры остаются на своих местах по назначению командира полка;
- 9) для сохранения конского состава полка, по примеру казачьих и партизанских частей, лошади составляют собственность офицеров и солдат полка, на коих они обязаны продолжать службу в армии.

Одновременно с командированием штаб-ротмистра Пермыкина на остров Талабск²¹ ротмистру Балаховичу мною было послано

²¹ По-видимому, здесь речь идет о старшем Пермыкине – Борисе, – который, по словам ротмистра фон Розенберга,

предупреждение – в случае приказа производить обстрел неверный, что было им и исполнено»²².

Настоящий документ приподнимает завесу над действительной политикой и деятельностью С. Булак-Балаховича и его компании. Еще не имея полной уверенности в том, что на северо-западе России будет создан какой-нибудь белогвардейский очаг, способный развернуть свою работу, и не желая, по-видимому, работать в тесном, непосредственном контакте с немецкими войсками (такая возможность у него была и раньше, чем воспользовался, например, начальник Чудской озерной флотилии), С. Булак-Балахович задумывался над перспективой переброски своего полка на Южный фронт, в так называемую Южную армию. К ее формированию было приступлено по инициативе опять-таки оккупантов, но из этого, в общем, ничего не вышло. Только после того, как стало известно о формировании Северной армии в Пскове, Булак-Балахович имел возможность начать переговоры с представителями российской контрреволюции на северо-западе России. Своей своевременной осведомленностью о том, что делается за демаркационной линией, и в особенности в г. Пскове, Булак-Балахович был обязан контрразведке штаба 4-й Петроградской дивизии в лице начальника ее – Гришина – и помощника последнего – Михайлова, с которыми Булак-Балахович держал тесную связь в то время, когда его полк числился в составе 4-й Петроградской дивизии. Начать переговоры с представителями Северной армии в Пскове для Булак-Балаховича не составляло большого труда, так как его один эскадрон под командой Пермыкина в октябре 1918 г. был призван охранять советскую границу в районе г. Пскова и был расположен в Елизааровском монастыре.

Свою предательскую работу Булак-Балахович вел в высшей степени конспиративно, всеми мерами стараясь лишний раз показать, что он предан Советской власти. В августе – сентябре 1918 г. Булак-Балахович поехал подавлять кулацкое восстание в районе станции Новоселье и, вернувшись оттуда в пьяном состоянии, в штабе 4-й Петроградской дивизии говорил: «Теперь-то, наверно, не будут сомневаться в том, что я сторонник советского строя». После этой своей поездки Булак-Балахович возбудил ходатайство об отправке остальных эскадронов полка на фронт. В данном случае Булак-Балахович, очевидно не имея уверенности в том, что переход его полка в г. Псков произойдет без серьезных осложнений, требовал переброски всего полка на фронт. Одновременно же с этим свое пребывание в районе г. Луги Булак-Балахович хотел в конечном итоге использовать для поднятия массового антисоветского восстания среди местного населения, захватить в свои руки Гдов и Лугу, т. е. выполнить § 2 и 3 договора, заключенного 17 октября 1918 года.

К 25 октября 1918 г. дислокация 3-го Петроградского кавалерийского полка была следующей: 1-й эскадрон полка стоял в Елизааровском монастыре, 2-й – на станции Струги Белые и 3-й – у мыза Новая; штаб полка находился в г. Луге. Численность полка равнялась 1121 человеку, из коих командного состава было 38 человек, строевых солдат 883 и нестроевых 200. В полку было 600 винтовок, 4 пулемета, 8 ружей-пулеметов и два 3-дюймовых орудия. Лошадей верховых числилось 471, обозных 102 и для артиллерийской запряжки – 28²³.

прибыл вместе с поручиком Видякиным в середине октября 1918 г. в Псков. Штаб-ротмистр, а по рассказу фон Розенберга поручик Борис Пермыкин, очевидно, получил какое-то специальное задание и ездил на Талабские острова.

²² Антипов Н. К. // Петроградская правда. 1919. № 11.

²³ Ленинградское архивное бюро, архив Красной армии (ЛАВ, АКА), ф. № 145, дело по описи № 24, л. 74. В полку всего было 4 эскадрона, причем расположение последнего, 4-го эскадрона к 25 октября не отмечено; в сведениях на 12 октября говорится, что 1-й и 4-й эскадроны были расположены в районе ст. Торошино, а 3-й эскадрон в Ямбурге. В это время комиссаром полка числился Кузьмичев. Командование 3-й Петроградской дивизии, в состав которой входил 3-й Петроградский кавалерийский полк, в октябре 1918 г. состояло из начальника дивизии – Н. Иванова, начальника штаба дивизии – Плющевского-Плющика и военных комиссаров Даумана и Петерсона.

Срок готовности полка к переходу на сторону белых был обусловлен по договору 1 ноября 1918 г. (§ 7). Однако этот пункт договора не был в точности соблюден. По не выясненным пока причинам²⁴ 1-й эскадрон 3-го Петроградского кавалерийского полка, расположенный в Елизааровском монастыре, под командованием Пермыкина 26 октября 1918 г. снялся с места стоянки и взял направление на г. Псков. Личный состав эскадрона ничего не знал о предполагавшемся переходе демаркационной линии, но был информирован таким образом, что эскадрон якобы получил приказ перейти в наступление. Эскадрон Пермыкина, благополучно миновав красноармейский кордон у ст. Торошино и выйдя в район действий Северной армии и оккупационных войск, был обезоружен, бойцы эскадрона арестованы, доставлены в Псков и заключены в здании бывшей Псковской каторжной тюрьмы. Через четыре дня арестованные были освобождены и пошли на укомплектование частей Северной армии.

Желая и на этот раз искуснее обвести советское командование и выиграть время, создав все необходимые условия для измены, Пермыкин за несколько часов до снятия с места своего эскадрона послал следующую телеграмму на ст. Торошино:

«Сегодня день великого завоевания народа²⁵. Мы, Красная армия и кавалерия, приветствуем своего политического комиссара и друга тов. Фабрициуса, которого поздравляем с праздником годовщины, и хотим со своей стороны победить или умереть за свободу дорогой нам родины под вашим руководством. Кричим в честь вас громкое дружеское «ура» свободы. Командир 1-го эскадрона *Пермыкин*»²⁶.

После получения точных сведений об измене эскадрона Пермыкина к Я. Ф. Фабрициусу на ст. Торошино был вызван младший брат Станислава Булак-Балаховича – Иосиф Булак-Балахович, который, с видимым удивлением узнав об измене, стал заверять Фабрициуса и других в абсолютной преданности своей и брата Советской власти и обещал в подтверждение своих слов доказать это на фронте. Когда на ст. Торошино прибыл Станислав Булак-Балахович, то он также не преминул воспользоваться нерешительностью представителей Советской власти и в беседе с ними дал клятву отомстить Пермыкину.

Спустя два дня после измены Пермыкина, 28 октября 1918 г., на сторону белых перешел начальник Чудской озерной флотилии, бывш. капитан 2 ранга Д. Д. Нелидов.

Чудская озерная флотилия в 1918 г. переживала период неопределенности и всяких неожиданностей в связи с частыми переменами на сухопутном северо-западном фронте. Но все же после обсуждения в соответствующих штабах было решено флотилию не расформировывать, а дать ей задание по несению сторожевой службы на границе.

²⁴ Я. Ф. Фабрициус и Травинский в статье «Две измены», помещенной в I-м томе «Гражданская война, 1918–1921», изд. «Военный вестник», М., 1928 г. С. 253, пишут, что измена Пермыкина явилась результатом происшедшего в Елизааровском монастыре убийства Пермыкиным одного коммуниста, прибывшего в эскадрон для ведения партийно-политической работы. Между прочим, не соответствующим действительности является утверждение вышеуказанных авторов в той же статье, на стр. 252, о том, что Пермыкин – командир 1-го эскадрона 3-го Петроградского кавалерийского полка (а не «1-го Лужского партизанского конного полка») – был родным братом генерала Пермыкина, якобы работавшего в то время совместно с немцами в Пскове. Совместно с Булак-Балаховичем служили два родных брата Пермыкина, оба бывшие офицеры, из коих старший – Борис – был в чине штаб-ротмистра, младший – подьесаул. Пермыкины находились в родственных связях с действительно работавшим в то время в Пскове, занимавшим пост командующего отдельным Псковским добровольческим корпусом генералом А. Е. Вандамом. Старший Пермыкин состоял для поручений при Булак-Балаховиче, а младший – командовал 1-м эскадром полка. Борис Пермыкин впоследствии был произведен в полковники, а в конце августа 1919 г. – в генерал-майоры.

²⁵ Первая годовщина Октябрьской революции, считая по старому стилю.

²⁶ «Спутник большевика» – орган Псковского губ. комитета ВКП (б), октябрь – ноябрь, № 10-11 (62–63), Псков, 1926 г., статья В. Дроздова – «Балахович в Пскове». Согласно местной сводке агентурных сведений на 4 ноября 1918 г., «отряд» Пермыкина при переходе к белым насчитывал 400 чел., 2 орудия и 8 пулеметов (Псковское архивное бюро (ПАБ), фонд губисполкома, № 68, по описи № 9, дело № 3, л. 11).

20 апреля 1918 г. был издан приказ, по которому предписывалось Чудскую озерную флотилию содержать в составе пароходов: 1) «Народник»; 2) «Президент»; 3) «Ольга»; 4) «София» и 5) «Дельфин» и катеров: 1) «Ермака», 2) «Мотылек» и 7 малых моторных катеров. Личный состав всей флотилии по штатам определялся в 186 человек²⁷.

Пароходы для флотилии были приобретены в начале военных действий от частных лиц, часть из них у представителя юрьевской буржуазии – Р. Г. Брока. Еще летом 1918 г. Брок прислал начальнику флотилии письмо с требованием вернуть его пароходы, угрожая в противном случае давлением немецкой вооруженной силы. Чудская озерная флотилия была подчинена непосредственно морскому генеральному штабу, что вызывало ряд трений в штабах сухопутных частей Красной армии. Помимо этого, еще летом 1918 г. были получены сведения, компрометирующие и просто изобличающие предательскую роль командующего флотилией Д. Д. Нелидова. 2 июня 1918 г. военный комиссар Гдовского района Я. Ф. Фабрициус доносил народному комиссару по военным делам, что, по сообщению двух бежавших из германского плена сухопутных офицеров, в г. Пернове русский флотский офицер «продавал военные секреты немцам». Считая, что речь идет о начальнике Чудской озерной флотилии Д. Д. Нелидове, Фабрициус ходатайствовал о подчинении ему флотилии. Результатом этого ходатайства было длительное расследование, которое так и не закончилось, так как Нелидов постарался гарантировать себя от возможных последствий начавшегося расследования.

Связавшись с Булак-Балаховичем и представителем Северной армии, Д. Д. Нелидов должен был передать белым суда флотилии одновременно с изменой полка С. Булак-Балаховича, но, очевидно, события заставили его уйти в Псков раньше.

Имея поддержку некоторой части команды флотилии, Д. Д. Нелидов, собрав суда флотилии в базу Раскопель, 28 октября 1918 г. приказал готовиться к походу. Три парохода, вооруженные 75-миллиметровой артиллерией, – «Президент», «Дельфин» и «Народник» исполнили приказание и на другой день с Д. Д. Нелидовым прибыли в г. Псков. Один из оставшихся пароходов пытался было воспрепятствовать этому замыслу, открыл стрельбу по уходившим пароходам, но реальных результатов не достиг. В свою очередь и Д. Д. Нелидов не пытался приводить его в повиновение.

Придя в г. Псков, пароходы поступили в распоряжение командовавшего белогвардейским добровольческим корпусом и в дальнейшем принимали деятельное участие в набегах на советские берега и в занятии Талабских островов посредством высадки там десанта²⁸.

Измена Б. С. Пермыкина и Д. Д. Нелидова, казалось бы, должна была привлечь к себе усиленное внимание советских органов власти и усилить бдительность по отношению ко

²⁷ Центральный военно-политический архив при Военно-политической академии РККА им. Н. Г. Толмачева (ЦВПА при ВПАТ), дело № 79, лист 7, из доклада военного комиссара Лужского дивизионного района от 19 мая 1918 г. за № 919.

²⁸ Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. 2, часть 2-я – Озерные и речные флотилии (север и северо-запад). Изд-во Исторического отдела оперативного управления штаба РККФ. Ленинград, 1926. С. 131–119. Эпизод с изменой Д. Д. Нелидова иначе описывается в статье Я. Ф. Фабрициуса и Травинского «Две измены», помещенной в книге «Гражданская война. 1918–1921 гг.», т. I – «Боевая жизнь Красной армии». М.: Военный вестник, 1927. С. 248, 249. Фабрициус и Травинский пишут, что Д. Д. Нелидов увел с собою не 3, а 4 парохода, причем коммунисты из команды 4-го парохода, пытавшиеся сопротивляться и воспрепятствовать уходу остальных трех пароходов, были перебиты изменниками, а пароход уведен в Псков. Дальше они говорят, что вместе с Нелидовым изменил и комиссар флотилии Морозов. Дальше авторы утверждают, что после занятия Пскова Красной армией «два вооруженных парохода нелидовской эскадры были с боем захвачены нашим доблестным 49-м Гдовским полком на реке Великой, а с двумя другими пароходами изменники Нелидов и Морозов удрали в Юрьев и потопили их перед взятием города нашими частями» (стр. 249). Эта статья по своим эгоцентрическим устремлениям вообще неприятно поражает читателя, поэтому мы предпочли ей тот источник, на который сделана ссылка и который составлялся исключительно на основании изучения и использования сохранившихся архивных материалов о Чудской озерной флотилии. Там определенно говорится, какие пароходы были уведены Нелидовым и какова была их дальнейшая судьба. Относительно измены комиссара Чудской флотилии Морозова, то и этот источник подтверждает факт его измены, но только произошедшей не в конце октября 1918 года, а в мае месяце 1919 г.

всем частям Красной армии на Петроградском фронте и не допустить возможного продолжения перехода на сторону белых.

Однако, к величайшему сожалению, не было предпринято всего того, что могло бы хоть в какой-нибудь степени помешать выполнению С. Булак-Балаховичем своего плана²⁹.

С. Булак-Балахович в это время стал стягивать в район ст. Струги Белые части своего полка. Оттуда же он, по-видимому, приступил к распространению напечатанных в типографии в большом количестве экземпляров антисоветского воззвания к местному населению следующего содержания:

«Братья крестьяне!

По вашему призыву я, батька Балахович, встал во главе крестьянских отрядов. Я, находясь в среде большевиков, служил родине, а не жидовской своре, против которой я создал мощный боевой отряд. Нет сил смотреть на то, что творится кругом: крестьянство разоряется, церкви, святыни поруганы, вместо мира и хлеба кругом царит братоубийственная война, дикий произвол и голод. Из школ выброшены иконы, и детей с малых лет хотят воспитать в хулиганстве; сыновей наших силой оружия заставляют идти в армию и вместе с наемными китайцами гонят убивать своих же русских людей.

Час расплаты близок. Гнев народный растет. Целые области освобождены уже от своры международных преступников. Все страны мира идут против них.

Братья, я слышу ваши желания, и я иду на помощь вам, обездоленным, разоренным.

Объявляю беспощадную партизанскую войну насильникам.

Смерть всем посягнувшим на веру и церковь православную, смерть комиссарам, смерть красноармейцам, поднявшим ружье против своих же русских людей. Никто не спасется. С белым знаменем вперед, с верой в Бога и свое правое дело, я иду со своими орлами-партизанами и зову всех к себе, кто знает и помнит батьку Балаховича и верит ему. Пусть красноармейцы, в ком не убита совесть, бесстрашно идут ко мне, мы вместе будем свершать великое дело – освобождение родины.

Братья, не давайте сыновей в солдаты, отбирайте у большевиков оружие и вооружайтесь сами, не давайте ни хлеба, ни сена, взрывайте мосты, ловите и убивайте комиссаров.

Все к оружию, смело вперед, не бойтесь, среди Красной армии много наших честных хороших людей, которые перейдут в наши ряды. Я дам вам оружие, дам храбрых начальников. Тысячи ваших крестьян идут со мной; нет силы, которая сможет сломить эту великую народную крестьянскую армию.

Атаман крестьянских партизанских отрядов батька Балахович»³⁰.

²⁹ Фабрициус и Травинский в статье «Две измены» утверждают, что на следующий день после измены Пермыкина, т. е. 27 октября 1918 г., в распоряжение Фабрициуса прибыл отряд под командой Травинского общей численностью до 700 штыков, 160 сабель, при 4 орудиях и нескольких пулеметах. Часть этого отряда в тот же день была отправлена для усиления охраны демаркационной полосы, другая оставлена на ст. Торошино в качестве «ударного кулака». Если это утверждение соответствует действительности, то оно только еще больше заостряет вполне естественный и законный вопрос – почему же не было принято решительных мер для предотвращения измены при наличии «ударного кулака» на ст. Торошино и почему не были арестованы братья Балаховичи, прибывшие на ст. Торошино «через день» после сосредоточения там некоторой вооруженной силы, как следует это из изложения самих авторов. Ведь необходимость ареста Балаховичей давно была осознана как будто бы местными работниками и вопрос упирался только в недостаток сил.

³⁰ Антипов Н. К. // Петроградская правда. 1919. № 11, 16 января.

Этот документ, явившийся началом открытого восстания С. Булак-Балаховича против Советской власти, ничем особенным не отличается от подобного же рода белогвардейской «литературы», издававшейся на других участках Гражданской войны в России, если не уделять особого внимания тому обстоятельству, что Булак-Балахович в своей антисоветской деятельности пытался опереться на широкие крестьянские массы. Пытаясь всеми доступными ему мерами еще за время службы в рядах Красной армии создать предпосылки для массового стихийного восстания крестьянства, С. Булак-Балахович хотел сразу же стать на твердую почву и придать своей борьбе с Советами широкий масштаб. Однако этот курс на крестьянство ничего существенного Булак-Балаховичу не дал, никакого массового антисоветского крестьянского восстания он поднять не мог, хотя и создал для этого целый ряд предпосылок своей карательной политикой. Крестьянство в своей массе осталось равнодушным к призывам «батьки» и не дало ему твердой социальной опоры.

С. Булак-Балахович вынужден был бросить мысль о захвате гг. Луги и Гдова, свои расчеты на крестьянство и перейти в день первой годовщины Октябрьской революции на сторону формировавшейся в Пскове Северной армии. Полк С. Булак-Балаховича, подтянутый им к станции Струги Белые, в ночь с 5 на 6 ноября 1918 г. двинулся по направлению к станции Торошино, но затем, желая, очевидно, избежать встречи с красноармейскими частями, расположенными на станции, не доходя до нее, повернул в сторону станции Карамышево, в районе которой и перешел демаркационную линию.

Когда были получены на ст. Торошино сведения о движении балаховцев на Торошино, то было решено, несмотря на незначительность сил, оказать им вооруженное сопротивление. В это же время зашевелились белогвардейцы и со стороны г. Пскова, поэтому все, что могло быть поставлено под ружье на ст. Торошино, было мобилизовано и находилось в боевой готовности. Незначительный отряд коммунистов в 30–40 чел., считая и женщин, взял на себя обязанность по несению службы охранения.

На ст. Торошино тогда было около роты пехоты вместе с красноармейцами караульной роты и эскадрон кавалерии. Эскадрон кавалерии был двинут навстречу балаховцам, но последние уклонились от Торошина на 20–30 километров в сторону ст. Карамышево, где и перешли к белым³¹.

Свой путь балаховцы ознаменовали пожарами, грабежами, порками, насильством над женщинами и т. п.³²

³¹ Фабрициус и Травинский в уже упоминавшейся выше их статье пишут, что для преследования Булак-Балаховича из состава частей Псковского боевого участка было брошено два эскадрона под командой Григорчука, которые настигли балаховцев в нейтральной зоне и вернули обратно до двух сотен, а третья сотня вскоре сама без лошадей вернулась из Пскова обратно на советскую сторону. Согласно архивным материалам, один эскадрон 3-го Петроградского кавалерийского полка под командой Аксакова силою в 160 чел. при 2 пулеметах в ночь с 5 на 6 ноября выступил из района ст. Струги Белые в направлении шоссе Порхов – Псков и 7 ноября утром, выйдя к деревне Дубоновицы, перешел затем демаркационную линию. Пойманные балаховцы ссылались на то, что Аксаков их спровоцировал и вел по распоряжению Булак-Балаховича на ст. Торошино (ПАБ, фонд губисполкома № 68, по описи № 10, дело № 4, л. 92).

³² Материалы Псковской истпарткомиссии, дело № 7, воспоминания М. П. Громова, и «Спутник большевика» – орган Псковского губ. комитета ВКП (б), октябрь – ноябрь, № 10–11 (62–63), Псков, 1926 г., статья В. Дроздова «Балахович в Пскове». Вся эта история измены Б. С. Пермыкина, С. Н. Булак-Балаховича и Д. Д. Нелидова изложена исключительно на основании воспоминаний живых свидетелей ее (воспоминания В. Дроздова, М. П. Громова, Я. Фабрициуса и Травинского, статья «Чудская озерная военная флотилия 1918–1919 гг.», помещенная в труде «Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах», том 2, часть 2-я – «Озерные и речные флотилии (север и северо-запад)», изд. историч. отдела оперативного управления штаба РККФ Л., 1926 г., и статья Н. К. Антипова о деятельности Петроградской чрезвычайной комиссии, опубликованная в «Петроградской правде», № 11 от 16 января 1919 г.). Исключение только представляют три документа, из которых два были приведены в статье Н. Антипова и один – в статье В. Дроздова. Все указанные источники, за исключением, конечно, документов, не дают полного, ясного и единого представления об измене. Каждое воспоминание, как опубликованное, так и неопубликованное, дает различное освещение фактам. Поэтому мы в своем описании истории предательства вышеуказанных лиц исходили исключительно из необходимости дать наиболее верную картину событий, используя для этого наиболее подтверждающиеся в различных воспоминаниях или поддающиеся логическому обоснованию данные фактического порядка. Более широкому освещению событий 1918 г. вообще и измен на северо-западе

Балаховщина, как синоним партизанщины, авантюризма и предательства, была спутницей Советской власти в дни ее колоссального напряжения, в период серьезнейших и труднейших в истории революции событий внутреннего и международного значения. По мере организации центрального управления, насыщения частей Красной армии коммунистами, введения строжайшей революционной дисциплины – изживала себя партизанщина, уступая место регулярным боевым единицам вооруженной силы социалистической революции.

Значение этих измен на северо-западе Советской республики было оценено самими белогвардейцами.

П. М. Авалов по этому поводу пишет:

«Эти два перехода от большевиков сильно подняли дух корпуса, так как этот факт подавал надежду, что и в дальнейшем такие переходы будут иметь место и корпус, таким образом, быстро увеличит свой наличный состав.

С прибытием этих частей общая численность корпуса достигала уже 3500 человек.

Этот период, т. е. конец октября, можно назвать расцветом формирования корпуса; и настроение, а также и обстановка – все улучшались, давая радужные надежды на будущее»³³.

О поведении прибывших в Псков балаховцев один из белогвардейских очевидцев говорит следующее:

«Люди его (С. Булак-Балаховича) отряда принесли из Совдепии крупные суммы денег, которые тотчас же золотым потоком потекли в карманы псковских рестораторов. Над Псковом стоял дым коромыслом, улицы, особенно по вечерам, были полны компаниями балаховских молодцов, пьяными голосами дико оравших на улицах песни»³⁴.

В первых числах ноября в Псков из Петрограда прибыли члены монархической организации Маркова 2-го во главе с сенатором Андреевским, Панютиным и Волковым, которые от имени своей партии и от имени генерала Юденича передали благодарность инициатору белых формирований в Пскове ротмистру фон Розенбергу. Одновременно прибыли из Петрограда полковник л. – гв. Семеновского полка А. Ф. Штейн, капитан 2 ранга П. К. Столица, штаб-ротмистр Андреевский 1-й, Андреевский 2-й и князь А. Д. Оболенский.

Все эти лица получили возможность непосредственно ознакомиться с формированиями и принять в них активное участие. Для налаживания более широких связей представители монархической организации Н. Е. Маркова 2-го вскоре из Пскова выехали в Гельсингфорс.

Вообще, успешная деятельность организаторов Северной армии в Пскове, вылившаяся в форме создания отдельного Псковского добровольческого корпуса, дала возможность белым добровольцам начать с начала ноября 1918 г. боевые действия на советской территории.

Первый набег был произведен по реке Великой к Псковскому озеру, в результате которого было «ликвидировано несколько комиссаров» и взяты трофеи – один пулемет и несколько винтовок. Вторая операция была произведена островскими добровольцами, которая прошла так же удачно для белых. Более значительная операция была предпринята на

Советской России в частности будет посвящена специальная работа автора, которая, по мере ее выполнения, будет публиковаться на страницах журнала «Красная летопись».

³³ Авалов П. В борьбе с большевизмом. С. 76. Данные Авалова о численности корпуса к концу 1918 г. сильно преувеличены; при сопоставлении данных из различных белогвардейских источников напрашивается общая цифра в 2000 человек с возможными незначительными отклонениями как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения.

³⁴ Смирнов К. К. Начало Северо-западной армии//Белое дело. Берлин: Изд-во «Медный всадник», 1927. Т. 1.

Талабские острова, заселенные антисоветски настроенными рыбаками. О мотивах, побудивших предпринять этот набег, один из белогвардейцев пишет: «Острова представляли для нас интерес, так как открывалась возможность снабжения Пскова рыбой, в которой город сильно нуждался»³⁵.

Проведению этой операции помогли пять военных пароходов, в числе которых были и три парохода Чудской озерной флотилии, вооруженные артиллерией. Получив оружие от немцев, белогвардейцы в составе 30 человек, преимущественно офицеров, при двух пулеметах, под командованием ротмистра Б. Пермыкина направились на Талабские острова. Эта операция прошла также вполне успешно, так как была поддержана населением островов. Вернувшись в Псков, пароходы привезли несколько человек пленных, два орудия и большое количество снарядов³⁶.

Дальнейшему развитию успехов и продолжению тесного содружества русских белогвардейцев с оккупантами был положен предел вспыхнувшей в ноябре 1918 г. революцией в Германии.

³⁵ Смирнов К. К. Начало Северо-западной армии//Белое дело. Берлин: Изд-во «Медный всадник», 1927. Т. 1.

³⁶ Смирнов К. К. Указ. соч.П. Авалов в книге «В борьбе с большевизмом», стр. 78, эту операцию на Талабские острова описывает иначе. В набеге, по его словам, участвовало около 15 человек под командой поручика Пермыкина, которые использовали для набеге один пароход Чудской озерной флотилии. «Захват островов произошел без затруднений и был, собственно, произведен самими местными крестьянами, которые, вооружившись привезенным оружием, образовали сейчас же небольшой отряд под командой поручика Пермыкина и его помощников. Комиссары почти все были арестованы и повешены, после чего все население, могущее носить оружие, пожелало вступить в ряды Псковского добровольческого корпуса, и у поручика Пермыкина образовалась весьма значительная добровольческая часть силою до одного батальона пехоты».

Глава 3

В начале ноября 1918 г. произошло резкое изменение общей политической обстановки в Европе, которое видоизменило характер внешнего окружения РСФСР и способствовало мирному продолжению того революционного процесса в России, который искусственно был задержан вторжением в Прибалтику и на Украину австро-германских войск.

Германия была истощена годами мировой империалистической войны. В ноябре 1918 г. под влиянием Октябрьской революции она превратилась в арену крупных внутренних революционных событий. Трудящиеся массы Германии, переносившие все трудности империалистической бойни, дали классический образец массового революционного действия.

1 ноября 1918 г. началось восстание германских матросов в крепости Киль, к 5 ноября движение перекинулось в Берлин и другие города, принимая форму всеобщей забастовки и рабочих демонстраций. 9 ноября Вильгельм II был принужден отречься от престола и бежал в Голландию. Того же числа Карл Либкнехт провозгласил Социалистическую республику в Германии. Бурно и быстро проходили события. Однако дальнейший ход германских событий пошел не по социалистическому пути; власть была взята шейдемановцами и независимыми социал-демократами. Истинные вожди германского пролетариата – Карл Либкнехт и Роза Люксембург были убиты по прямому приказу шейдемановцев.

Несмотря на свою социальную сущность, германская революция все же сыграла решающую роль, изменив внешнее враждебное окружение Советской России. После подписанного 11 ноября 1918 г. перемирия между Антантой и Германией Антанта получила доступ в Черное и Балтийское моря, а следовательно, и возможность воздействия на ход гражданской войны в Советской России. Последовавший вскоре отход австро-германских оккупантов поставил перед Антантой всерьез вопрос об обеспечении за собою тех обширных территорий России, которые после ухода немцев были вновь включены в сферу бурного революционного процесса.

В связи с такой общеполитической переменой произошла соответствующая переоценка взглядов и убеждений в лагере российской контрреволюции. Германофильское направление отдельных группировок теряло своих сторонников и приверженцев, переходивших на сторону Антанты. Поражение Германии в мировой войне усилило антантовские позиции на Западе Европы, создало безусловный приоритет Антанты в лагере русской контрреволюции, как имевшей свою территорию, так и пребывавшей под охраной германских оккупантов.

Конец мировой войны развязал пути антантовской внешней политики, активизировал западную границу Советской республики, определил политическую ориентацию русских контрреволюционных организаций, действовавших внутри Советской республики, и русских белых армий, оперировавших на окраинах России.

На северо-западе России также произошло изменение военно-политической обстановки, которое не могло не сказаться на положении формировавшейся в Пскове Северной армии.

Находившиеся в Пскове части 5-й германской запасной дивизии под влиянием революционных событий в Германии стали быстро разлагаться, терять обычную воинскую дисциплину и требовать немедленного увода их на родину. Наряду со штабом дивизии действовал возникший дивизионный солдатский совет, который должен был выполнять все требования солдатской массы. Командование дивизии, как и командование отдельных частей, потеряло свое значение, и все приказы выполнялись после того, как получали соответствующую санкцию солдатских советов. Были даже попытки со стороны солдатских масс перейти к агрессивным действиям в отношении своих офицеров, но акты подобного характера быстро пре-

секались членами солдатских советов, которые по своим политическим взглядам стали на путь соглашательства, имея в этом поддержку и со стороны высших солдатских революционных органов.

Соглашательские социал-демократические тенденции, которые были близки солдатским руководителям, позволили все же созданным советам встать на путь доброжелательного отношения к Советской России. Такая позиция, естественно, была проявлением не столько искренних симпатий к русскому пролетариату, сколько некоторым осознанием своей прежней роли оккупантов и результатом предвидения возможных последствий от немедленного перехода частей Красной армии в наступление. Подтверждением этого служат те общие основные задачи, поставленные перед собою революционными солдатскими органами австро-германских оккупационных войск, которые сводились к тому, чтобы лучше организовать очищение оккупированных территорий, наладить правильную отправку военных частей в Германию и противодействовать предполагавшемуся наступлению советских красноармейских войск до окончательной эвакуации с русской территории.

Солдатский совет 5-й германской запасной дивизии, выполняя эти общие директивы своих высших инстанций, вмешивался также в дела русских белогвардейских формирований в Пскове. Однако соглашательская роль этих советов сказалась и здесь, так как фактического противодействия дальнейшим псковским формированиям оказано ими не было. Так, например, 15 ноября дивизионный совет по своей инициативе задержал очередной отпуск денег, ассигнованных на нужды Северной армии, но затем все же их выдал по назначению. В связи с такой денежной заминкой штаб Псковского добровольческого корпуса решил выпустить в обращение свои кредитные билеты областного Псковского казначейства за подписью генерала А. Е. Вандама (так называемые «вандамки») на сумму в 5 миллионов рублей в купюрах по 50 руб. Обеспечением этих денежных знаков служило все достояние Псковской области. Выпущенные кредитные билеты открыли широкое поле деятельности для некоторых категорий офицеров и чиновников корпуса, которые своими денежными операциями вызвали сильное недовольство жителей г. Пскова.

Сведения о революции в Германии и о предстоящем уходе немцев неофициально циркулировали среди населения Пскова и всего района оккупации. Это вредило белому делу, и поэтому штаб корпуса опубликовал специальное обращение к «русским людям». В этой листовке прямо заявлялось, что «близок час, когда германские войска оставят занимаемые ими области», и в заключение говорилось:

«...Сбросьте свою растерянность, свое уныние, вспомните, что вы граждане России, и идите сюда, в Псков. Здесь, под сенью Святой Троицы, положено начало создания Северной армии, которая должна не только защищать Псковскую область, но и водворить в России правовой порядок и законность, обеспечить право всех на жизнь и спокойный труд...

Существование этой армии обеспечено оружием, хлебом, деньгами и военным довольствием. На наш призыв уже откликнулись те, которым дорога Россия. Идите сюда и доведите армию до грозной силы...

Запись принимается в Пскове, Георгиевская ул., здание мужской гимназии; в Острове, Режице и Двинске»³⁷.

Несмотря, однако, на усиленную агитационную деятельность, формирование армии фактически прекратилось. В штабе добровольческого Псковского корпуса в свою очередь происходили внутренние трения, закончившиеся некоторой пертурбацией в руководящем составе. Такое явление было результатом усиленных гласных разговоров псковских офи-

³⁷ Псковский музей революции.

церов, в особенности балаховской группы, о несоответствии своему назначению командующего корпусом генерала Вандама, кандидатом в преемники которому выдвигался С. Н. Булак-Балахович. Перемена. командующего, хотя и предполагалось произвести ее насильственным путем, произошла в нормальных условиях, так как генерал Вандам сам, в силу обстоятельств, отказался от командования и на свое место назначил командира 3-го Режицкого стрелкового добровольческого полка полковника Г.Г. фон Нефа. Начальником штаба корпуса вместо также ушедшего генерала Б. С. Малявина был назначен ротмистр фон Розенберг.

Ко времени такой перемены в штабе корпуса из Киева были получены сведения, что генерал граф Ф. А. Келлер согласился принять командование Северной армией и в скором времени намеревается приехать в Псков. Решение генерала Келлера возглавить Северную армию было санкционировано генералом А. И. Деникиным, который 15 ноября получил соответствующий телеграфный запрос от Келлера. Последний запрашивал:

«Признаете ли вы меня командующим Северной Псковской монархической армией, или мне следует сдать эту должность? Если признаете, то с какими полномочиями? Необходимо разрешение принять меры к охране разграбляемых в Малороссии военных складов, воспользоваться украинскими кадрами и продолжать формирование, для чего необходим немедленный отпуск денег, которые можно добыть в украинском правительстве»³⁸.

Генерал А. И. Деникин, несмотря на то что «первые шаги нового командующего, политическое окружение и декларативные заявления его вызвали некоторое смущение», ответил официальным согласием.

Со своей стороны Келлер, учитывая общую политическую обстановку, поручил генералу А. Н. Розеншильд фон Паулину отправиться в Яссы, где ходатайствовать перед представителями Антанты об оказании материальной помощи. Придавая огромное значение Прибалтийскому району и операционным направлениям Ревель – Петроград и Либава – Петроград, Келлер считал абсолютно необходимым немедленное занятие флотом Антанты Ревеля и Либавы, отпуск широких кредитов и передачу оккупантами русских складов в Пскове, Двинске, Вильне и других городах Северной армии.

Такие шаги Келлера были прямо противоположны тем принципам, на основании которых строилась Северная армия и которые обязывали весь офицерский состав и в особенности штаб корпуса строго придерживаться и следовать ориентации на Германию. Крупные революционные события в Германии и конец мировой войны обусловили такую переориентацию даже самого генерала Келлера, который считался русскими германофилами искренним апологетом Германии³⁹.

Для гражданского управления районом расположения Северной армии в Киеве при Келлере был сконструирован Совет обороны Северо-западной области, в состав которого вошли и те лица, которые в свое время были посланы из Пскова в Киев по делам созыва монархического съезда в Пскове, т. е. Г. М. Дерюгин, Н. Н. Лавриновский, А. П. Горский и, дополнительно, сенатор Н. И. Туган-Барановский и Ветчинкин. Эти лица часто забывали свои прямые функции и принимали живейшее участие в местных киевских делах. Одной из

³⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Берлин: Слово, 1925. Т. 4. С. 20, 21.

³⁹ На основании такой уверенности в политических взглядах генерала Келлера впоследствии, после его расстрела петлюровцами в Киеве, организатор русских военнопленных в Германии, в лагере Зальцведель, и белогвардейцев в Прибалтике, ставший к осени 1919 г. командующим русско-немецкой западной армией, полковник П. М. Авалов в составе своей армии имел особый добровольческий корпус, носивший имя генерала Келлера. Келлер с октября 1918 г. примыкал к крайним правым и работал вместе с В. М. Пуришкевичем, П. П. Скоропадским и др.

сторон их деятельности в Киеве было частое посещение вербовочного бюро Южной армии, где они просили добровольцев, желающих поехать на северо-запад России, отправлять в Северную армию. Согласно такой просьбе, в Псков вскоре были переброшены: так называемый Волынский стрелковый добровольческий полк в 150 чел. под командованием генерального штаба подполковника Ветренко и так называемый Ярославский пехотный полк силою в 50 чел. Совет обороны Северо-западной области под предлогом организации в Киеве вербовочных бюро Северной армии затребовал из Пскова 300 000 рублей-марок. Деньги эти были высланы и переданы члену Совета А. П. Горскину, но никаких бюро, несмотря на это, в Киеве открыто не было.

Одновременно со спокойной работой Совета обороны Северо-западной области и генерала Келлера в Киеве – в Пскове события шли своим чередом, с каждым днем ухудшая общее положение.

18 ноября вступивший во временное командование отдельным Псковским добровольческим корпусом полковник Г.Г. фон Неф объявил весь район формирования Северной армии (Псковский, Островский и Режицкий уезды) на осадном положении⁴⁰.

19 ноября ушел домой походным порядком 108-й германский артиллерийский полк, следуя распоряжению солдатского совета 5-й германской запасной дивизии⁴¹.

Разложение германских частей приняло сразу серьезный и грозный характер. Германские солдаты самостоятельно уезжали на родину. К 21 ноября все пограничные германские войска отошли в глубь района.

В связи с этим русскими белогвардейцами было решено изменить принцип комплектования своих частей и от добровольческого метода перейти к принудительному.

21 ноября начальник гарнизона г. Острова полковник К. К. Дзерожинский объявил мобилизацию населения для формирования местной дружины с целью самообороны. Для проведения мобилизации по уезду и для поддержания угодного для белых порядка были высланы вооруженные отряды⁴².

Последующие дни, с 22 по 25 ноября, были тревожными для белого Пскова. В эти дни усиленно работал солдатский комитет 5-й германской запасной дивизии, который ставил целый ряд формальных препятствий русским белогвардейцам и лишал всякого веса успокоительные заверения германского командования.

В эти дни распространялись слухи, что в Ревель и Либаву прибыла английская эскадра, и только впоследствии выяснилась неверность этих сведений, так как английская эскадра в то время находилась в Скагерракском проливе и занималась вылавливанием мин.

Эти сведения дали некоторые перспективы русским белогвардейцам и несколько прояснили ту чрезвычайно серьезную обстановку, в которой пребывала Северная армия.

П. М. Авалов пишет: «Обстановка складывалась так, что, конечно, и думать было нечего продолжать формирование корпуса на прежних основаниях, и надо было бы ликвидировать все дело, если бы не было надежды продолжать его при помощи союзников...

Корпус положительно висел в воздухе и был окружен со всех сторон революционным элементом»⁴³.

В поисках выхода из создавшегося положения штаб Псковского добровольческого корпуса после получения сведений о прибытии англичан не замедлил выслать специальную делегацию во главе с полковником фон Ваалем и подполковником бароном Розеном в Ревель

⁴⁰ Псковская газета. 1918. № 97.

⁴¹ Смирнов К. К. Указ. соч.

⁴² Моя газета. 1918. № 104.

⁴³ Авалов П. В борьбе с большевизмом. С. 83, 84.

и Либаву для представления англичанам доклада о положении Северной армии и с просьбой оказать немедленную помощь.

Таким образом, уже здесь, еще до момента оставления г. Пскова германскими войсками и русскими белогвардейцами, последними были приняты все меры к тому, чтобы под влиянием сложившихся обстоятельств стать на путь быстрой переориентации с Германии на Антанту.

Вскоре из Пскова для Острова и Режицы была затребована вооруженная помощь, так как в тех уездах начались мелкие боевые столкновения белых добровольцев с красноармейскими частями и местными революционно настроенными элементами из населения.

Ввиду недостатка сил и невозможности оборонять весь район формирования Северной армии, штаб корпуса решил сконцентрировать все свои части на фронте Псков – Остров, для чего 3-й Режицкий добровольческий полк из Режицы был переведен в Остров.

После принятия решения о сокращении линии обороны общая боевая численность Северной армии, вернее – отдельного Псковского добровольческого корпуса, равнялась 1800 чел., при 1600 штыках, 200 саблях и 12 орудиях.

Расположение частей корпуса было таковым: в Пскове стояли 1-й Псковский стрелковый добровольческий полк численностью около 250 штыков; 63-й Волынский пехотный полк – около 250 штыков; отряд внешней охраны – около 200 штыков; команда бронепоезда, которого в действительности не было, – около 100 штыков; Псковский артиллерийский полк – 8 орудий; отряд С. Н. Булак-Балаховича – 200 сабель при 2 орудиях. В Острове находился 2-й Островский добровольческий полк численностью около 300 штыков и переведенный туда 3-й Режицкий добровольческий полк – около 200 штыков. В Режице оставался партизанский отряд полковника Афанасьева – около 150 штыков. Наконец, на Талабских островах располагался отряд пехоты – около 150 штыков при 2 орудиях⁴⁴.

Общее состояние корпуса было таково, что пехота была необучена, на 75 % без шинелей, на 50 % – босая. Артиллерия не имела лошадей, бронепоезд отсутствовал. Таков был результат 45-дневного (с 10 октября по 24 ноября) периода формирования Белой армии.

24 ноября штаб Псковского добровольческого корпуса получил сведения о концентрации крупных красноармейских сил для наступления на Псков, которое, по данным белой разведки, было намечено на 26 ноября.

По приказанию командующего корпусом 25 ноября состоялось высшее военное совещание, на котором присутствовали командующий Псковским корпусом, начальник штаба, командиры отдельных частей, начальник штаба 5-й германской запасной дивизии гауптман Визе и германские офицеры, состоявшие для связи при штабе корпуса. На этом совещании начальник штаба корпуса ротмистр фон Розенберг информировал собравшихся о полученных штабом сведениях относительно группировки частей Красной армии и их предстоящем наступлении на Псков и предлагал перебросить тылы частей за реку Великую.

Начальник штаба 5-й германской дивизии гауптман Визе считал неправдоподобными сведения о готовившемся наступлении частей Красной армии, и вследствие такой точки зрения германского командования совещание решило оставить все части, обозы и имущество в Пскове на прежних местах и не переводить их за реку Великую. Но в целях предосторожности были намечены следующие меры:

«1) Немедленно выслать отряд в 150 человек под командою капитана Клевана в направлении на ст. Торошино, по шоссе через село Черняковцы, где будто бы уже происходила выгрузка бронированных автомобилей.

⁴⁴ Смирнов К. К. Указ. соч. С. 139. В данных Смирнова фигурируют только штыки и сабли (за исключением указания о численности партизанского отряда полковника Бибикова, действовавшего в районе г. Острова), если же принять во внимание количество едоков вообще, то численность корпуса, по-видимому, несколько превышала 2000 человек.

Отряду было поставлено задачей произвести рекогносцировку в указанном направлении и в случае сосредоточения большевиков в нейтральной зоне взорвать железнодорожный мост между ст. Торошино и г. Псковом, испортить в нескольких местах шоссе и, преградив тем самым движение блиндированного поезда и бронированных автомобилей, задерживать наступление противника до прибытия наших главных сил;

2) на другой день, т. е. 26 ноября, в 6 ч. утра выступали главные силы в составе: 1-го добровольческого стрелкового Псковского полка, Волынского добровольческого стрелкового полка, отряда внешней охраны г. Пскова, особого конного отряда ротмистра Булак-Балаховича и др. – всего силою около 600 человек пехоты, 360 всадников, 8 пулеметов и 2 полевых орудий, под общемою командою командира Волынского полка генерального штаба подполковника Ветренко. Главным силам было приказано достигнуть селения Кресты, что в четырех верстах юго-восточнее г. Пскова, и, сосредоточившись там, ждать выяснения дальнейшей обстановки;

3) одновременно с выступлением главных сил высылаются офицерский разъезд силою в 10 коней от отряда Булак-Балаховича в направлении на селение Череха и далее до ст. Карамышево. Задача разъезда – наблюдение за этим нашим флангом;

4) охрана проволочного заграждения, идущего полукругом в 2 верстах от г. Пскова, поручалась германским войскам, которые занимают посты с вечера 25 ноября;

5) германские же войска занимают все посты, выдвинутые к северу от г. Пскова по восточному берегу реки Великой, и берут на себя оборону и обеспечение нашего левого фланга;

6) внутренняя охрана города возлагалась на германские войска и на вооруженных по районам граждан под командою офицеров»⁴⁵.

В Пскове оставался штаб корпуса, обозы и 90 кавалеристов особого конного отряда под командованием подъесаула Пермыкина, который с 23 ноября исполнял обязанности полицеймейстера г. Пскова. Между прочим, 25 ноября командующий Псковским добровольческим корпусом, после согласия германского командования передать гражданское управление русским, назначил бывшего члена Государственной думы барона А. А. Крюденер-Струве губернатором всего армейского района.

Отряд на Талабских островах был информирован об общем положении и получил приказ держать тесную связь с ближайшими германскими войсками.

Во время распределения обязанностей между русскими и германскими частями для русских членов совещания стало неожиданностью, что артиллерийские и кавалерийские части германской дивизии уже покинули Псков и что в связи с этим необходимо два своих орудия придать пехотным германским частям, занимавшим проволочные заграждения.

По окончании военного русско-германского совещания, вечером 25 ноября, штаб корпуса получил сведения, что и оставшиеся в Пскове германские части, которые были приняты во внимание при распределении ролей, волнуются и не желают принимать участие в обороне Пскова. В срочном порядке было созвано в ночь на 26 ноября общее собрание выборных от германских рот и команд. На собрании выступил начальник штаба 5-й германской дивизии гауптман Визе и старался рассеять те сведения, которые были причиной волнения. Однако солдатский комитет предложил со своей стороны послать немедленно делегацию на ст. Торошино для переговоров с представителями советского командования, но

⁴⁵ Авалов П. В борьбе с большевизмом. С. 86.

после отклонения этого предложения выборные от рот и команд заявили, что оставшиеся в Пскове германские части обороняться будут, но от каких бы то ни было активных наступательных действий категорически отказываются. После такого заявления представителей германских солдат собрание было закрыто⁴⁶.

Таковы были подготовительные меры штаба Псковского добровольческого корпуса накануне действительного наступления на Псков Красной армии.

Положение на советской стороне советско-германской демаркационной линии с момента ее образования характеризовалось общей слабостью советских частей, которая обуславливалась, в свою очередь, пассивностью в течение лета и ранней осени 1918 г. этого «района обороны» Советской республики. Задачами для частей этого района являлись: 1) оборона западной границы Республики в пределах разграничительных линий на севере с Северным фронтом (7-я армия) и на юге с Южным фронтом; 2) занятия районов в случае освобождения оккупантами и 3) усиленное формирование своих сил.

Принятие решительных шагов со стороны советского военного командования по борьбе с германскими войсками было исключено соответствующим пунктом Брест-Литовского мирного договора и было фактически невозможно. Постановка активных задач слабым красноармейским частям была невозможна и тогда, когда были получены достоверные сведения о формировании в Пскове, Острове и Режице Северной белогвардейской армии. Соответствующую же информацию об этих русских добровольческих формированиях советское командование получало, в общем, своевременно, но с чрезвычайной по своим размерам неточностью и поразительным несоответствием с действительностью⁴⁷.

Ближайшие к демаркационной линии уездные партийные организации после получения сведений о работе русских белогвардейцев в Пскове производили мобилизации коммунистов для прохождения всеобщего военного обучения. Гдовский уездный комитет РКП (б) 27 октября созвал общее собрание членов организации, на котором было постановлено, что с 28 октября всем коммунистам стать под ружье и, образовав особую боевую единицу, приступить к немедленному прохождению курса всеобщего военного обучения. Основной задачей Гдовской партийной организации было ликвидирование кулацких восстаний в пяти волостях уезда, которые были результатом усиленной деятельности не только внутренних контрреволюционных элементов, но и зарубежных псковских агентов.

Восстания кулаков приурочивались к моментам проведения Советской властью реквизиций и мобилизаций и тем самым затрудняли успешность этой ударной работы и требовали применения решительных мер по ликвидации кулацких восстаний.

Гдовская партийная организация выслала по уезду несколько коммунистических отрядов, которые должны были оказывать поддержку комитетам бедноты в их борьбе с кулаками.

⁴⁶ Авалов П. Указ соч. С. 87.

⁴⁷ Так, например, к 20 октября 1918 г. Чудской район пограничной охраны получил агентурные сведения, что 16 октября в Псков приехал генерал А. М. Драгомиров, который приступил к формированию Белой гвардии; что добровольцам, зачисленным в действующие части, выплачивают ежемесячно по 280 руб. серебром, а зачисленным в гарнизонные части по 80 руб. серебром и что в течение нескольких дней, т. е. до 20 октября, набрано около 4000 белых добровольцев (Центральный военно-политический архив при Военно-политической академии РККА им. Н. Г. Толмачева (ЦВПА при ВПАТ), связка № 1, дело № 56/21, «Очередной ежемесячный отчет о состоянии Чудского района пограничной охраны от 20 октября 1918 г. за № 41 военного комиссара района»). Данные штаба Латышской стрелковой дивизии утверждали, что к 15 ноября 1918 г. белых добровольцев насчитывалось до 5000 чел., а к 16 ноября Белая гвардия в Пскове состояла из полков численностью в 10 000 чел. (ЦВПА при ВПАТ, связка № 23, дело 4, Бюллетени информационного отделения Всероссийского бюро военных комиссаров, № 22 от 29 ноября 1918 г. и № 23 от 30 ноября 1918 г.). По агентурным данным советских учреждений Псковского уезда, белогвардейский гарнизон Талабских островов имел от 1000 до 1500 чел. при 6 орудиях, из коих четыре 6-дюймовых орудия прибыли на острова в ночь на 22 октября 1918 г. По тем же данным, следовало, что из Киева вскоре прибудет в Псков конно-егерский полк, к которому присоединились 11 000 русских пленных (Архив Ленинградского областного испарта (АЛОИ), связка № 18).

Отряд, выехавший в ноябре 1918 г. в северный район уезда, способствовал созыву съезда комитетов бедноты по Добручинской волости, на котором была принята следующая резолюция:

«Мы, представители деревенской бедноты, заявляем, что, свалив вооруженной рукой власть векового гнета и получив в руки мощное орудие борьбы – власть, не отдадим ее ни кулакам, ни помещикам, ни международным разбойникам – империалистам, разрушившим весь мир и залившим кровью трудящихся во имя своих барышей. Пусть не мечтают негодяи о возврате былого, не допустим лжи и обмана. За братство народов, трудящихся миллионов, мы будем бороться до победного конца, до полного уничтожения паразитов и грабителей, глумившихся над нами. Мы созываем съезд комитетов бедноты, и под его руководством мы проявим всю силу власти на пользу трудящихся. Долой паразитов деревни! Да здравствует трудящаяся беднота! Долой мировых разбойников – капиталистов, помещиков, королей. Да здравствуют всемирные комитеты бедноты – власть трудящихся! Да здравствуют вожди международной революции и победа трудящихся!»⁴⁸

После проведения съезда комитетов бедноты коммунистический отряд из деревни Добручи, разбившись на мелкие партии, направился к селу Скамья (у истока реки Наровы из Чудского озера), где встретил дружелюбный прием со стороны германских солдат. Представители солдатского совета и здесь проявили свою контрреволюционную сущность, которая была выражена в настойчивой просьбе «не предпринимать строгих мер по отношению к буржуазии». При дальнейшем продвижении вдоль демаркационной линии коммунистический отряд Гдовской организации констатировал недружелюбное отношение крестьянского населения, спровоцированного местным кулачеством. В этом северном районе уезда товарищи обнаружили сильно развитый эстонский шпионаж, для борьбы с которым нужна была особая бдительность красноармейских частей и комитетов бедноты. Часть коммунистов из отряда в связи с таким положением в северных волостях уезда осталась в них для работы⁴⁹.

Выступление кулачества наблюдалось вообще во всем районе от ст. Веймарн до Гдова. В деревнях отмечалось засилье кулачества и полная беспомощность бедноты. Представителям Советской власти кулаки прямо заявляли, что «центральной власти они не признают, декреты для них не обязательны, что власть – на местах»⁵⁰.

Коммунистические отряды, посланные из Гдова в южные волости уезда, также способствовали успешной и нормальной деятельности комитетов бедноты и помогали красноармейским частям в деле ликвидации попыток нападения из-за демаркационной линии белогвардейцев. Близость Пскова, как очага русской контрреволюции, к южному району Гдовского уезда создавала там трудные условия для советской работы. Состав волостных исполнительных комитетов часто менялся. Большое развитие получил также шпионаж в пользу русских белогвардейцев, находившихся на Талабских островах. Все население приозерной береговой полосы было терроризовано белогвардейцами. При выборе, например, нового состава исполнительного комитета Середкинской волости не явилось население из

⁴⁸ АЛОИ, связка № 14, дело № 191, протокол общего собрания членов и кандидатов Гдовской организации РКП (б) от 24 ноября 1918 г.

⁴⁹ Там же, связка № 14, дело № 191, протокол общего собрания членов и кандидатов Гдовской организации РКП (б) от 24 ноября 1918 г.

⁵⁰ Там же, связка № 5, папка № 1.

33 деревень, так как они были предупреждены белогвардейцами, что в случае явки на выборы против них будут приняты репрессивные меры⁵¹.

В волостях Псковского уезда также наблюдалась усиленная деятельность зарубежных агентов, которые находили для своей агитации соответствующую социальную почву у кулачества. Например, в Больше-Загорской волости и в соседних с нею волостях в результате антисоветской агитации имело место индивидуальное и групповое просачивание через демаркационную линию в Псков враждебных диктатуре пролетариата элементов.

Последние в целях наилучшей реализации своих планов получали от местных волостных исполнительных комитетов документы на командировку в Псков по различного рода делам. Отсутствие достаточной вооруженной силы в пограничных волостях исключало возможность решительно воспрепятствовать подобного рода явлениям⁵².

Следовательно, необходимость советизации северо-западного района Советской республики требовала много сил, средств и времени и являлась основной задачей советских органов власти летом и осенью 1918 г., так как от своевременного разрешения ее зависела успешность формирования частей Красной армии.

Советское правительство, получив сведения о деятельности русских белогвардейцев в Пскове, обратилось через А. А. Иоффе к германскому правительству с нотой протеста по поводу организации Белой армии при содействии немецких войск. Нота, обращая внимание германского правительства на факт набега русских белогвардейцев на Талабские острова, требовала принятия необходимых мер для устранения подобного рода ненормальных с точки зрения советско-германских взаимоотношений явлений⁵³.

Местные же советские органы и военное командование принимали все меры к тому, чтобы лучше обеспечить охрану демаркационной линии и оказывать сопротивление всем активным действиям псковских белогвардейцев.

Сконструированный 24 октября 1918 г. Военно-революционный комитет Карамышевского района принял постановление о немедленном обследовании демаркационной линии и о проверке несения службы охраны на ней. Серьезное внимание члены комитета уделяли вопросам связи с жел. – дор. станцией Торошино и г. Порховом, Великими Луками и Петроградом. В обращении на имя Петроградского окружного военного комиссара Военно-революционный комитет Карамышевского района указывал на то, что этот участок предоставлен сам себе, и требовал соответствующего внимания центра. Своей инициативой комитет старался придать обороне демаркационной зоны характер стройной организации и впредь до выяснения некоторых принципиальных вопросов со штабом Новгородской дивизии назначил командующим военными силами района Р. Берзина и поручил ему усилить пограничную охрану, охрану железнодорожных мостов по линии ст. Карамышево – Подсевы и Кебь – Карамышево, организацию разведывательной службы и контроль пассажирских поездов. В распоряжении Берзина находился один батальон численностью в 300 штыков, который занимал линию от р. Кепь – дер. Батлово до дер. Мигуново, в 10 километрах от демаркационной линии, общим протяжением в 25 километров. Батальоном выставлялись заставы с целью оказания в случае необходимости хоть незначительного сопротивления противнику. Никакого резерва район не имел, и, следовательно, вся оборона границы возлагалась только на расположенные вблизи ее советские части. С 7 ноября появились белогвардейцы-балаховцы в районе деревень Zubovo, Lopatovo и Gnilyno, которые напали на пограничную охрану деревни Zubovo и обезоружили ее.

⁵¹ АЛОИ, связка № 14, дело № 191, протокол общего собрания членов и кандидатов Гдовской организации РКП (б) от 24 ноября 1918 г.

⁵² Псковское архивное бюро (ПАБ), фонд губисполкома № 68, по описи № 9, дело № 3, л. 10. Донесение военного комиссара Больше-Загорской волости Псковскому уездному военному комиссару от 26 октября 1918 года.

⁵³ Северная коммуна. 1918. № 146.

В ночь с 8 на 9 ноября Военно-революционный комитет Карамышевского района принял план обороны участка, согласно которому пограничные части от дер. Кебь стягивались в район дер. Лопатово и от дер. Тешково – в район мест. Быстрецкое. Было решено также поставить охрану на больших проезжих дорогах в районе ст. Карамышево.

Никакого руководства центра Военно-революционный комитет не чувствовал, со стороны же военно-полевого штаба Торошинского района руководство было недостаточным⁵⁴.

Только после ноябрьской революции в Германии, в предвидении сильной активизации западной границы Республики, центром начались приниматься меры для усиления, в частности, 7-й армии, которая на ревельском направлении имела 6-ю стрелковую дивизию численностью около 6000 штыков⁵⁵ и на псковско-валкском – различные части, не закончившие формирование, общей численностью до 3000 чел.

По распоряжению главного командования начались переброски эстонских и финских частей из 1-й и 3-й армий Восточного фронта на Западный⁵⁶, в район Ямбурга.

Части, которые ранее предполагалось с Западного и Северного фронтов перебросить на Южный фронт, были оставлены на своих местах.

17 ноября главком приказал перебросить из г. Вятки в район Новгород – Старая Русса – Дно – Луга 10-ю стрелковую дивизию. Помимо этого 7-я армия усиливалась и за счет формирования внутри Республики.

Согласно приказу главкома, командование Северным фронтом должно было начать наступление частями 7-й армии. Командование фронта обязывалось сосредоточить все имевшиеся в его распоряжении свободные резервы и вновь прибывшие части: Юрьевский полк, 1-й и 6-й Латышские стрелковые полки, несколько эскадронов конницы и батареи Латышской стрелковой дивизии.

Командование Западным фронтом должно было предпринять глубокую разведку на Режицу, Полоцк, Борисов, Бобруйск и Гомель.

18 ноября были даны дополнительные указания, согласно которым общая задача действий 7-й армии на территории Прибалтики сводилась к занятию г. Ревеля; выполнение этой задачи намечалось путем продвижения красноармейских частей по линии Ямбург – Нарва – Ревель и Псков – Валк – Ревель⁵⁷.

Командование Северным фронтом предполагало нанести главный удар на нарвско-ревельском направлении и вспомогательный – на псковско-валкском направлении, причем в последнем случае после занятия г. Валка имелось в виду оказать при необходимости помощь частям 7-й армии для преодоления сопротивления противника у Ревеля.

Операции 7-й армии начались одновременно с наступлением Западной армии и имели успех.

Северная группа 7-й армии при наступлении на г. Нарву получила поддержку Балтийского флота, которому ставилась задачей высадить в устье р. Наровы десант для действий его против г. Нарвы. Одновременно с этим один из миноносцев должен был войти в р. Нарову и своим артиллерийским огнем поддерживать высадку десанта. 28 ноября 1918 г., в 10 ч. 45 мин., десант на судах вошел в р. Нарову, и к 13 час. 20 минут высадка уже была закончена.

⁵⁴ ПАБ, фонд губисполкома № 68, по описи № 9, дело № 3, л. 1, 12.

⁵⁵ Какурин Н. Как сражалась революция. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. 2. С. 101. В отношении численности Нарвской группы 7-й армии данные автора вызывают сомнение, так как по ряду косвенных указаний действительная численность группы была меньшей. Псковская группа той же армии уступала по численности Нарвской группе и имела, по-видимому, до 3000 чел. По данным Н. Какурина, эта группа – «сводная дивизия» – была «приблизительно такой же численности», как и Нарвская, т. е. имела до 6000 штыков.

⁵⁶ Северо-западного фронта тогда еще организационно не существовало.

⁵⁷ Какурин Н. Указ. соч. С. 39, 40.

К вечеру совместными действиями частей 6-й стрелковой дивизии и десанта г. Нарва был взят⁵⁸.

В Нарве было захвачено 2 орудия, 1 бомбомет, 2000 снарядов, 500 винтовок и т. п. Там же были обнаружены многочисленные жертвы белого террора.

Весьма характерной была роль солдатского совета германских частей, расположенных в Нарве до момента захвата города Красной армией.

Еще 22 ноября 1918 г. германский солдатский совет, находившийся под руководством реакционных офицеров, переслал следующее письмо на советскую сторону демаркационной линии:

«Коменданту русских боевых сил.

Сегодня утром вы напали на наших сотоварищей. Мы усматриваем в этом преступление, достойное проклятья, так как желаем жить с вами в мире. Скоро мы покидаем Эстляндию, до того времени каждое нападение будет кровью отражено. Будьте благоразумны и подождите со вторжением в Эстляндию, пока мы не покинем страны»⁵⁹.

Это обращение солдатского совета германских частей показательно в том отношении, что оно было прямым следствием предательской соглашательской политики этих революционных солдатских германских органов. Лозунги диктатуры пролетариата не находили соответствующего отклика в солдатских советах, которые самим своим появлением на политической арене были обязаны ноябрьской революции в Германии. Рядовая масса германских солдат, доброжелательно относившаяся к Советской России, представляла из себя чрезвычайно опасный материал для своих политических руководителей, которые всеми мерами старались исключить возможность тесного сближения красноармейских частей с германскими солдатами.

После овладения г. Нарвой Северная группа 7-й армии преодолела лесисто-болотистый район между Финским заливом и Чудским озером и подходила к узловой железнодорожной станции Тале.

Положение этой группы, быстро продвигавшейся в ревельском направлении, осложнялось из-за невозможности своевременного подвоза всех видов снабжения, так как железнодорожный мост через р. Нарову был взорван. Наконец, у командования 7-й армии было серьезное опасение за фланги этой группы при ее глубоком вторжении на эстонскую территорию. Балтийский флот зимовал в Кронштадте и не мог оказать дальнейшей помощи Северной группе 7-й армии. Предпринятая по инициативе Ф. Ф. Раскольникова операция двух эскадренных миноносцев – «Спартак» и «Автроила» – на Ревель была неудачной и окончилась пленением этих миноносцев и самого Ф. Ф. Раскольникова.

⁵⁸ Красный флот. Книга 3–4, февраль 1928 г. Л.: Изд-во РККА, 1928. С. 32.

⁵⁹ ЦВПА при ВПАТ, связка № 23, дело № 5, бюллетень информационного отделения ВБВК № 25, от 4 декабря 1918 г. Подобная деятельность германского солдатского совета не могла не сказаться на состоянии красноармейских частей, среди которых и без того велась широкая антисоветская агитация. Так, например, части 46-го и 47-го стрелковых полков отказались от наступления и, вооруженные пулеметами и одним тяжелым орудием, направились к Ямбургу в числе 500 человек. 200 из них удалось разоружить. Против остальных, представлявших собой довольно организованную массу, советским командованием было приказано принять самые решительные меры. Были раненые и убитые. Другая часть числом до 200 чел. пыталась переправиться через р. Лугу. Обстановка была настолько серьезной, что комиссары и красноармейцы-коммунисты оказались бессильными быстро восстановить порядок. Все эти печальные события явились следствием «крайне небрежного отношения округа и бывшего Северного участка к политическому воспитанию масс». Только после этого печального эпизода Реввоенсовет Северного фронта предложил 7-й армии немедленно образовать политотделы и Революционно-военный трибунал (ЦВПА при ВПАТ, связка № 23, дело № 4, бюллетень информационного отделения при ВБВК за № 20 от 27 ноября 1918 г.).

Штаб 7-й армии, находившийся в Петрограде, а затем в Новгороде, не имел возможности своевременно управлять перешедшими в наступление частями армии и заранее обдумывать все стороны операций⁶⁰.

Южная группа 7-й армии с 25 ноября начала наступление на Псков, причем численность ее равнялась 2500 бойцов при 8 орудиях (правая колонна – два батальона 49-го стрелкового полка – 1500 бойцов; «Железный» полк со ст. Торошино и разные мелкие части – до 1000 бойцов; одна легкая батарея и один слабый бронепоезд «Красный финляндец»)⁶¹. Силы противника (Северной армии) командованием Южной группы 7-й армии исчислялись в 4500 бойцов при 30 орудиях. Эти данные приведены в статье К. Янэль «От Пскова до Виндавы и обратно (1918–1919 гг.)» (Война и революция. Книга 2, за февраль 1928 г.). На основании этих данных участники и руководители операций в то время, Фабрициус и Травинский, пишут, что «до взятия г. Пскова наши силы значительно уступали силам белых... Силы у нас были слабые, но мы и с этими силами взяли г. Псков... Энтузиазм победил численное превосходство».

Выше была приведена боевая численность Северного корпуса, и из сопоставления сил русских белогвардейцев с силами Южной группы 7-й армии следует, что никакого численного преимущества на стороне белых не было, а наоборот, они несколько уступали частям Красной армии.

Чрезвычайно любопытны, с другой стороны, те данные, которые были в штабе Псковского добровольческого корпуса о численности Южной группы 7-й армии перед переходом ее в наступление на Псков. По сведениям белой разведки, в районе станций Торошино и Карамышево было сосредоточено 12 000 красных войск, с одним полком кавалерии, четыре батареи (одна тяжелая) артиллерии, несколько десятков пулеметов, два блиндированных поезда на станциях Торошино и Карамышево и несколько бронированных автомобилей⁶².

Итак, советское командование силы русских белогвардейцев в Пскове исчисляло в два раза больше их действительной численности, штаб Псковского добровольческого корпуса чуть ли не в пять раз увеличивал силы Южной группы 7-й армии.

Подобная двухсторонняя осведомленность на началах «взаимности» по части преувеличения сил объясняется в первом случае относительной неорганизованностью самого военного руководства красной стороны, наличием некоторых элементов осторожности при разработке плана предстоящих боевых действий за обладание Псковом, что было тесно связано с тем обстоятельством, что советское военное руководство предстоящими операциями было поглощено мыслью пополнения своих сил; во втором – моральной депрессией русских белогвардейцев как следствием коренного изменения военно-политического положения в ноябре 1918 г.

Наступление на Псков со стороны ст. Карамышево, судя по сохранившимся телеграммам того времени, велось фактически не объединенными единым военным командованием отрядами. Каждый из таких отрядов, действовавших в направлении Пскова, через свою разведку, к радостному удивлению для себя, обнаруживал аналогичное по целям движение другого советского отряда. Наступление вели части 10-го стрелкового полка Новгородской дивизии, 1-й Московский революционный полк, отряд под командой Берзина, который выступил, не ожидая 10-го полка, 3-й летучий отряд под командованием Лякса и др.⁶³

⁶⁰ Статья Н. Хенриксона (командовавшего в то время 7-й армией) // Красный флот. Книга 3–4, февраль 1928 г. Л.: Изд-во РККА, 1928.

⁶¹ Статья Фабрициуса и Травинского. Исторические заметки о гражданской войне в Прибалтике // Война и революция. М.; Л.: Госиздат, 1928. Кн. 12. С. 89.

⁶² Авалов П. В борьбе с большевизмом. С. 84.

⁶³ ПАБ, фонд губисполкома, № 68, по описи № 10, дело № 4.

Обещавшие белым свою посильную поддержку в обороне Пскова германские войска к 12 часам 26 ноября без боя обнажили левый фланг Псковского участка (восточный берег реки Великой), сняли все посты в г. Пскове и занялись эвакуацией. Штаб белогвардейского корпуса в свою очередь не имел возможности ориентироваться в ходе боевых действий, так как связь его с действующими частями корпуса была прервана.

В этот решительный момент, пользуясь отсутствием сильных частей белогвардейцев, в Пскове выступили местные коммунисты, вооруженные приобретенным у немцев оружием – винтовками и пулеметами⁶⁴. Остатки белогвардейцев, охранявшие штаб корпуса, принуждены были очистить город, причем путь отступления через проезжий мост по реке Великой был закрыт, так как мост сильно обстреливался восставшими. Отряд подьесаула Пермыкина, на который возлагал надежды штаб корпуса, с боем стал вырываться из города, причем на базарной площади он был рассеян пулеметным огнем из окон расположенных там домов и после этого стал поспешно отступать к железнодорожному мосту.

Части Южной группы 7-й армии к этому времени путем повторных атак прорвали и правый фланг противника, где действовали главные силы белогвардейцев, и стали подходить к предместью города. Вскоре небольшая их часть появилась на Кохановском бульваре (ныне Пролетарский), а другая, значительно большая, направилась к вокзалу. На вокзале в это время находилась в ожидании эшелонов для погрузки последняя германская рота, которая, отклонив предложение о сдаче оружия, вступила в бой с советскими частями. Германцы хотя и понесли большие потери, но приостановили дальнейшее развитие успеха красных и сыграли роль арьергарда, прикрывшего отступление русских и германских тыловых учреждений и некоторых частей.

Находившийся в городе штаб Псковского добровольческого корпуса, собравший еще к 15 час. 30 мин. около 40 офицеров, решил оставить город и после долгих блужданий от проезжего моста к железнодорожному, где путь уже был отрезан, к 18 час. 26 ноября подошел к переезду между двумя этими мостами и обнаружил там германскую роту, с которой и переправился на другой берег р. Великой.

Таким образом, Псков вечером 26 ноября был оставлен всеми русскими белыми и германскими войсками. Части же Красной армии окончательно заняли весь город только 27 ноября утром⁶⁵.

В Пскове сразу же приступил к работе Революционный комитет во главе с В. С. Шатовым. Принятыми мерами в городе было выловлено несколько белогвардейцев, которые после выяснения их роли при оккупантах и Северной армии были подвергнуты высшей мере социальной защиты; кроме этого, были задержаны такие лица, которые оказывали ту или другую помощь русским белогвардейцам⁶⁶.

⁶⁴ К сожалению, никаких документов об этом восстании коммунистов в Пскове не осталось. Сведения о нем имеются только в книге П. Авалова «В борьбе с большевизмом». С. 89.

⁶⁵ Эту дату приводит в своей статье, на которую делались ссылки выше, и К. Янэль. Фабрициус и Травинский в своем ответе на статью К. Янэль (Война и революция. Кн. 12, Госизд. 1928. С. 90) утверждают, что Псков советскими войсками был занят только 29 ноября 1918 г. Однако в другой своей статье – «Две измены», опубликованной в т. I сб. «Гражданская война», изд. «Военный вестник». 1928 г., на стр. 249 те же авторы пишут, что Псков был взят 28 ноября. Наконец, судя по первоисточникам, Псков был занят Южной группой 7-й армии 25 ноября, в 17 час. 30 минут (ЦВПА при ВПАТ, связка № 23, дело № 5, бюллетень информационного отделения ВБВК № 24 от 2 декабря 1918 г.). Тут, по-видимому, произошла опечатка или при передаче в свое время телеграммы, или при переписке этих сведений на машинке, и следует читать не «23», а «26», когда действительно к 17 час. 30 мин. некоторые части Красной армии ворвались в город, но целиком его не заняли. Эту дату вступления красноармейских частей в Псков подтверждает еще следующая телеграмма, посланная из Пскова военным комиссаром 7-й армии: «Псков весь наш. Образовал Революционный комитет во главе с Шаховым. Части великопленны. Надеюсь на господство во всем крае. Выезжаю в Петроград с докладом 26 ноября. Военный комиссар 7-й армии *Нацаренус*» (ЦВПА при ВПАТ, связка № 42, дело № 35, л. 57). Стиль телеграммы обуславливался, естественно, тем подъемом красноармейских частей, с которыми они перешли в наступление.

⁶⁶ ЦВПА при ВПАТ, связка № 23, дело № 4, бюллетень информационного отделения ВБВК, № 22 от 29 ноября 1918 г.

На многочисленных общих собраниях рабочих и служащих фабрично-заводских предприятий города принимались резолюции с выражением приветствия красноармейским частям, освободившим Псков и способствовавшим восстановлению Советской власти во всем районе. Аналогичные резолюции принимались и деревенской беднотой.

С падением белого Пскова части Красной армии захватили громадное имущество, которое не было вывезено германскими войсками.

Специально назначенной штабом Петроградского военного округа комиссией по сбору и учету имущества, оставленного в г. Пскове и его окрестностях, к 31 декабря 1918 г. был закончен подсчет и произведено распределение этого имущества по категориям. Ружья требовали немедленного осмотра, смазки и небольшая часть – ремонта. Обмундирование было старо и к носке непригодно. Амуниция в некоторых своих частях была признана годной к немедленному употреблению, остальное требовало разборки и починки. Повозки и походные кухни нуждались в очистке и ремонте. Инженерное имущество и материалы, за незначительным исключением, были годными для немедленного использования. Телефонное имущество, автомобили и мотоциклы требовали основательного ремонта. Ружейные патроны подлежали немедленному использованию, снаряды и ручные гранаты – тщательному осмотру и рассортировке по степени их годности.

Представление о количестве оставленного германскими войсками имущества дают следующие, например, данные: в одном артиллерийском складе было сосредоточено, из числа оставленного германскими войсками, двенадцать 4-дюймовых орудий без прицельных приспособлений и принадлежностей, около 3 миллионов вполне годных 3-линейных русских патронов, 532 800 японских патронов, около 400 000 русских патронов без пачек и обойм, требовавших чистки и возобновления, и т. п.⁶⁷

От Пскова части белого корпуса отступали в панике. Общая деморализованность белогвардейцев не позволила даже начальнику штаба корпуса собрать и привести в порядок отряды после переправы через реку Великую. Остальные силы белых, защищавшие Псков и отрезанные от него фланговым ударом красноармейских частей, вынуждены были в поисках переправы отходить вверх по течению реки Великой, на километров 12 от Пскова; после 4-часового «купанья» на Выбутских порогах белогвардейские отряды взяли направление на Изборск.

Начальник штаба корпуса ротмистр фон Розенберг, губернатор армейского района барон А. А. Крюденер-Струве, полковник барон Вольф и др. пешком в 1-м часу на 27 ноября пришли в г. Изборск, а оттуда в 3 часа, под обстрелом местных революционных отрядов, в воинском поезде отправились в направлении на г. Верро – Валк – Ригу и прибыли в Валк в 17 час.

В Валке к тому времени находилось много чинов корпуса и тыловых команд, которые еще утром 26 ноября бежали из Пскова, там же находилась большая часть разведывательного отряда капитана Клевана, который 25 ноября, согласно постановлению военного русско-германского совещания, был выслан навстречу советским войскам, но после этой «встречи» взял направление на Валк.

Вскоре в Ригу штабом 8-й германской армии были затребованы командующий русским корпусом и начальник штаба.

30 ноября 1918 г. прибывшему в Ригу начальнику штаба Псковского корпуса ротмистру фон Розенбергу начальник штаба 8-й германской армии подполковник генерального штаба Франц сделал заявление о том, что германское командование в силу событий внутри Германии более не заинтересовано судьбой Псковского добровольческого корпуса и отказыва-

⁶⁷ ЛАБ, АКА, фонд № 28, связка № 21, дело № 85, л. 130–137.

ется от дальнейшей его официальной поддержки, но не исключает возможности оказания частичного содействия русским белогвардейцам.

В беседе с германскими офицерами у заведующего политическим отделом штаба 8-й германской армии майора фон Трескова ротмистр фон Розенберг узнал, что эстонское правительство выразило согласие принять корпус на свою службу, а латышское правительство стоит на противоположной точке зрения, в силу чего отступление корпуса на Ригу, а затем на Митаву – Либаву невозможно. После этих разговоров при штабе 8-й германской армии было организовано ликвидационное отделение по делам отдельного Псковского добровольческого корпуса, во главе которого стал майор фон Клейст.

1 декабря 1918 г. в Ригу прибыл командующий корпусом полковник Г.Г. фон Неф⁶⁸, который принципиально согласился перейти с корпусом на службу к Эстонии.

К этому времени части Псковского корпуса после оставления Пскова сосредоточились в следующих районах: 1-й Псковский добровольческий полк, 2-й Островский полк, 3-й Режицкий полк и партизанский отряд полковника Бибикова – в районе г. Верро; особый конный отряд Булак-Балаховича и отряд внешней охраны г. Пскова капитана Мякоша – между г. Верро и Печорами; отряд Талабских островов под командой поручика Пермыкина, высадившись в районе г. Юрьева с судов Чудской озерной флотилии, шел на присоединение к ротмистру Булак-Балаховичу; Волынский добровольческий полк и различные другие команды под общим командованием подполковника Ветренко – в районе города Верро; партизанский отряд полковника Афанасьева отступал на Крейцбург; части штаба, тыловые команды и разведывательный отряд капитана Клевана – в г. Риге и Валке⁶⁹.

Перед своим отъездом в Ревель для переговоров с эстонским правительством полковник фон Неф отдал распоряжение о дальнейшем продвижении частей корпуса в район г. Валка, откуда эти части можно было бы направить и в Эстонию, и в Латвию.

Одновременно с этим Южная группа 7-й армии, согласно директиве главкома, должна была в кратчайший срок занять район в пределах разграничительных линий с севера: Ней-Рапен, Юрьев, Феллин, Пернов; с юга: Остров, Пыталово, Альтшваненбург, Штокмангоф, Фридрихштадт, Огер и Рига.

Согласно этой директиве, части Южной группы 7-й армии были разделены на три колонны, из которых первая – правая – должна была овладеть имением Ней-Рапен, г. Юрьев, Феллин и Пернов; вторая – средняя – Печоры, Верро, Валк, Вольмар, Венден, Рига; третья – левая – г. Остров, Пыталово, Альтшваненбург, Штокмангоф, Фридрихштадт, Огер, Рига⁷⁰.

При своем продвижении вперед красноармейские части местами преодолевали сильное сопротивление противника, но, несмотря на это, быстро продвигались по основному операционному направлению на Ригу.

Со стороны германских офицеров и солдат были попытки войти в соглашение с советским командованием на предмет приостановления наступления частей Красной армии. Первая попытка была сделана германскими офицерами после того, как 49-й стрелковый полк с боем занял имение барона фон Вольфа – Ней-Рапен; германская офицерская делегация прибыла для переговоров в штаб 6-го Латышского стрелкового полка в имение Нейгаузен и со своей стороны предложила дать германским войскам двухнедельный срок для полной эвакуации г. Верро и вывоза всего награбленного имущества. Во время этих переговоров

⁶⁸ Последний удачно для себя вышел из тяжелого положения при обороне Пскова, когда во время его поездки из мест. Кресты в Псков по пути был убит шофер машины и тяжело ранен сопровождавший командующего корпусом один подполковник инженерных войск. Оставшийся в живых, из бывших на машине, один полковник фон Неф с большим трудом присоединился к отступавшим частям корпуса.

⁶⁹ Авалов П. Указ. соч. С. 93.

⁷⁰ Война и революция. Госиздат. 1928. Кн. 12. С. 88, 89.

прибыла другая германская делегация, выбранная солдатами, которая согласилась передать г. Верро советским войскам по истечении 24 часов.

В дальнейшем никаких переговоров советское командование не вело и развивало свой успех в направлении на Ригу. В этих чрезвычайно сложных и серьезных условиях борьбы в Прибалтике советскому командованию приходилось одновременно принимать героические усилия к тому, чтобы поддерживать революционную дисциплину в красноармейских частях.

Считаясь с положением на фронте и исходя из своей германофильской ориентации, начальник штаба Псковского добровольческого корпуса ротмистр фон Розенберг принимал все меры к тому, чтобы части корпуса двигались дальше на Ригу. В частных беседах германские офицеры также высказывались за отход русских белогвардейцев на Ригу. Вскоре стало известно мнение по этому вопросу и генерала графа Келлера, который лучшим районом для сосредоточения частей Псковского добровольческого корпуса Северной армии считал также район Митавы – Либавы.

Однако высшее германское военное командование в силу каких-то не вполне ясных соображений не принимало со своей стороны реальных шагов к тому, чтобы Псковский корпус действительно отступал на Ригу. Возможно, что в то время, т. е. в первой половине декабря 1918 г., основным желанием германского военного командования было использовать русские белогвардейские части в качестве арьергарда для прикрытия и лучшего обеспечения отхода германских войск. Официальный мотив командования 8-й германской армии, изложенный ротмистру фон Розенбергу в Риге и сводившийся к тому, что германское правительство категорически запретило поддерживать в дальнейшем вооруженную силу русских белогвардейцев, не мог иметь решающего значения. Дальнейшая история сотрудничества германской военщины с русскими белогвардейцами в Прибалтике в 1919 г. была прямым следствием остававшегося в силе такого же официального запрещения германского правительства, которое одновременно с этим принимало меры к тому, чтобы морально, а возможно, и материально обеспечить длительность такого союза русских контрреволюционных сил и германских войск в Прибалтике.

Отсутствие нажима со стороны германского высшего командования в отношении дальнейших действий Псковского корпуса мало способствовало всем начинаниям начальника штаба корпуса фон Розенберга. В разговорах с последним германские офицеры выражали, скорее, чувство соболезнования всем русским белогвардейцам из Псковского корпуса, чем деловые мысли, которые помогли бы фон Розенбергу выйти из тяжелого положения.

Это же обстоятельство усилило другое течение в стане Псковского корпуса, которое со всей определенностью и законченностью стало ориентироваться на Антанту. Выехавший в г. Ревель командующий корпусом полковник фон Неф развил усиленную деятельность для конкретного практического оформления антантовской ориентации корпуса. Своей работой полковник фон Неф достиг определенных результатов и уже 6 декабря 1918 г. от имени Псковского корпуса, переименованного в Северный, заключил следующий договор с Эстонией.

«Договор между Северным корпусом и эстонским правительством.

1. Основой взаимоотношений Северной армии с эстонским правительством являются общие действия, направленные к борьбе с большевизмом и анархией, причем главным направлением действий армии является Псковская область.

2. Северная армия гарантирует во время своего нахождения в пределах Эстонии полное свое невмешательство во внутренние дела последней.

3. Во время общих боевых действий в пределах Эстонии Северная армия подчиняется эстонскому главнокомандованию.

4. Во время нахождения своего в пределах Эстонии для совместных боевых действий Северная армия получает от эстонского правительства полностью ее обеспечивающее денежное довольствие, обмундирование, вооружение, снаряжение и обоз с запряжкой и продовольствием натурой по выработанным раскладкам. Денежное довольствие, получаемое Северной армией от эстонского правительства, засчитывается как долг организующегося правительства России.

5. Первые три недели со времени расположения частей Северной армии в предоставленном ей районе Эстонии и со времени получения от эстонского правительства всех средств, указанных в п. 4, предоставляются Северной армии исключительно на организационную работу, необходимую после тяжелого отступления.

6. Эстонское военное министерство и штаб корпуса Северной армии взаимно командируют представителей для освещения положения и работ.

7. Северной армии оставляется право комплектоваться лицами, не принадлежащими Эстонии.

До прибытия союзников армия не должна превышать численности свыше 3500 человек.

8. При штабе Северной армии будет находиться представитель от интендантства Эстонии, которому предоставляется право контроля по расходованию выданных для Северной армии денег, продовольствия и всех предметов снабжения.

6-го декабря 1918 года.

Подлинный подписали:

командующий Северной армией полк, фон Неф.

За военного министра временного правительства Эстонии – товарищ военного министра Г. Юринэ»⁷¹.

Затем, через несколько дней после заключения договора, начальнику штаба корпуса, находившемуся в Риге, стало известно, что полковник фон Неф якобы выражает недовольство по поводу заключенного договора и просит начальника штаба вести переговоры с представителями латышского правительства, исходя из тех соображений, что сосредоточенные севернее г. Валка, в районе мест. Ермес, главные силы корпуса под командованием полковника Бибикова должны отступать в дальнейшем на Ригу и далее в Курляндию. С другой стороны, непосредственно от самого полковника фон Нефа был получен приказ, по которому начальник штаба корпуса должен был сформировать новый штаб с размещением его в мест. Ермес, а сам – отбыть в Ревель.

При переговорах с представителями германского командования в Либаве ротмистр фон Розенберг получил заверение о том, что никаких препятствий к отходу Псковского корпуса в район Митавы германские власти чинить не будут. Положительный результат был достигнут ротмистром фон Розенбергом и в беседе с представителем латышского правительства в Либаве неким Берзиным, который согласился оказать всяческое содействие при размещении корпуса в Митаве, Альтауце и Либаве и взять русских белогвардейцев на довольствие. Однако латышский представитель считал необходимым для начальника штаба корпуса предварительно поговорить по этим вопросам с представителями Англии и обещал устроить это свидание.

16 декабря 1918 г. делегация от корпуса в составе начальника штаба корпуса ротмистра фон Розенберга, полковника А. П. Родзянко, ротмистра Гоштовта и ротмистра князя А. П.

⁷¹ Архив гражданской войны. Берлин. Т. I. С. 145; *Авилов П.* Указ. соч. С. 508.

Ливена была принята английским адмиралом Синклером на крейсере «Кардиф» в г. Риге. Соглашаясь формально с доводами членов делегации, что наилучшим районом сосредоточения частей белогвардейского корпуса является район Митава – Альтауц, адмирал Синклер отказался дать какие-либо исчерпывающие указания и обещал снести со своим правительством. Зато присутствовавший на приеме английский консул в Риге был менее дипломатичным и прямо заявил:

«Мы не можем иметь доверия и оказывать помощь организации, которая находилась под покровительством наших врагов, а потому предпочитаем предоставить это право правительствам новых государств [имелись в виду правительства Эстонии, Латвии] при условиях, что они возьмут в данном случае и всю ответственность за последствия на себя»⁷².

На резкий вопрос Розенберга, какой политики придерживается английское правительство – политики расчленения или политики воссоздания великой России, прямого ответа не последовало. Переговоры закончились заверением адмирала Синклера в том, что все возможное им будет сделано. В результате неудавшейся попытки договориться с англичанами начальником штаба корпуса фон Розенбергом были предприняты шаги для отправки частей корпуса на Ригу, Митаву и Либаву.

18 декабря 1918 г. ротмистр фон Розенберг обратился со специальным заявлением к командующему армией полковнику фон Нефу, где говорил о необходимости немедленного перехода Псковского корпуса в район Митавы – Либавы. Свою точку зрения ротмистр мотивировал следующими основными соображениями: 1) движение советских войск в направлении Крейцбург – Рига и Альтшваненбург – Рамоцкое создает малопригодную обстановку для дальнейших формирований Северной армии и грозит запереть корпус в районе Ревель – Валк – Юрьев; 2) непрочное положение эстонского и латышского правительств, вследствие того что население Эстонии и Латвии определенно тяготеет к большевизму и что каждый местный житель является вооруженным врагом для корпуса; 3) несостоятельность эстонского правительства в отношении данных им обещаний по снабжению корпуса вооружением, снаряжением, обмундированием и продовольствием.

За движение корпуса в район Либавы – Митавы ротмистр фон Розенберг выставлял следующие соображения: 1) согласие латышского правительства пропустить части корпуса через свою территорию и оказать им при этом посильную помощь; 2) согласие местного латышского самоуправления в Курляндии предоставить корпусу помещение и продовольствие без всяких предварительных договоров; 3) согласие на такой переход корпуса со стороны германского командования в Либаве; 4) заявление английского адмирала Синклера о том, что Либава является главной базой английского флота и что она будет защищаться от советских войск англичанами; 5) наличие многочисленных путей для отступления и свобода маневрирования; 6) возможность отступления в Литву; 7) широкие перспективы на дипломатическом и политическом поприщах; 8) неограниченность численности корпуса и т. д.

На основании всего этого начальник штаба корпуса фон Розенберг предлагал командующему корпусом фон Нефу порвать договор с эстонским правительством ссылкой на неисполнение Эстонией пункта договора о снабжении корпуса всем необходимым. В виде компенсации за уже оказанную корпусу помощь ротмистр фон Розенберг предлагал официально передать Эстонии те три вооруженных парохода Чудской озерной флотилии, которые были уведены в свое время начальником флотилии капитаном 2 ранга Д. Д. Нелидовым и которые к 18 декабря находились в г. Юрьеве⁷³.

⁷² Авалов П. Там же. С. 108. Взятое в прямые скобки, как здесь, так и на протяжении всей книги, принадлежит нам.

⁷³ Авалов П. В борьбе с большевизмом. С. 109, 110.

Однако переброске Псковского корпуса в район Митавы и Либавы воспротивилась большая часть контрреволюционного офицерства, и 24 декабря стало известно, что приказом по корпусу еще от 10 декабря лидер оппозиции, начальник штаба корпуса ротмистр фон Розенберг, назначался для поручений при штабе с одновременным приказом о немедленном отбытии в Гельсингфорс для связи с финским генералом Карлом Маннергеймом. Начальником штаба корпуса был назначен полковник фон Вааль.

Положение Псковского добровольческого корпуса к тому времени, примерно в 20-х числах декабря 1918 г., было таково, что некоторые его части из района г. Верро передвинулись в район г. Валка. Разбившись на три группы, Псковский корпус располагался в следующем порядке: первая группа в составе отряда Булак-Балаховича, отряда внешней охраны г. Пскова, батальона Талабских островов и Волынского стрелкового добровольческого полка, под общим командованием подполковника Ветренко, находилась в районе города Верро и выполняла задачу арьергарда; вторая группа в составе 1-го Псковского, 2-го Островского и 3-го Режицкого стрелковых добровольческих полков, батарей артиллерии и партизанского отряда полковника Бибикова, под общим командованием последнего, представляла из себя главные силы корпуса и, перейдя в район г. Валка, расположилась в мест. Ермес; третья группа в составе партизанского отряда полковника Афанасьева по-прежнему продолжала свое отступление на Крейцбург – Ригу⁷⁴.

В последующие дни частям корпуса был дан приказ принять участие совместно с эстонскими войсками в борьбе за город Юрьев, который был взят Красной армией. Главные силы корпуса вынуждены были также вести упорную борьбу с советскими войсками в районе мест. Руен. Таким образом, около 25 декабря 1918 г. совершился фактический переход Псковского корпуса Северной армии на службу к Эстонии, который обуславливался заключенным 6 декабря между полковником Г.Г. фон Нефом и представителем эстонского правительства договором⁷⁵.

Буржуазная Эстония, нуждавшаяся в своей собственной вооруженной силе, была реально заинтересована в приобретении даже незначительной по количеству, но достаточно спаянной общностью ближайших, по крайней мере, интересов – боевой единицы. Подобное желание Эстонии быстро могло быть реализовано, так как Псковский белогвардейский корпус, пользуясь неправильным выбором советским командованием направления главного удара Красной армии после занятия ею г. Пскова, смог сохранить себя в качестве более или менее боеспособного армейского организма.

Таким образом, под ударами Красной армии в ходе ее наступления на Ригу силы русского добровольческого корпуса разбились на две части, одна из которых, основная, отступала на эстонскую территорию, на г. Юрьев, другая же, в составе остальных деморализованных частей добровольческого корпуса, взяла направление на Ригу, Митаву, Либаву.

Рассчитывая на поддержку «всесильной» Антанты, представители белогвардейского корпуса, отошедшего на территорию Эстонии, не задумывались ни над чем и с привыч-

⁷⁴ Авалов П. Указ. соч. С. 100.

⁷⁵ Н. Какурин во 2-м томе своего труда «Как сражалась революция», на стр. 102, переход Псковского корпуса на эстонскую территорию обуславливает исключительно стратегическими соображениями, вследствие того что «красные части оказались ближе на прямых путях к Риге, чем отходившие части белой Северной армии». То же пишет и К. Янэль в статье «От Пскова до Виндавы и обратно (1918–1919 г.)», помещенной в журнале «Война и революция», книга 2-я, февраль 1928 г., стр. 78. В связи с этим необходимо еще раз оговорить, что Псковский добровольческий корпус Северной армии за время с 26 ноября по 20-е числа декабря 1918 г. имел полную возможность отступать не только на территорию Эстонии, но и на территорию Латвии. Причины выжидательного поведения руководителей корпуса кроются отнюдь не в том, что путь отступления на Ригу, Митаву и Либаву был отрезан, а в их политической игре, закончившейся 6 декабря формальным соглашением с эстонским правительством о переходе корпуса на службу к Эстонии. Надежда на получение помощи от Антанты заставила большую часть корпуса переменить свою германофильскую ориентацию и принять вытекающие отсюда практические шаги, которые только после 20 декабря 1918 г. явились к тому же и единственно возможными вследствие успешного продвижения советских войск на Ригу и занятия ими Зегевольда и Хинценберга.

ной легкостью наемных убийц переметнулись на сторону стран – победительниц в мировой войне. Командовавший Северным корпусом полковник Г.Г. фон Неф отклонил все предложения части русского офицерства, ориентировавшегося на немцев (в частности, и организатора корпуса ротмистра фон Розенберга), о немедленной отправке корпуса в район Митавы – Либавы и сам вел переговоры как с представителями эстонского, так и английского правительств.

В этом далеко не случайном раздвоении добровольческого Псковского корпуса белых сказалось расхождение в ориентациях двух групп русского офицерства. Части, отошедшие в Эстонию, придерживались антантовской ориентации и послужили в дальнейшем основой для развертывания Северо-западной армии, имевшей объектом своих действий г. Петроград. Отряды русских белогвардейцев, отступившие совместно с немецкой армией на территорию Латвии, придерживались германской ориентации, в силу которой действия их в дальнейшем ходе событий имели своей целью ликвидацию прибалтийских лимитрофов и включение Прибалтики в сферу влияний германского империализма.

С переходом Псковского добровольческого корпуса на службу к Эстонии окончательно закончился период совместной деятельности русских белогвардейцев из корпуса с германским командованием. Вскоре Псковский добровольческий корпус Северной армии был переименован в Северный корпус, и к командованию таковым эстонский главнокомандующий генерал И. Я. Лайдонер пытался привлечь находившегося в Финляндии русского генерала Е. А. Арсеньева, а временно командующим корпусом назначил полковника К. К. Дзерожинского. Последний, вследствие обнаружившихся вскоре серьезных разногласий в политических взглядах между генералом Арсеньевым и эстонским правительством, вплоть до конца мая 1919 г. находился на посту фактического командующего Северным корпусом и должен был проводить в жизнь все директивы эстонского главнокомандующего.

Общая стратегическая обстановка на Западном фронте в начале 1919 г. принимала такой характер, на который с каждым днем влияла успешность дальнейшего наступления Красной армии. Сложный переплет империалистических противоречий в Прибалтике, усугубляемый еще национально-шовинистическими моментами, в своих конкретных проявлениях выразившийся в наличии на территории Прибалтики вооруженных сил с различными устремлениями, не способствовал расширению сферы влияния Октябрьской революции.

С другой стороны, активные задачи, поставленные главнокомандующим всеми вооруженными силами Советской республики Северному и Западному фронтам, не были подкреплены соответствующей по силе группировкой советских войск. Одновременное преследование двух серьезных задач по овладению г. Ревелем и Ригой с вытекающим отсюда направлением удара двух групп 7-й армии не увенчалось предполагаемым успехом. Северная группа 7-й армии – 6-я стрелковая дивизия, имевшая успех в начале своего наступления и достигнувшая рубежа реки Яггваль, выдохлась в своем наступательном марше и, не имея подкреплений, вынуждена была начать отступление. Эстонские войска, перешедшие 6 января 1919 г. в наступление в направлении жел. – дор. станции Тапс – г. Нарва и поддержанные рядом удачных десантных операций белоэстонцев и белофиннов с моря, к 19 января отбросили Северную группу 7-й армии за р. Нарову.

Южная группа 7-й армии – 2-я Новгородская дивизия, овладевшая в декабре 1918 г. районом г. Валка, Н. Руена и Юрьева, несмотря на усиление ее частями 10-й стрелковой дивизии, встретив сопротивление противника, также вынуждена была отступать. Эстонские войска, перешедшие 18 января 1919 г. в наступление и на южных направлениях – на Валк, Верро и Печоры – Псков и, не встречая сильного сопротивления, занявшие 31 января г. Валк и 1 февраля г. Верро, заставили Южную группу 7-й армии отступать вплоть до линии реки Пимжа.

Эти успехи противника не могли не сказаться в свою очередь на положении Красной латышской армии, которая была образована из латышских частей Красной армии и которая после захвата 5 января 1919 г. власти в г. Риге революционным пролетариатом в половине января вышла на фронт г. Туккум, Митава, Батек, Паневеж, а к началу марта 1919 г. продвинулась еще дальше по линии г. Виндава, Гольдинген, Шруден, Тельши.

Потеря важной для Красной латышской армии исправной жел. – дор. линии Рига – Валк – Псков (жел. – дор. путь Двинск – Рига не был к тому времени исправлен) ставила фланг и тыл ее под угрозу нападения белоэстонцев и требовала рассредоточения сил и раздвоения внимания. Красная латышская армия вынуждена была бороться на два фронта – против белолатышей и против белоэстонцев, вследствие чего эстонский участок фронта армии был растянут тонким кордоном на 180 километров от г. Мариенбурга до г. Вольмара.

Однако стратегические последствия неудачи Северной и Южной групп 7-й армии на эстонской территории не сказались сразу на общем положении красного фронта в Латвии; непосредственным результатом этих неудач было только то, что Красная латышская армия должна была принять своевременно меры для обеспечения себя со стороны Эстонии. Такое положение Красной латышской армии значительно усугублялось переходом в марте 1919 г. белолатышских и германских войск в наступление, в результате которого противник захватил г. Тукнул, затем 18 марта г. Митаву и вскоре после этого – г. Бауск и Паневеж.

Таковы были результаты начавшегося в конце 1918 г. общего наступления Красной армии на Прибалтийском театре.

Одновременно с этими событиями русские белогвардейцы, отступившие на территорию Эстонии и подчинившиеся эстонскому главнокомандующему, принимали участие совместно с эстонскими войсками в борьбе с Красной армией. Самостоятельные же действия русских белогвардейцев, всегда получавшие санкцию эстонского командования, носили характер мелких, но чувствительных уколов, наносимых советским частям. Партизанские набеги на советскую территорию тщательно подготавливались и проводились, в общем, с успехом, внося замешательство в красноармейские части и нервируя их командный состав. Таким действиям русских белогвардейцев способствовало расположение их сил на территории Эстонии.

В январе 1919 г. Северный корпус был разбит на две части, одна из которых находилась на нарвском направлении, другая – на псковском. На первом, нарвском направлении действовали партизанский отряд поручика Данилова и конный отряд полковника Бибикова, а затем туда прибыл еще один отряд под командой подполковника Бадендыка; на втором, псковском направлении были партизанский отряд подполковника Булак-Балаховича, который действовал на побережье Чудского озера, в районе между деревней Мехикорм и островом Перрисар, и Талабский отряд, расположенный на этом острове.

В конце января 1919 г. в Северный корпус прибыл на службу генерал А. П. Родзянко⁷⁶, который в конце февраля получил в командование южную группу Северного корпуса. Получив это назначение, Родзянко явился в г. Юрьев, к начальнику 2-й эстонской дивизии полковнику Пускару, а также к финскому генералу, которому были подчинены в оперативном

⁷⁶ В старой армии А. П. Родзянко был в чине полковника; во время германской оккупации жил в своем большом имении в районе Риги. Узнав о том, что в Пскове формируется Северная армия, полковник Родзянко прибыл к командующему Псковским добровольческим корпусом генералу А. Е. Вандаму с целью непосредственно ознакомиться с ходом формирования и требовал производства его в генерал-майоры и назначения на видную должность. Договориться Родзянко с Вандом не удалось, и он уехал из Пскова. Когда же в командование корпусом вступил полковник Г.Г. фон Неф, Родзянко вновь прибыл в Псков и в беседе с фон Нефом получил согласие последнего на производство его, Родзянко, в генерал-майоры. Однако приказа по корпусу о таком производстве не последовало, но, несмотря на это, Родзянко считал себя генерал-майором и вскоре выехал в Ригу для вступления в командование имевшимися там стрелковыми батальонами (русский, латышский и прибалтийский). В Риге Родзянко находился до начала 1919 г., а затем в конце января 1919 г. из Либавы приехал в Ревель для службы в рядах Северного корпуса.

отношении все части, действовавшие на южном эстонском фронте. Переговорив с эстонским и финским командованием о положении фронта и о группе Северного корпуса, Родзянко фактически вступил в командование этой группой и организовал оперативный штаб группы в деревне Разин. Первыми шагами генерала Родзянко была всемерная активизация частей группы. Вскоре был разработан план набега на красноармейские части, в котором должны были принять участие отряд Булак-Балаховича и недавно прибывший отряд полковника Ветренко (навербованный в лагерях Эстонии из военнопленных красноармейцев), при поддержке батареи капитана Смирнова. Согласно разработанному плану набега, отряд полковника Ветренко из дер. Мехикорм должен был занять ряд деревень по другую сторону пролива, между Чудским и Псковским озерами, отряд подполковника Булак-Балаховича должен был с острова Перрисар зайти в тыл красных, выслав заслон для обеспечения левого фланга отряда Ветренко. Но операция успеха не имела вследствие невыполнения приказа со стороны Булак-Балаховича. Отряд полковника Ветренко переправился на восточный берег пролива и имел в начале некоторый успех, но затем под сильным давлением красноармейских частей вынужден был начать поспешное отступление, потеряв убитыми и ранеными около 50 человек.

После неудачи этого набега Родзянко произвел реорганизацию своей группы, упразднив штаб подполковника Булак-Балаховича и переименовав Талабский отряд в Талабский полк, отряд полковника Ветренко – в 53-й Волынский полк (вследствие того что ядром его были остатки 53-го пехотного Волынского полка, прибывшего с подполковником Ветренко из Киева в Псков в ноябре 1918 г.), конный отряд в конный полк имени Булак-Балаховича и батарею капитана Смирнова – в конную батарею⁷⁷. Все эти части составили 2-ю бригаду Северного корпуса, командиром которой был генерал-майор Родзянко, а начальником штаба – поручик Видякин. Части этой бригады в марте 1919 г. располагались вдоль Чудского озера, правый фланг бригады соприкасался с эстонскими войсками у дер. Раппин, левый фланг занимал остров Перрисар. Бригада несла разведывательную службу, крепко держала остров Перрисар, откуда белогвардейцы имели возможность производить набеги на советскую сторону, а затем, в связи с положением на эстонском участке фронта, принимала активное участие в боях с частями Красной армии.

Русские белогвардейские части, расположенные в нарвском направлении, составили 1-ю бригаду Северного корпуса, которая к концу апреля 1919 г. имела Островский и Ревельский полки, партизанский отряд поручика Данилова, конный отряд полковника Бибикона и офицерскую роту под командой подполковника Алексеева. Части бригады в апреле 1919 г., переправившись на восточный берег р. Наровы, овладели районом селений Усть-Жердянка, Криюши, Омут, Кондуши, Б. Переволока и Скамья⁷⁸.

Общее командование 1-й бригадой принадлежало полковнику Георгу, который все свои действия согласовывал со штабом 1-й Эстонской дивизии.

Северная, нарвская, группа корпуса также проявляла боевую активность.

Так, 7 февраля партизанской сотней 2-го Островского полка Северного корпуса белых был предпринят набег на хутора Старая Русса, Крабасконда, Лавиконда, Новгород и Кукк. Для содействия русским белогвардейцам была привлечена также эстонская рота, которая получила задание выбить красных из имения Темницы, но в силу каких-то невыясненных причин задачи этой не выполнила. В общем, этот набег был успешным для русских белых, и они стали производить их чаще.

⁷⁷ Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-западной армии. Берлин, 1921. С. 17–22.

⁷⁸ Родзянко А. П. Указ. соч. С. 33. В своей книге Родзянко вообще не приводит точных дат состояния частей корпуса, и это несколько затрудняет последовательное изложение событий из жизни и боевой деятельности Северного корпуса.

10 февраля 1919 г. был выработан план набега на деревню Поля, но успеха этот план не имел по причине подхода к району предполагаемых действий красного бронепоезда. Участвовавшие в набеге 300 сабель эстонского конного полка и 75 штыков при 2 пулеметах «Максим» из партизанской белогвардейской сотни были встречены артиллерийским огнем красных и вынуждены были отказаться от намеченного плана и отступить.

Желая все же нанести ущерб советским частям, русские белогвардейцы принимали ряд мер для обеспечения успеха своих действий. Первый вопрос, который мог возникнуть, был вопрос о пополнении своих рядов, о мобилизации. С этой целью командующий партизанской сотней 2-го Островского полка поручик Данилов на свой риск и страх объявил мобилизацию в принаровских русских деревнях: Криуши, Пустой конец, Долгияново, Усть-Жердянка, Большая Жердянка и Косари. Приказ был составлен весьма просто: «Всем русским людям указанных деревень от 19 до 40 лет явиться к командиру Данилову, в деревню Черную». Когда крестьяне собрались в деревне Черной и на предложение белогвардейца поручика Данилова ответили отказом, тогда последний решил издать более обстоятельный и обоснованный приказ:

«На основании приказа главнокомандующего эстонской армией и входящих в нее русских частей приказываю всем русским гражданам занятых белыми войсками деревень явиться в деревню Черную, в штаб командира русской части Данилова, в военно-призывную комиссию, для призыва в ряды русской армии. За неисполнение сего виновные караются по законам военного времени эстонской армии»⁷⁹.

Ссылка на приказ эстонского главнокомандующего генерала И. Я. Лайдонера была сделана исключительно для того, чтобы не было неповиновения и уклоняющихся от мобилизации. Возражений и протестов по поводу злоупотребления именем Эстонии со стороны представителей ближайшего к фронту эстонского командования не было формально потому, что там не знали, относится ли изданный приказ генерала Лайдонера к русским областям, а фактически – потому, что и русских, и эстонских белогвардейцев объединяло пока единственное желание подальше оттеснить части Красной армии.

Несмотря все же на второй строгий приказ, мобилизовать белым удалось только 40 человек, которые сразу же стали проходить курс военного обучения.

С первых чисел марта опять начинаются отдельные налеты русских белогвардейцев. 7 марта отряд силою в 140 чел. при 11 офицерах с согласия командира батальона 4-го эстонского полка переправился через реку Нарову, у впадения в нее реки Черной, и взял направление на имение Темницы. Захватив по дороге красноармейцев-телефонистов, выехавших для исправления линии, белые узнали о расположении советских частей, их вооружении и пропуск. Неожиданным для 50-го стрелкового советского полка налетом белогвардейцы сумели занять имение Темницы, захватить 4 орудия, 14 000 патронов, 360 снарядов, 2 пулемета «Максим», 154 винтовки, 55 лошадей, 206 пленных и проч. Из общего числа захваченных пленных при белогвардейском отряде было оставлено 86 чел., 2 политработника были расстреляны, остальных же, не пожелавших служить у белых, отправили в лагерь военнопленных Пяскую⁸⁰.

Другой набег был произведен в ночь с 15 на 16 марта отрядом С. Булак-Балаховича (2-я бригада корпуса) силою около 300 штыков и 100 сабель при пулеметах на базу Чудской озерной флотилии – Раскопель. Воспользовавшись отсутствием должного охранения со стороны отряда флотилии, белые окружили базу Раскопель и подошли вплотную к постройкам базы.

⁷⁹ Л. Ф. Зуров. Даниловы // Белое дело. Берлин: Изд-во «Медный всадник», 1927. Т. 2.

⁸⁰ Л. Ф. Зуров. Указ. соч.

Команда базы, насчитывавшая около 30 человек и имевшая к тому же значительный процент больных, не имела возможности сопротивляться, так как доступ к пароходам и пулеметам был отрезан. В результате набега белыми было захвачено 9 чел. пленных, 4 пулемета, 2 замка от 75-мм орудий, 3 автомобиля, 63 000 рублей казенных сумм и проч. Была разрушена радиостанция, некоторые ее части были увезены. Пароходы и мастерские были оставлены в исправности, за исключением механического отделения, откуда были увезены приводные ремни и часть инструментов. Все захваченное имущество было погружено на 100 подводах, $\frac{3}{4}$ из которых были собраны в окрестных деревнях⁸¹.

В связи с частыми набегами русских белогвардейцев на советскую сторону уездный комитет Гдовской организации РКП (б) 25 марта 1919 г. обратился со специальным письмом в Северный областной комитет РКП (б), в котором указывалось на недостаточное внимание центра к Гдовскому уезду.

Товарищи писали, что критическое положение уезда заставило партийную организацию принять самые решительные меры по обороне района от набегов балаховцев, но реальных результатов эти мероприятия не давали, так как незначительная группа партийцев в 50 чел. не в силах была держать фронт протяжением до 60 километров. Кроме этого, работа в самом Гдове проходила в условиях полной неосведомленности о том, что делается на фронте; начальники боевых участков не ставили своевременно в известность Гдовский уездный военный комиссариат обо всем происходившем на их участках. Прекратилась также передача оперативных сводок.

Красноармейские части, расположенные в уезде, не являлись вполне надежной силой, только на часть их могла опереться местная партийная организация. В письме отмечалось, что, пользуясь трудным положением уезда и открытым фронтом, белогвардейские агенты спокойно разъезжали по уезду, вели свою контрреволюционную работу, взрывали мосты и т. п. Так, например, был взорван железнодорожный мост у ст. Замогиле по жел. – дор. линии Псков – Нарва, после чего балаховцы произвели свой набег на базу Чудской озерной флотилии – Раскопель. Захваченное и испорченное белогвардейцами имущество на базе Раскопель расценивалось в миллионах рублей. Имея сведения о том, что этот набег прошел не без участия военного комиссара Раскопельской базы, Гдовская организация все же не решилась арестовать его. «Комиссар базы продает, а кто виноват в том, что комиссар базы продает», – так писали товарищи в своем письме на имя СОК РКП (б).

В своем заключении Гдовский партийный комитет просил «глубже вдуматься в положение вещей и обратить должное внимание на г. Гдов». Однако со своей стороны руководители Гдовской партийной организации в порыве отчаяния решили идти по линии наименьшего сопротивления и указывали в письме, что если СОК РКП (б) не примет соответствующих мер, то они сложат с себя ответственность за состояние уезда и в решительный момент оставят его⁸².

Вскоре после этого набега в связи с наступлением советских войск на эстонском участке Родзянко решил оказать содействие эстонцам и, действуя во фланг красноармейских частей, очистить от них западный берег Псковского озера. Эта задача возлагалась на первую колонну бригады под командованием полковника Ветренко. Вторая колонна под командой капитана Смолина должна была переправиться на восточный берег Чудского озера и занять дер. Подборовье. Третья колонна состояла из отряда добровольцев в 300 чел. под командой

⁸¹ Озерные и речные флотилии (Север и Северо-запад) // Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Л.: Ред. – изд. отдел морских сил РККФ, 1926. С. 141, 142; *Люттов А.* Налет Балаховича на базу Раскопель (по материалам следственной комиссии) // Военный вестник. 1928. № 10; *Родзянко А. П.* Воспоминания о Северо-западной армии. С. 23. Родзянко пишет, что он приказал составить подробную опись на всю добычу, захваченную Балаховичем, однако в опись «попала едва ли одна четвертая ее часть», так как остальное разобрали партизаны.

⁸² АЛОИ, связка № 5, папка № 10.

С. Н. Булак-Балаховича и должна была захватить город Гдов. Действия первой и третьей колонн были удачны, так как первая вскоре достигла реки Пимжи и, переправившись через нее, остановилась на расстоянии 18 километров от Пскова; третья колонна Булак-Балаховича, опоздавшая с выступлением на два дня, 5 апреля внезапным набегом овладела г. Гдовом и после кратковременного там пребывания вернулась обратно. Колонна капитана Смолина задачи не выполнила, так как от нее сбежал тот проводник, который должен был провести белогвардейцев к дер. Подборовье⁸³.

О налете Балаховича на г. Гдов и о временном падении Гдова была послана 6 апреля 1919 г. в 9 час. 30 минут в Петроградский губернский комитет РКП (б) следующая телеграмма:

«Гдовский комитет партии сообщает, что 5 апреля утром совершен набег белогвардейских банд на Гдов. Нам пришлось отступить. Резервный полк частью разбежался, частью перешел на сторону белых. Войск в городе не было до 17 часов. Гдов незначительным отрядом коммунистов и красноармейцев был взят обратно. Белые преследуются этим незначительным отрядом. В городе есть убитые и повешенные коммунисты. Весь партийный комитет разграблен, кроме того, разграблено положительно все военное имущество и продовольствие. Все увезено. Казначейство разграблено. Посодействуйте нам. Ждем ваших указаний. Секретарь комитета С. Соколов»⁸⁴.

Эти мартовские успехи белых партизан создавали Северному корпусу боевую репутацию и усилили его захваченными у красных техническими средствами. Эстонская буржуазия получила возможность без особого для себя риска выпустить Северный корпус на советскую территорию. К тому же этому моменту начала самостоятельных боевых действий Северного корпуса всемерно содействовали лидеры русской буржуазии, нашедшие временное для себя убежище в Эстонии и Финляндии. Исходя из характера Гражданской войны, одна часть руководителей белого движения на Северо-Западном фронте считала наиболее целесообразным и отвечающим всей военно-политической ситуации в России немедленное и форсированное движение на Петроград. Бывший впоследствии министром без портфеля северо-западного правительства петроградский присяжный поверенный Н. Н. Иванов так пишет по этому поводу:

«Я требовал молниеносного натиска вплоть до самого Петрограда и занятия Петрограда, полагая, что тот ведет за собой события, кто наступает, что Петроград немедленно вспыхнет широким восстанием, что на силы нам рассчитывать не приходится и что остановка на пути будет катастрофой»⁸⁵.

Относительно общего политического положения в Эстонии к лету 1919 г. тот же Н. Н. Иванов дает следующую, наиболее откровенную характеристику, устанавливавшую необходимость боевой активности Северного корпуса:

«К маю положение Северного корпуса стало таково, что необходимо было предпринять крупную операцию и успехами последней доказать целесообразность существования русских частей на счет Эстонии и боеспособность их. Боеспособность не раз отвергалась эстонским командованием, а эстонская пресса бесконечно трактовала русский корпус

⁸³ Родзянко А. П. Указ. соч. С. 25, 26.

⁸⁴ АЛОИ, связка № 5, папка № 10. В тексте телеграммы сделаны незначительные исправления.

⁸⁵ Записки Н. Н. Иванова // Архив Гражданской войны. С. 40.

как реакционно-баронскую, исключительно противозэстонскую затею – левые газеты редко не призывали к разоружению»⁸⁶.

К этому необходимо еще прибавить, что русские белогвардейцы старались выслужиться и получить доверие не столько перед эстонской буржуазией, сколько перед «могущественной» Антантой, и главным образом Англией. Только наступление на Петроградском фронте должно было привлечь внимание английского империализма к судьбе русского белогвардейского корпуса и тем самым принести первую материальную помощь союзников.

⁸⁶ Записки Н. Н. Иванова // Архив Гражданской войны. С. 40

Глава 4

В апреле 1919 г. на нескольких предварительных совещаниях руководителей Северного корпуса был решен вопрос о переходе частей корпуса в наступление. Инициатива в этом деле исходила от группы офицеров во главе с командиром 2-й бригады корпуса генерал-майором А. П. Родзянко, который всеми доступными ему способами старался стать во главе Северного корпуса. Командовавший корпусом полковник К. К. Дзерожинский не отличался инициативностью и вследствие этого вызвал недовольство в среде своих подчиненных. Русские контрреволюционные организации Ревеля также считали необходимым перемену командующих и развили большую агитационную работу за кандидатуру Родзянко. Эстонский главнокомандующий генерал И. Я. Лайдонер в свою очередь в беседе с Родзянко высказывал желание видеть последнего на посту командующего Северным корпусом. Вся эта подготовительная работа в отношении перемены командующих носила вполне открытый характер и заставила полковника К. К. Дзерожинского дать обещание в личной беседе с Родзянко о передаче ему командования. Однако никакой перемены в командовании корпусом не произошло, и полковник Дзерожинский оставался на своем посту до середины мая 1919 года⁸⁷.

На одном из совещаний группы генерала Родзянко было признано необходимым начать сосредоточение всех частей корпуса в районе г. Нарвы. Это решение было санкционировано эстонским главнокомандующим, и по приказу последнего эстонские войска должны были сменить 2-ю бригаду Северного корпуса, находившуюся в Юрьевском районе.

В конце апреля 1919 г. части 2-й бригады перешли в г. Нарву и временно расположились на Кренгольмской мануфактуре. Штаб корпуса в это время из г. Ревеля переехал в г. Везенберг.

Находившаяся в Нарвском районе 1-я эстонская дивизия расположена была по левому берегу р. Наровы, и только перед г. Нарвой и Хунгербургом части ее выступали вперед на 2–3 километра. Штаб дивизии находился на ст. Вайвара.

1-я бригада Северного корпуса расположилась южнее г. Нарвы, в дер. Усть-Жердянка, Криуши, Омут, Скорятина гора, Б. и М. Загравье. Кондуши, Радовели и Заборовье. В дер. Скамья и Сыронец стоял Балтийский полк со своим конным отрядом.

Вскоре с согласия командира 1-й эстонской дивизии генерала А. И. Тениссона началась переброска частей 2-й бригады в район расположения 1-й бригады Северного корпуса, за исключением одного Талабского полка, который по приказу занял позицию у Хунгербурга. Штаб 2-й бригады переехал в начале мая в дер. Князь-Село.

План летних операций частей Северного корпуса, разработанный генералом Родзянко, полковником Ветренко и начальником штаба 2-й бригады поручиком Видякиным, сводился к следующему: сводный отряд в составе Балтийского полка, Конного эскадрона того же полка, партизанского отряда имени С. Н. Балаховича под командой капитана Григорьева, конного полка имени Балаховича под командой штаб-ротмистра И. Н. Булак-Балаховича

⁸⁷ А. П. Родзянко (племянник председателя 4-й Государственной думы) в книге «Воспоминания о Северо-западной армии», на стр. 31, говорит, что к моменту обещанной полковником Дзерожинским передачи всех дел генералу Родзянко пришло известие из Гельсингфорса о назначении адмиралом Колчаком Юденича главнокомандующим Северо-западным фронтом и что в связи с этим Юденич высказался против перемен в командном составе корпуса. Так как, согласно другим источникам, в том числе и белых, телеграмма адмирала Колчака о назначении генерала Юденича главнокомандующим Северо-западным фронтом была датирована 5 июня и получена в Гельсингфорсе 14 июня 1919 г., те мотивы, на которые сослался полковник К. К. Дзерожинский при отказе передать командование корпусом генералу Родзянко, скрывали, по-видимому, его личные тенденции в борьбе за власть. С другой стороны, вполне возможно, что полковник Дзерожинский имел поддержку от генерала Юденича, который, находясь в Финляндии, принимал в то время все меры к тому, чтобы самому возглавить работу русских белогвардейцев в Эстонии, и в связи с этим давал указания по тем или другим вопросам.

имел задачей занятие г. Гдова; отряд полковника Ветренко (Волынский и Талабский полки, при 2 орудиях), сосредоточившись у дер. Радовели, должен был действовать в направлении дер. Гостицы и занять переправы на р. Плюсса; отряд полковника графа И. К. Палена (Островский полк и отряд полковника Бибикова, при 2 орудиях), сосредоточившись в дер. Кондуши, – действовать на дер. Поля – Гавриловская; отряд полковника Георга (офицерская рота и Ревельский полк) должен был занять ст. Низы. При удачных результатах наступления начальник 1-й эстонской дивизии генерал Тениссон обещал перебросить в г. Нарву из района Хунгербурга батальон Талабского полка.

Накануне общего наступления один партизанский отряд под командованием поручика Данилова, переодевшись в красноармейскую форму, должен был переправиться через реку Плюсс, выйти незаметно в тыл красных частей и там занять узлы дорог.

Дальнейшие действия частей корпуса зависели от их первоначального успеха, но все же в плане было отмечено, что части должны развивать свое наступление к югу от г. Гдова и, оставив заслон по направлению к г. Луге, двинуться на жел. – дор. ст. Веймарн – дер. Килли. При таком движении к линии железной дороги Ямбург – Гатчина части белых выходили в тыл Ямбургской группе советских войск. При последующих обсуждениях этого плана было решено, что в случае успеха на р. Плюссе три левые группы корпуса соединятся под общим командованием полковника графа И. К. Палена и ведут форсированное наступление в тыл Ямбурга, имея задачей захватить жел. – дор. ст. Веймарн, отрезать красноармейские части от форта Красная горка и перерезать Петроградское шоссе у дер. Малли.

Этот общий план наступления был одобрен командующим корпусом полковником К. К. Дзержинским и эстонским главнокомандующим генералом И. Я. Лайдонером.

10 мая стало известно, что со стороны эстонского командования будет предпринята операция по высадке десанта численностью до 400 штыков у пристани Пейпия (Копорский залив) для нанесения вспомогательного удара на дер. Котлы. Английская эскадра и эстонские военные суда должны были обеспечить с моря высадку этого десанта.

Переход в общее наступление был назначен на 4 часа 13 мая 1919 г. Отряд поручика Данилова должен был начать выполнение поставленной ему задачи 12 мая вечером. Кроме этого, каждая из групп корпуса по распоряжению своих начальников должна была выслать партии разведчиков для действий в тылу красноармейских частей и порчи в нескольких местах жел. – дор. полотна, преследуя цель захвата трех бронированных советских поездов, курсировавших по линии г. Гдов – ст. Низы.

Последние указания для частей корпуса накануне перехода их в наступление сводились к уточнению оперативных задач и заключались в следующем: полковник С. Н. Булак-Балахович должен был выслать конный полк в тыл красных для порчи жел. – дор. полотна в районе дер. Пелеши, Подобручье, с остальными частями отряда идти на г. Гдов. После занятия г. Гдова конный полк должен был двигаться вдоль р. Плюсса на дер. Чернево, а остальные силы – занять базу Чудской озерной флотилии Раскопель. Полковнику Ветренко – занять жел. – дор. участок Гостилицы – Пелеши, взорвать полотно железной дороги, захватить красный бронепоезд и двигаться на дер. Б. и М. Руя, Выскатку и Кураплешево, одновременно выставив заслон от озера Долгое до реки Плюсса. Графу Палену – занять жел. – дор. участок дер. Поля – Гостицы и двигаться на дер. Попкову Гору и Кураплешево. Полковнику Георгу – занять ст. Низы и дер. Поля, дер. Монастырей и Тихвинку. Резерв корпуса должен был сосредоточиться в районе дер. Гостицы – ст. Низы⁸⁸.

Общий замысел всей летней операции, по словам генерала Родзянко, исходил из необходимости расширить плацдарм для более широких белых формирований и выйти из положения зависимости от Эстонии. Одновременно с выработкой оперативного плана под-

⁸⁸ Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-западной армии. С. 30–38.

нимался основной вопрос о цели самого наступления и в связи с этим об основном операционном направлении. Генерал Родзянко не считал целесообразным вести наступление по кратчайшему направлению на Петроград. Действия же в Псковском районе с дальнейшим направлением на Новгород – Чудово – Ладожское озеро, по мнению генерала Родзянко, имели больше шансов на успех вследствие того, что «население Псковской и Новгородской губерний, по имевшимся сведениям, питало к нам больше симпатии и, наверное, принесло бы армии больше пользы, чем рабочие и потерявшие человеческий облик интеллигенты Петрограда»⁸⁹.

Эту точку зрения разделял формально и эстонский главнокомандующий генерал Лайдонер, который подходил к вопросу занятия Петрограда как к вопросу политическому⁹⁰. Однако формальные соображения не всегда соответствуют действительному ходу мыслей. Следуя тенденциям молодой эстонской буржуазной государственности, преследовавшей свои собственные на советской территории цели, генерал Лайдонер, санкционировав переброску 2-й бригады Северного корпуса в район г. Нарвы, включил псковское направление в сферу действий эстонских войск.

К моменту перехода в наступление Северного корпуса части 7-й советской армии располагались по фронту от Онежского до Чудского озер, общим протяжением около 600 км. Этот общий фронт 7-й армии был разделен на три участка: Междоузерный (между Онежским и Ладожским озерами), Карельский (перешейки между Ладожским озером и Финским заливом) и Нарвский (от Финского залива до г. Гдова).

Южнее г. Гдова и до озера Мурати располагалась Красная эстонская армия, которая с конца апреля 1919 г. должна была перейти в наступление в направлении на г. Верро, в обход Псковского и Чудского озер с дальнейшей задачей двигаться совместно с левым флангом 7-й армии на г. Ревель⁹¹.

Командование 7-й армии из трех своих боевых участков наибольшее внимание уделяло Междоузерному, где велась борьба за г. Олонец, и Карельскому участкам. Гипноз ожидавшегося наступления со стороны Финляндии настолько овладел командованием 7-й армии, что последнее в своих оперативных расчетах при очередных перегруппировках недооценивало силы Северного корпуса.

На Нарвском боевом участке фронта 7-й армии располагалась одна 6-я стрелковая дивизия (начальник дивизии – Фрейман), состав которой был чрезвычайно разношерстный, что затрудняло нормальное руководство этими частями. Фронт дивизии был разделен на свои три боевых участка и тянулся по левому берегу р. Луги, от с. Илькино на с. Фитинка, Коростель, Федоровка, Кейкино, мыза Лом (правый боевой участок – 2-я бригада 19-й стрелковой дивизии без 167-го стрелкового полка, под начальством командира бригады Александрова); от мз. Лом до с. Карлово (средний боевой участок – 4-й эстонский и 51-й стрелковые полки под общей командой командира 1-й бригады 6-й стрелковой дивизии Ярчевского); дальше – фронт 6-й дивизии шел по левому берегу р. Плюсса, вдоль железнодорожного полотна от с. Низы на ст. Гостицы и далее до стыка с Чудским участком Красной эстонской армии (левый боевой участок – 167-й (без одного батальона) и 53-й стрелковые полки, партизанский отряд Евсеева и одна батарея, под общим начальством командира 3-й бригады

⁸⁹ Там же. Подобное умозаключение генерал Родзянко делает в конце своей книги и относит его в равной степени как к первому, так и ко второму наступлению белогвардейцев на Петроград. Стараясь найти глубокие причины поражения контрреволюции под Петроградом, Родзянко не понимает того, что наступление русских белогвардейцев и летом, и осенью 1919 г. в направлении Псков – Новгород отнюдь не спасло бы ее от бесславной гибели. Наступление на Петроград было игрой ва-банк и принимало вполне «нормальный» характер быстрого и внезапного набега русских белогвардейцев по кратчайшему направлению.

⁹⁰ Родзянко А. П. Указ. соч. С. 31.

⁹¹ Надежный Д. На подступах к Петрограду. М. – Л.: Госиздат, 1928. С. 12.

19-й стрелковой дивизии бывш. генерала А. П. Николаева; штаб участка – с. Попкова Гора). Резерв дивизии находился в районе г. Ямбурга.

Артиллерия (большая часть легкой и вся тяжелая) была сосредоточена преимущественно на среднем, более ответственном боевом участке⁹².

Соотношение сил двух сторон было не в пользу 6-й дивизии. На протяжении всего своего фронта в 100 км 6-я дивизия располагала 2700 штыками при 12 легких и 6 тяжелых орудиях⁹³.

Силы Северного корпуса, его главной группы, состоявшей из трех колонн, насчитывали около 2500 штыков при 6 орудиях и 30 пулеметах⁹⁴. Общая боевая численность (включая и группу полковника С. Н. Булак-Балаховича, гдовского направления) всех частей корпуса, сосредоточенного на фронте в 35 км, едва ли значительно превышала 3000 штыков и сабель при 8–10 орудиях. Всего едоков в корпусе числилось 5500 чел., в том числе 400 чел. при всяких штабных учреждениях⁹⁵. Таким образом, только один средний подсчет плотности фронта двух сторон дает больше чем тройной перевес противнику. На 1 км фронта 6-я стрелковая дивизия имела 27 чел., Северный корпус – 100 чел. В действительности при неравномерном распределении сил по фронту 6-й стрелковой дивизии численное превосходство противника было еще более значительно в отношении частей левого боевого красного участка.

Такое соотношение сил и их расположение всецело способствовали успешным операциям частей Северного корпуса. На боевом участке 6-й стрелковой дивизии, против которого была сосредоточена основная группа Северного корпуса, красноармейские части несли сторожевое охранение в виде отдельных застав. Единственная батарея участка находилась у с. Гавриловское. Никаких укреплений левый участок не имел, отсутствовали таковые и в тылу. Следовательно, после прорыва красного фронта белые имели возможность развивать свое дальнейшее наступление в глубокий тыл среднего боевого участка 6-й стрелковой дивизии. До перехода в общее наступление белых на фронте 6-й стрелковой дивизии, на ее правом и среднем участках, были поиски разведчиков и отдельные боевые столкновения за обладание некоторыми селениями. Только на левом боевом участке в начале мая установилось некоторое затишье, которое усыпило бдительность расположенных на нем частей.

Противник свой удар и направил на этот участок советского фронта.

Согласно оперативному плану наступления Северного корпуса, партизанский отряд поручика Данилова, численностью в 260 штыков и 6 чел. из подрывной команды, сняв свои отличительные знаки, под видом красноармейцев в ночь на 13 мая 1919 г. скрытно подошел по лесистой местности к с. Попкова Гора, занял перекрестки дорог и перерезал все теле-

⁹² Надежный Д. Указ. соч. С. 36.

⁹³ Там же. С. 35. Данные о боевом составе 6-й дивизии приведены по состоянию на 17 апреля 1919 г.

⁹⁴ Родзянко А. П. Указ. соч. С. 37.

⁹⁵ Горн В. Л. Гражданская война на Сев. – Западе России. Берлин: Изд-во Гамаюн, 1928. С. 53. Д. Надежный в своей книге «На подступах к Петрограду», на стр. 34, силы Северного корпуса определяет в 4000 штыков и сабель, исходя из предположения, что отряд Булак-Балаховича имел около 1500 штыков и сабель. Эти его данные едва ли могут соответствовать тогдашней действительности, так как для того, чтобы довести численность партизанского отряда Булак-Балаховича только до 200 чел., понадобилось специальное выделение из полков корпуса по 30 чел. (Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-западной армии. С. 35). В Балтийском и конном полках имени Балаховича помимо этого партизанского отряда могло быть по 200 чел. в среднем, а всего во всем отряде – около 600 штыков и сабель. Чрезвычайно любопытной является степень осведомленности двух сторон о силах своего противника по данным своих разведывательных органов. Так, по разведывательным данным штаба 7-й армии, к 15 мая 1919 г. силы Северного корпуса равнялись: 4700 штыков, 1100 сабель, а силы 1-й эстонской дивизии – 5800 штыков при 16 легких и 14 тяжелых орудиях, 2 бронепоездах и 2 английских танках (Надежный Д. Указ. соч. С. 34). Штаб Северного корпуса, по «самым точным» данным, исчислял силы красноармейских частей, расположенных от моря до Чудского озера, в 15 000 штыков, при 60 орудиях и 500 пулеметах (Родзянко А. П. Указ. соч. С. 37). Подобная информация о красных силах летом 1919 г. является прямым дополнением к таковой же имевшейся в штабе Псковского добровольческого корпуса в конце ноября 1918 г.

фонные провода. В этом селе был расположен штаб левого боевого участка 6-й стрелковой дивизии во главе с начальником участка командиром 2-й бригады 19-й стрелковой дивизии, бывшим генералом А. П. Николаевым. Белогвардейцы неожиданным нападением рассеяли красноармейские части и захватили в плен в с. Большая Руя А. П. Николаева, который утром 13 мая обходил район своего участка⁹⁶. Были захвачены и остальные работники штаба участка, за исключением начальника штаба Силкина, которому удалось скрыться.

Захваченный в плен А. П. Николаев подвергся сразу же целому ряду издевательств, которые не прекратились и тогда, когда к нему подъехал поручик Данилов. Будучи плененным, Николаев проявил исключительное для него, как бывшего генерала и человека в возрасте 59 лет, героизм и глубокую преданность Советской власти. Он категорически отказался служить белому делу и был повешен белогвардейцами на площади в Ямбурге⁹⁷.

Ровно в 3 часа 13 мая перешли в наступление главные силы Северного корпуса. Высланные ими вперед партии разведчиков подорвали в нескольких местах железнодорожное полотно и отрезали путь отступления двум советским бронепоездам, курсировавшим по линии железной дороги Нарва – Гдов, и захватили батарею у с. Гавриловское.

Генерал Родзянко лично руководил операцией. После форсирования всеми частями корпуса р. Плюсса он приказал полковнику Ветренко двигаться форсированным маршем к переправам через р. Лугу у с. Сабек – Лычно и дальше в направлении железнодорожной ст. Веймарн, к востоку от которых он должен был взорвать железнодорожный путь. Полковнику графу И. К. Палену было приказано от Павловской горы двигаться на подводах к с. Муравейно и ст. Веймарн, имея в виду в дальнейшем движение на Килли-Макли, что северовосточнее от Ямбурга. Полковнику Георгу было приказано передать Ревельский полк, который находился в районе с. Монастырей, в отряд полковника графа Палена.

К 15 мая весь район левого боевого участка 6-й стрелковой дивизии между р. Плюсса и р. Луга был захвачен противником.

На правом и среднем участках дивизии положение по-прежнему было устойчивым.

Начальник 6-й стрелковой дивизии 15 мая, после выяснения положения, решил образовать в районе ст. Веймарн группу для обеспечения станции от захвата противника. Аналогичное решение было принято и командующим 7-й армией. Однако время не позволило организовать эту группу, так как противник к вечеру 16 мая овладел ст. Веймарн и разъездом Тикопись и утром 17 мая подошел к с. Керстово.

С 15 мая начались активные действия и на правом участке 6-й стрелковой дивизии, где стали высаживаться с судов, вошедших в р. Лугу, группы противника неопределенной численности (от 150 до 300 чел.). Части этого десанта высадились у с. Остров и повели наступление на с. Б. Куземкино и Получье.

В Кронштадте в это время было получено следующее радио:

«За нами идет эскадра с десантом и продовольствием. На фронтах сдаются без боя. Не губите жизни и народного дела и приготовьтесь к сдаче, друзья России. *Родзянко*»⁹⁸.

Только на одном среднем участке положение дивизии было устойчивым, но и здесь под угрозой обхода противника обстановка быстро менялась.

⁹⁶ Белое дело. Берлин: Изд-во «Медный всадник». Т. 2. С. 190–196.

⁹⁷ Этот героический поступок А. П. Николаева был отмечен председателем РВС Республики только 5 октября 1919 г., причем и такая поздняя информация страдала неточностью, так как гибель Николаева была приписана жестокости С. Н. Булак-Балаховича, который в период летнего наступления не находился в Ямбурге, а наступал на Гдов и Псков. Тело Николаева было перевезено в Петроград и в торжественной обстановке предано земле на Марсовом поле.

⁹⁸ *Надежный Д.* На подступах к Петрограду. С. 44.

После выхода белых к ст. Веймарн 16 мая был дан приказ об отступлении 6-й стрелковой дивизии. Отступление носило беспорядочный характер, части наталкивались на противника, бросали артиллерию и сами рассеивались. Общего руководства отступавшими частями не было, так как штаб дивизии потерял связь с большинством частей и сам переехал на ст. Вруда.

В г. Ямбурге были оставлены из-за невозможности вывезти по железной дороге большие запасы продовольствия и снаряжения. Железнодорожный мост через р. Лугу был неудачно подорван, чем также не замедлил воспользоваться противник.

17 мая на побережье Копорского залива у сс. Пейпия, Систо-Палкино и Долгово был высажен новый десант ингерманландцев, который совместно с Островским полком Северного корпуса действовал в районе сс. Копорье и Систо-Палкино.

Главная группа противника к этому времени оперировала вдоль Балтийской железной дороги. 18 мая части этой группы внезапным налетом овладели ст. Вруда, где захватили красный бронепоезд. Очередные попытки советского командования образовать линию сопротивления противнику успехом не увенчались. Части были предоставлены сами себе и находились в состоянии полной деморализации. Некоторые группы местного населения оказывали к тому же поддержку белым и производили отдельные налеты на красноармейцев⁹⁹.

В этих условиях противник имел возможность развивать свой успех и дальше. 20 мая им была захвачена железнодорожная ст. Волосово, а к вечеру и ст. Кикерино. Штаб среднего боевого участка переехал в г. Гатчину.

К 24 мая стали прибывать на фронт воинские части, отдельные партизанские и коммунистические отряды, кавалерийские отряды, орудия, бронелетучки. Все это дало возможность несколько стабилизировать положение фронта, линия которого к 24 мая проходила от с. Долгово, на сс. Готобужи, Воронино, Анташи (для вновь сформированной сводной Балтийской дивизии; начальник дивизии – А. И. Тарасов-Родионов, штаб дивизии – в г. Ораниенбауме); Анташи, Ожогоино, Горки, Пульево, Донцы – Б. Дивенка (для частей 6-й стрелковой дивизии; начальник дивизии – Окулов – Римский-Корсаков; штаб дивизии – в г. Гатчине).

Разграничительная линия между сводной Балтийской и 6-й стрелковой дивизиями проходила через г. Красное Село, Кипень, с. Бегуницы (все пункты для 6-й дивизии включительно).

Общее руководство этими двумя дивизиями, составившими группу нарвского направления, было возложено на Иванова; границы действий группы проходили по южному берегу Финского залива, за исключением Красногорского укрепленного района, по верхнему течению р. Плюсса, до параллели г. Гдова. Штаб группы был расположен в Гатчине.

Одновременно с этим член РВС 7-й армии В. С. Шатов был назначен начальником тыла Нарвского участка в границах от побережья Финского залива до р. Плюсса (на юго-западе) и до железной дороги Петроград – ст. Батецкая (на востоке). Обязанностью начальника тыла являлась борьба с дезертирством и формирование красноармейских частей из различных отрядов.

Между группой нарвского направления и Лужским участком, входившим в район действий Красной эстонской армии, разграничительная линия проходила от жел. – дор. ст. Мшинская до озера Самро.

Впоследствии произошли изменения в системе управления на всем фронте 7-й армии. Сводная Балтийская дивизия была расформирована, и части ее влились в 6-ю стрелковую дивизию. Эстонская Красная армия была переименована в Псковскую группу, которая с Лужским участком перешла в подчинение Южной группе 7-й армии. Командующим этой

⁹⁹ Надежный Д. Указ. соч. С. 50.

Южной группой 3 июня 1919 г. был назначен начальник штаба Красной эстонской армии А. И. Корк.

Нарвский и Карельский участки 7-й армии составили Северную группу под командованием Блюмберга.

Таким образом, главные силы Северного корпуса, начав наступление 13 мая, к началу июня 1919 г. заняли обширную территорию по кратчайшему направлению на Петроград.

Такие же успехи имел отряд С. Н. Булак-Балаховича, который из района с. Скамья двинулся на Гдов. Слабые по численности и не вполне боеспособные красноармейские части не могли оказывать сопротивление противнику и отступили. 15 мая Булак-Балахович взял г. Гдов.

Командующий Красной эстонской армией в связи с падением Гдова и нависшей угрозой для Чудской озерной флотилии дал приказ последней эвакуировать свою базу Раскопель и перейти в Псковское озеро. При эвакуации база и пороховой погреб были взорваны, часть снарядов была затоплена, некоторая часть имущества и вооружения была вывезена на подводах. Личный состав базы в количестве 67 человек с начальником базы Афанасьевым выступил утром 20 мая походным порядком на дер. Голодуша. Ушедшие же в Псков два парохода флотилии, «Ольга» и «Ермак», под начальством комиссара базы Морозова дошли до дер. Островец и, обстреляв артиллерийским огнем дер. Островец и Подборовье, повернули назад и направились к реке Кунест, где передались Булак-Балаховичу. На «Ольге» ушло 20 военных моряков, на «Ермаке» – 5. Изменники захватили с собой 19 000 руб. казенных денег¹⁰⁰.

Отряд Булак-Балаховича вскоре вышел к реке Желча, на которой все мосты были взорваны находившимися по другой стороне ее красноармейскими частями. Из отряда Булак-Балаховича Балтийский полк был переброшен на усиление группы полковника графа Палена. На этом рубеже установилось временное равновесие двух сторон, которое было нарушено только с переходом в наступление на г. Псков 2-й эстонской дивизии.

К этому времени относится формальное вступление генерала Родзянко в должность командующего Северным корпусом. Осуществляя фактическое руководство наступлением корпуса, генерал Родзянко, воспользовавшись временным отъездом полковника Дзерожинского в Ревель, отдал приказ о своем вступлении в должность командующего корпусом. После же возвращения из Ревеля полковника Дзерожинского Родзянко предложил ему пост командира частей среднего боевого участка на правах командира бригады. Дзерожинский предложение принял и получил впоследствии от Родзянко чин генерал-майора.

Все силы Северного корпуса к 24 мая 1919 г. имели три боевых участка: 1) северный, от Финского залива до с. Сабека, под командованием полковника графа И. К. Палена; 2) средний, от с. Сабека до р. Плюссы, под командованием полковника К. К. Дзерожинского и 3) южный, Гдовский, от р. Плюссы по р. Желче, под командой полковника С. Н. Булак-Балаховича¹⁰¹.

Новый командующий корпусом генерал-майор Родзянко развил усиленную деятельность в целях закрепления достигнутых майским наступлением результатов. Начальником тыла он назначил произведенного им в генералы К. А. Крузенштерна, которому были подчинены вновь назначенные начальники – снабжения, военных сообщений и управляющий гражданской частью.

Одновременно с этой работой Родзянко пытался найти помощь извне для укрепления белого фронта.

¹⁰⁰ Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. РИО морских сил РККФ. 1926. Т. 2, часть 2. С. 147.

¹⁰¹ Родзянко А. П. Указ. соч. С. 47.

Буржуазия Эстонии и Финляндии, разумеется, преследовала свои цели в борьбе с Советской республикой. Успехи русских белогвардейцев вывели из состояния относительной пассивности эти внутренние силы буржуазной Эстонии и Финляндии и заставили их в свою очередь поторопиться с реализацией своих скрытых планов. В этом они имели поддержку и заверение от Антанты, которая устами французского министра иностранных дел Абрами заявила, что она «окажет деятельную помощь против большевизма окраинным национальностям путем доставки им оружия, денег, обмундирования, экипировки и продовольствия»¹⁰².

Несмотря на довольно сильную оппозицию, представители торгово-промышленной буржуазии Финляндии и Эстонии решили принять прямое участие в борьбе с Советской республикой.

Еще в двадцатых числах апреля 1919 г. из Финляндии, со стороны Сердоболя, была выброшена так называемая Олонецкая добровольческая армия силою около 2000 чел. под командованием известного впоследствии руководителя террористических организаций в СССР, расстрелянного 9 июня 1927 г. по постановлению коллегии ОГПУ в числе «двадцати» белогвардейцев, – штаб-ротмистра Г. Е. Эльвенгрена. Последний со своей «армией» имел целью завоевание Восточной Карелии и присоединение ее к Финляндии. Для осуществления этого плана Олонецкая добровольческая армия получила задачу перехватить Мурманскую железную дорогу и действовать по линии Званки – Лодейное Поле – Петрозаводск. В случае успеха боевых действий финляндское правительство без всякой предварительной подготовки общественного мнения, что не прошло бы безболезненно, и без объявления войны оказалось бы втянутым косвенными путями в войну с Советской Россией.

Эльвенгрен, наступая на г. Лодейное Поле в мае 1919 г., имел в виду воспользоваться отвлечением сил Красной армии от Петрограда в связи с успехами Северного корпуса.

Для завуалирования истинных намерений финской буржуазии отряд Эльвенгрена считался «повстанческим» и действовал формально – по призыву бутфорской «Карельской делегации». При отряде находилось «временное правительство», имевшее целью подготовить созыв Национального собрания для санкционирования присоединения Восточной Карелии к Финляндии. Представители буржуазной Финляндии и, в частности, председатель финляндского правительственного совета Кастрен на запрос социал-демократической фракции в сейме сказал, что «правительство не запретило финнам-добровольцам идти помочь своим братьям-карелам, бежавшим на эту сторону границы [так называемой «Карельской делегации»], также правительство не отказало им и во всем снаряжении»¹⁰³.

Правительство Финляндии не только снабдило и вооружило «добровольческую Олонецкую армию», но и укомплектовало ее значительным количеством финских офицеров, которые за время действий Олонецкой армии в Восточной Карелии считались по приказам финской армии находившимися в длительном отпуске.

Интересно, что истинные намерения Олонецкой армии, так старательно затушевывавшиеся финской буржуазией, были во всей их неприглядности вскрыты дебатами в финском сейме 30 апреля 1919 г.

Так, социал-демократический депутат Котонен в своем запросе правительству говорил: «Среди добровольцев-дружинников, быть может, и есть люди, идейно настроенные, но за спиной стоят спекулянты, кидающие хищные взоры на местные богатства Олонецкого

¹⁰² Бах М. Г. Политико-экономические взаимоотношения между СССР и Прибалтикой за десять лет. М.: Изд-во Комм. акад., 1928. С. 16.

¹⁰³ Петроградская правда. 1919. № 101.

края. И неудивительно, так как в составе Олонецкого правительства [«Временного правительства»] заседают два представителя компании по эксплуатации лесных участков»¹⁰⁴.

Вторгнувшись в пределы Советской Карелии, Олонецкая добровольческая армия вначале имела успех, но затем в течение двухмесячной борьбы с Красной армией была разбита и рассеяна.

Другой, почти аналогичной по своему замыслу и мотивам попыткой воспользоваться наступлением Северного корпуса на Петроград в своих целях является действие эстонских войск в псковском направлении.

Эстонские войска, состоявшие летом 1919 г. из трех пехотных дивизий и одной дивизии бронированных поездов, вели бои с советскими частями как с Северной, так и с Южной группами 7-й армии. При майском наступлении Северного корпуса эстонцы производили десантные операции в Лужском и Копорском заливах, тем самым способствуя успехам русских белогвардейцев. Однако эта второстепенная роль не могла удовлетворить аппетиты эстонской буржуазии, интересы которой требовали самостоятельных активных действий белоэстонских войск на псковском направлении.

Вскоре представилась возможность реализовать эти планы, так как неудачное наступление 11-й стрелковой дивизии на Мариенбургском участке и отход ее южнее от железной дороги Верро – Псков имели своим следствием активность белоэстонцев на печорском и чудском направлениях Псковского боевого участка. Беспорядочное отступление из Нарвского района 6-й стрелковой дивизии также способствовало продвижению белоэстонцев на Псков. Наконец, в конце мая 1919 г. стали сказываться стратегические последствия отбитого эстонцами в начале 1919 г. наступления Северной и Южной групп 7-й армии. Положение Красной латышской армии у Кальнциема и Митава приняло чрезвычайно острый характер, граничивший с катастрофой, так как ее фронт был прорван соединенными силами балтийского ландвера, германской так называемой «железной» дивизии и русского белогвардейского отряда под командой ротмистра князя А. П. Ливена. Красная латышская армия вынуждена была отступить и в начале июня вышла на линию г. Остров – р. Вяда – оз. Лубань – р. Дубна – р. Западная Двина.

Все это в совокупности создавало вполне благоприятную обстановку для действий белоэстонцев на Псков в лице их 2-й стрелковой дивизии под командованием полковника Пускар.

Учитывая такое положение Пскова, генерал Родзянко вначале сам обратился к эстонскому главнокомандующему с ходатайством немедленно двинуть 2-ю эстонскую дивизию для занятия Пскова совместно с частями Северного корпуса. На это предложение эстонский главнокомандующий ответил, что он «не может руководствоваться советами Родзянко и будет действовать так, как подскажет сама обстановка». Только после того, когда и для самого Родзянко стало понятным, что «эстонцы хотят занять Псков самостоятельно», он прибыл в Гдов и стал требовать от Булак-Балаховича «возможно более энергичного продвижения в псковском направлении»¹⁰⁵.

Однако русские белогвардейцы не успели войти в Псков первыми, так как 2-я эстонская дивизия, находясь на ближайших путях к городу, раньше начала наступление на Псков.

Положение Пскова стало тревожным уже с момента занятия отрядом Булак-Балаховича Гдова, так как фронт Псковского боевого участка представлял из себя «тонко натянутую нить, еле-еле сдерживавшую натиск противника». Тогда в Пскове было приступлено к эвакуации грузов 1-й очереди и к спешному формированию отрядов из коммунистов и членов

¹⁰⁴ Русская жизнь. Гельсингфорс. 1918 № 54.

¹⁰⁵ Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-западной армии. С. 48.

профессиональных союзов. Первый такой отряд, численностью около 350 чел., выступил на фронт 21 мая, второй, силою около 200 чел., – 24 мая.

21 мая Псков и губерния были объявлены на осадном положении. Коммунисты, не занятые работой по эвакуации, были влиты в местный караульный батальон, который вокруг города выставил полевые заставы. На пожарной каланче был установлен наблюдательный пункт, так как предполагалось, что военные действия будут развертываться в непосредственной близости от города, в 11 км, на последней оборонительной линии.

Напряженное состояние Пскова усугублялось еще и тем, что находившиеся на Псковском участке фронта красные эстонские войска были ненадежны, на что указывали политические руководители 10-й стрелковой дивизии, поддерживавшие тесную связь с Псковским губернским комитетом РКП (б). Деятельность командования также давала повод заподозрить его в прямой преступности. Это выразилось в том, что незадолго до падения Пскова была предпринята переброска частей, способствовавшая ослаблению советского фронта¹⁰⁶.

Так, например, с левого, наиболее ответственного боевого участка, в районе мест. Старо-Изборск, был снят и переброшен на правый участок более или менее надежный 3-й эстонский полк, с правого же участка был снят и отправлен по железной дороге на ст. Струги Белые в армейский резерв 5-й Феллинский полк. Оставшийся на позиции 2-й эстонский полк был дезорганизован, и часть его была подготовлена к переходу на сторону белых. При таком положении левого боевого участка войска правого участка находились под угрозой быть отрезанными и сброшенными в Псковское озеро.

Вся артиллерия – 4 легких батареи и 1 тяжелая – была сосредоточена на среднем боевом участке в районе железнодорожной станции Ново-Изборск и на правом боевом участке, у юго-западного берега Псковского озера. Весьма показательным было также поведение работников отдела снабжения, так как в течение недели не выдавался фураж. Конский состав находился вследствие этого в состоянии изнеможения, а последнее ставило под угрозу артиллерию. В таких условиях на фронте стали циркулировать слухи о скором падении Пскова и даже намечался день – суббота, 25 мая¹⁰⁷.

Дальнейшие события вполне подтвердили сознательную, преднамеренную переброску частей с целью создания всех условий для быстрого захвата города эстонскими войсками. Измена командного состава 1-й эстонской советской дивизии в лице начальника дивизии Рита, командира бригады Айписа, командира 2-го эстонского полка и начальника штаба бригады, совместно с 1-м эстонским полком, занимавшим участок в районе г. Изборска, в ночь на 24 мая 1919 г. – была последним актом этой подготовительной предательской работы. Белоэстонцы, получив полную информацию о состоянии и расположении красноармейских частей, повели стремительное наступление на Псков.

Одновременно с изменой на фронте зашевелилась контрреволюция в тылу. В районе ст. Селезнево, на Псковско-Полоцкой железнодорожной линии, вспыхнуло дезертирское восстание, стремившееся распространиться к путям Псков – Двинск и Псков – Бологое. Вследствие этого восстания прекратилось железнодорожное движение по линии Псков – Полоцк. Вскоре это восстание удалось все же быстро ликвидировать специально посланными отрядами.

Вечером 23 мая, перед прохождением военно-санитарного поезда, был взорван путь на железнодорожной линии Псков – Бологое, в 14 км от Пскова. Поезд потерпел крушение, и разбитые вагоны загромождали путь. Этим актом белогвардейцы опять-таки имели в виду

¹⁰⁶ Военный комиссар 10-й стрелковой дивизии Я. Ф. Фабрициус по поводу таких действий командования, и в частности относительно вывода 22 мая в армейский резерв 5-го стрелкового полка (приказ об этом не был подписан Фабрициусом), обратился со специальным письмом к В. И. Ленину (ЦВПА при ВПАТ, связка № 44, дело № 39, л. 31).

¹⁰⁷ ЛАБ, политсекция, дела 1-го городского района, фонд № 54, связка № 4, дело по описи № 43, л. 12.

воспрепятствовать эвакуации Пскова, но цели своей не достигли, так как к утру 24 мая энергичной работой железнодорожников путь был восстановлен.

24 мая прекратилось сообщение с Петроградом вследствие порчи проводов и взрыва пути на перегоне ст. Плюсса – Струги Белые, а затем по этой же дороге был взорван мост на 72-м километре от Пскова. Одновременно с этим в Пскове произошел пожар на месте погрузки дымовых завес, повлекший за собою взрыв нескольких подрывных мин, хранившихся поблизости¹⁰⁸.

Положение в то время на фронте у Пскова характеризовалось следующей запиской, переданной П. А. Залуцким из Пскова Г. Е. Зиновьеву в Петроград 24 мая 1919 г. в 15 ч. 40 минут:

«Благодаря предательству начдива Рита наши части отошли от Старо-Изборска к Моглину. Броневи́к противника приостановлен на 17/8 версте нашим орудийным бронеавтомобилем. Артиллерия противника обстреливает Моглино. С левым флангом первой бригады потеряна связь, в каком направлении она отступает – неизвестно. Также неизвестно положение нашей артиллерии, цела она или нет. Как среднему правому участку, так и левому, где находилась первая бригада, неизвестно, оказался ли в мешке, обойденном противником, 1-й эстонский полк? или его увел на сторону белых Рит, потому что он пользовался в этом полку популярностью. 3-й Феллинский полк отступает и начинает сгруппировываться в Моглино. Возможно еще, что потерялись одна или две роты другого полка, какого точно – неизвестно. Чтобы исправить положение, на фронт брошены батареи 19-й дивизии и перебрасывается полк, предназначенный раньше для операции на гдовском направлении. В связи с создавшимся положением со Псковом, как видно, на гдовском направлении наше наступление замедлится. До предательства Рита было все сделано, чтобы Гдов через два дня был наш...»¹⁰⁹.

В конце записки П. А. Залуцкий давал обещание в том, что он напишет специальный доклад о своих впечатлениях от осмотренных частей 7-й и Эстонской красной армий, об оторванности штабов, отсутствии руководства и организационного воздействия на массовую жизнь красноармейских частей.

Через непродолжительное время на вопрос Г. Е. Зиновьева о положении Пскова П. А. Залуцкий и Я. Ф. Фабрициус по прямому проводу сообщали:

«В Пскове пока положение ничего. Собираем у Моглино отступающие части. Броневые машины противника нашими броневыми машинами остановлены. Наши бронемашины занимают позиции на 12 версте, а теперь передвинулись на 14 версту от Пскова по рижскому шоссе. Противник прекратил артиллерийский огонь по Моглину. Вооружаем все, что только возможно, и отправляем на фронт. С левым флангом связь потеряна. Послали конными ординарцами приказ – куда им отступать. Наверно, 86-й и 87-й полки отступили к Мариенбургской группе. От них подробных сведений нет. Из среднего участка получено донесение от артиллерийских частей, что у них конский состав в батареях слабый и лошади не в состоянии вывести тяжелую батарею, но приняты все меры, чтобы спасти все орудия. Если противник большими силами не отрежет ее, то,

¹⁰⁸ Псковский музей революции, материалы Псковской истпарткомиссии, дело № 3.

¹⁰⁹ АЛОИ, связка № 18, ленты переговоров по прямому проводу.

думаю, спасем. В утреннем моем донесении оказались неправильности. Донесение начальника штаба эстонской дивизии Мазики, что к белым перешел Феллинский полк, оказалось неправильным. *К белым перешел первый Ревельский полк, которым раньше командовал начдивэст Рит. Это был самый лучший и большой полк из эстонских полков.*

Рит, уходя, захватил с собой секретный телеграфный шифр. Нами уже сообщено во Всероссийский главный штаб об этом. Отдано распоряжение 5-му полку вернуться обратно из Струг Белых на Псковский фронт, ожидаю его к 23 или 24 часам. На гдовском направлении пока все хорошо. Наступление противника остановлено. Наши части окопались по реке Желче. Противник пытался [произвести] высадку против селения Сомолвы, но нашим артиллерийским огнем отбит. *Если только подойдут резервы с тыла, то, может быть, общими усилиями спасем положение Пскова. Фабрициус».*

На следующий вопрос из Петрограда – «каково общее количество войск, перешедших к белым», – Псков отвечал:

«Точно не установлено пока. Из всех эстонских частей ни на одну надеяться нельзя. Как выяснилось, начдив Рит и эстонские части имели связь уже около трех недель с белыми. Фронт будет открыт от Псковского озера до деревни Рачево. Русские части теперь благодаря открытию фронта отрезаны, сообщений с ними не имеется. Утром рано я говорил по телефону с командиром бригады Жучковым, который доносил, что после перехода роты, которая находилась в деревне Рачево, белые повели наступление и в этом прорыве ударили во фланг нашим частям. 85-й и 86-й полки, ввиду флангового удара, с боем отходили после этого. Связь прервана броневыми автомобилями противника, который теперь находится в тылу наших частей. Мы в Пскове, что возможно организуем и отправляем на фронт, но если не подойдет с тыла подкрепление, то удержаться мы не в состоянии и можем потерять всю артиллерию».
Фабрициус»¹¹⁰.

Из Петрограда сообщили в Псков, что все сказанное будет доложено И. В. Сталину и Г. Е. Зиновьеву, и вскоре после этого Г. Е. Зиновьев телеграфировал председателю Псковского губернского исполнительного комитета К. В. Гею, что подкрепления и новые руководители посланы.

Приведенные выше разговоры по прямому проводу свидетельствуют о той чрезвычайно серьезной и сложной обстановке, какая сложилась на подступах к Пскову. С другой стороны, они со всей определенностью констатируют отсутствие должного военно-политического руководства красноармейскими частями. Недостаточная осведомленность штабов о положении фронта еще более тормозила принятие срочных целесообразных мер к действительной обороне Пскова. Стоило только группе командного состава перейти на сторону белоэстонцев, как фронт, имевший до этого устойчивое положение, с чрезвычайной быстротой распадался, одни части преступно бежали, заставляя тем самым и другие части начать поспешное отступление.

Слабость красноармейских частей – и в отношении численности, и в отношении бое-

¹¹⁰ АЛОИ, связка № 18, ленты переговоров по прямому проводу.

новую линию обороны. Так, по состоянию на 24 мая в распоряжении командования Псковского боевого участка было всего около 527 штыков, в том числе 300 штыков совершенно неблагонадежного 6-го эстонского советского полка, которые занимали фронт протяжением около 20 км. 25 мая прибыли на подкрепление 5-й стрелковый полк – около 500 штыков и Псковский коммунистический батальон – около 230 штыков. Однако значение этих слабых сил еще больше уменьшилось вследствие измены у ст. Моглино того же 25 мая в 15 час. половины всего состава 6-го эстонского полка, что повлекло за собою оставление позиций 5-м стрелковым полком¹¹¹, обнажившим фронт вдоль полотна железной дороги и шоссе Псков – Печоры.

Вскоре белоэстонцы начали артиллерийский обстрел Омских казарм на окраине Пскова, и спустя часа полтора в городе уже появились бегущие красноармейские части. Отступившие в Псков батареи с большим запозданием по вине командования открыли огонь по противнику, причем их обстрел почти никакого вреда ему не нанес. Часть коммунистических сил была брошена на мост через р. Великую с задачей останавливать бегущих красноармейцев. Когда же бегство приняло массовый характер и противник подошел к самому городу, коммунисты Пскова были собраны в помещении комитета партии, а в 21 часу начали организованное отступление¹¹².

Противник стал обстреливать мосты и правый берег реки Великой и затем перенес огонь по вышедшим из Пскова войсковым обозам. Бой с белоэстонцами вели красные бронепоезда и броневики, которые пытались не допустить противника к пешеходному железному Ольгинскому мосту через р. Великую. С появлением же белоэстонских броневинов советские отошли за мост и уехали дальше в тыл. Прикрывать мост остался только один советский броневинок, но и тот затем под натиском шести неприятельских броневинов отошел за мост. Белоэстонские бронированные автомобили, видя, что проход через мост открыт, ускорили ход и готовы были ворваться в город. Но в этот момент, около 23 часов 30 минут 25 мая, раздался страшный взрыв, и 15-саженный пролет моста, прилежавший к правому береговому устью, перешибленный зарядами, приподнялся в воздухе и затем рухнул в реку.

Этот удачный взрыв Ольгинского моста был произведен лично командиром 2-й роты 4-го минно-подрывного дивизиона А. А. Чечулиным, который, честно служа делу пролетарской революции, одновременно со взрывом моста и сам погиб на боевом посту, находясь на минной станции. Минировка Ольгинского моста производилась 2-й ротой 4-го минно-подрывного дивизиона, которая 23 мая в количестве 77 чел. прибыла в Псков в распоряжение штаба 10-й стрелковой дивизии; с 24 часов 24 мая она приступила к работе, закончив ее к 8 час. 25 мая. Весь необходимый материал для этих работ доставлялся на лодках по р. Великой за 2 км от моста. Главную же работу по минировке Ольгинского моста выполнял А. А. Чечулин. Взрыв моста был произведен согласно письменному приказанию инженера 10-й стрелковой дивизии, который еще заранее удостоверил личность того посыльного, с которым был прислан приказ о взрыве.

Белоэстонцы со взрывом моста на некоторое время были задержаны, их артиллерия и автомобили потеряли на длительный срок возможность вступить в Псков.

Красноармейцы-подрывники из 2-й роты в дальнейшем перешли на железнодорожную линию и взрывали ее. И эта работа была выполнена ими с честью в условиях чрезвычайно неблагоприятных. Им приходилось на дрезине подъезжать в сторону противника и под его артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем, не имея при себе не только оружия, но

¹¹¹ ЦВПА при ВПАТ, связка № 44, дело № 39, л. 31. Доклад военного комиссара 10-й стрелковой дивизии и Псковского боеучастка Я. Ф. Фабрициуса на имя ЦК РКП (б), В. И. Ленина, И. Т. Смилги и Г. Е. Зиновьева – от 10 июня 1919 г., за № 0467.

¹¹² Псковский музей революции, материалы Псковской истпарткомиссии, дело № 3.

даже и необходимых для работ инструментов, руками делать углубление в земле под рельсами, класть заряд и затем взрывать железнодорожное полотно¹¹³.

25 мая 1919 г., около 24 часов, Псков был оставлен Красной армией. Из Пскова было вывезено все ценное имущество и все советские учреждения, за исключением имущества почтово-телеграфного управления. Рабочим была выдана заработная плата по 24 мая, служащие в подавляющем большинстве рассчитаны не были, вследствие чего эвакуировалась из города незначительная их часть. Псковский Коммунистический отряд утром 26 мая прибыл на ст. Карамышево, там часть партийцев осталась в распоряжении штаба 10-й стрелковой дивизии, остальные же уехали в Великие Луки.

После ухода всех красноармейцев оставшиеся в Пскове советские служащие из бывших офицеров переоделись в офицерскую форму и ожидали прибытия эстонцев. В городе начался грабеж, буржуазия занялась перетаскиванием своей мебели из советских учреждений, громили лавки. Город был на некоторое время без власти.

Эстонцы ночью не решились переправиться значительными силами через р. Великую. Только в 1 час 26 мая на улицах Пскова появились два эстонских солдата с автоматами. Утром 26 мая в город вошел со стороны Крестов белоэстонский отряд в 60 чел., а затем прибыли штаб и комендатура. По прибытии эстонцев сразу начались доносы, аресты и расстрелы арестованных на берегу реки Великой – в ночь на 28 мая¹¹⁴.

После падения Пскова председатель Псковского губисполкома К. В. Гей обратился с докладом в президиум ВЦИК, НКВД и ЦК РКП (б), в котором подробно излагал ход обороны Пскова. В своем заключении К. В. Гей совершенно правильно отмечал:

«Город не был сдан, он был предан изменой, что одновременно с бестолковыми распоряжениями командного состава и работой белогвардейских агентов в тылу привело наши части в такое состояние, когда они ни на что более, кроме как на отступление, не были способны»¹¹⁵.

После оставления Пскова части Красной армии стали отступать на г. Остров и Порхов и ст. Дно. К утру 26 мая с большим трудом командному составу удалось собрать около 200 штыков и установить посты по реке Кепь¹¹⁶. Один из товарищей, работавших в то время на жел. – дор. станции Остров, пишет, что двигавшиеся из Пскова эшелоны были заполнены разложившимися красноармейцами – полужелтыми, полукрасными:

«Шли артиллеристы – с орудиями, полной запряжкой, зарядными ящиками. Шли кавалеристы, пехота. Войско в полном снаряжении, но без команды».

В районе Острова красноармейцы останавливались, жгли костры, производили бесцельную стрельбу, глушение гранатами рыбы в реке Великой, грабили население¹¹⁷.

27 мая стали подходить резервы общей численностью около 4000 штыков (88-й и 89-й стрелковые полки), но использованы они для перехода в немедленное наступление не были и по истечении 10 дней совершенно разложились, а в дальнейшем среди них начался массовый переход к белым. Кроме этого, из состава 10-й стрелковой дивизии перешли к белым некоторые роты и батальоны 85, 86, 3 и 36-го стрелковых и 1-го и 3-го эстонских полков.

¹¹³ ЦВПА при ВПАТ, связка № 11, дело № 1, л. 26. Сведения о ходе работ 2-й роты 4-го минно-подрывного дивизиона за время с 21 мая по 3 июня 1919 г.

¹¹⁴ Псковский музей революции, материалы Псковской истпарткомиссии, дело № 3, воспоминания С. М. Артамонова.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ ЦВПА при ВПАТ, связка № 44, дело № 39, лист 31.

¹¹⁷ Материалы Ленинградского областного истпарт (МЛОИ). Рукопись В. В. Сахарова «Весной 1919 года на станции Остров».

Оставшиеся преданными Советской власти части дивизии, находившиеся в непрерывных боях в течение 8–9 месяцев, были утомлены до крайности и насчитывали не более 150-170 штыков (1, 3 и 48-й стрелковые полки)¹¹⁸.

При таком состоянии красноармейских частей назначенный было на 1 июня их переход в наступление успеха не принес. К 5 июня фронт частей Южной группы 7-й армии проходил по линии сс. Поля, Замостье и Темные ворота, р. Тростенка, сс. Олешно, Б. Толошницы, Нежадва и Б. Лышницы, ст. Плюсса, с. Кирилково, М. и Б. Лзи, Дертины и Боротно; на Псковском участке – по линии сс. Турья, Хредино, Замушки, Сивкова, Переростень, Дубровно, Гостибица и Горка, по р. Кепь от с. Клино до устья, по р. Череха и далее по р. Великая до с. Крюково и от ст. Крюково до с. Сидорово.

11 июня, после упорных боев, красноармейские части овладели сильным опорным пунктом, находившимся на стыке обоих участков, – Феофилова пустынь. Но одновременно с этим части Псковского участка вынуждены были отойти на другие позиции – от р. Кепь и р. Великая на линию сс. Горка, Дубоновицы, Лог, Кузнецова, Рыкова, Темирова и Рожанка¹¹⁹.

В дальнейшем боевые действия на участках этой группы имели переменный характер.

29 мая 1919 г. в Псков прибыл на судах отряд С. Булак-Балаховича. На берегу р. Великой была устроена торжественная встреча с духовенством и иконами. Псковский архиерей Арсений благословил оружие Булак-Балаховича и его помощников, артист псковского театра Трахтенберг произнес приветственную речь, рота Талабского полка дала салют... И в тот же день Булак-Балахович повесил 9 человек.

С занимавшими Псков белоэстонцами Булак-Балахович быстро сумел договориться и 30 мая уже издал следующий свой приказ за № 1:

«Разбив главные силы противника, пытавшиеся прорваться к Пскову, 29 мая я прибыл в город и, согласно приказу главнокомандующего эстонскими войсками и командующего войсками отдельного корпуса Северной армии, принял командование военными силами Псковского района.

Комендантом Псковско-Гдовского района назначается подполковник Куражев. Комендантом г. Пскова назначается капитан Макаров.

Ввиду невозможности для военной власти принять на себя заботы по устройению местной гражданской власти временно вручаю [ее] образуемому из пользующихся общественным доверием лиц Общественному гражданскому управлению города Пскова и уезда, постановления и решения которого, контролируемые военным комендантом, обязательны для всех граждан.

Вручением гражданских функций местным общественным силам народные белые войска доказывают искренность провозглашаемых ими демократических лозунгов.

Пусть все знают, что мы несем мир, устройство и общественность.

Населению предлагаю сохранять полное спокойствие. Мои войска победоносно продолжают свое наступление. Все попытки противника оказать сопротивление быстро ликвидируются.

¹¹⁸ ЦВПА при ВПАТ, связка № 44, дело № 39, л. 31, 32.

¹¹⁹ *Надежный Д.* На подступах к Петрограду. С. 84.

Атаман крестьянских и партизанских отрядов и командующий войсками Псковского и Гдовского районов подполковник *Булак-Балахович*»¹²⁰.

Одновременно с выходом этого приказа было опубликовано постановление вновь сконструированного органа власти – общественного гражданского управления г. Пскова и его уезда. В этом постановлении, между прочим, указывалось, что отбирать у крестьян занятые ими в свое время частновладельческие и казенные земли, инвентарь и скот воспрещается; все фабрично-заводские предприятия, не находившиеся в распоряжении законных владельцев, обязывались сообщить о своем местонахождении, а лица, получившие из советских учреждений перед эвакуацией их из Пскова деньги, под страхом наказания немедленно должны были сдать эти суммы в гражданское управление и т. п.¹²¹

Редакция псковской газеты «Новая Россия освобождаемая» по поводу этого постановления сочла нужным дать следующий любопытный комментарий, со всей законченностью определивший социально-политическую сущность насаждавшегося в Пскове порядка;

«... Народоправство в рамках назревших потребностей и здравого смысла – вот основа всех наших рассуждений и действий, и мы зафиксировали это свое убеждение в форме требования созыва нового Учредительного собрания, изъявления воли которого требовал даже последний претендент на русский престол – великий князь Михаил Александрович.

Земля крестьянству – наше решение земельного вопроса. Предпочтение в смысле владения должно быть оказано не помещику, а крестьянину... *На хуторском хозяйстве сошлись сейчас все...*

Частная инициатива и предприимчивость в области торговли и промышленности – наши взгляды на хозяйственную политику страны.

Наша задача – примирение и удовлетворение всех слоев народа...»¹²²

Совмещение в одном лице функций по общественному гражданскому управлению и по редактированию газеты давало возможность Н. Н. Иванову шире развивать свои взгляды и идеи.

Исходя из дипломатических соображений, группа русских белогвардейцев-демократов в Пскове пока еще весьма неопределенно высказывалась о будущем строе. Одно несомненно: она имела в виду как свою опору крупное кулацкое землевладение.

Эти первые шаги по налаживанию гражданского управления проходили в атмосфере ликования псковской буржуазии. Везде говорили о поражении Красной армии. Булак-Балахович в своих приказах старался поддержать такое настроение белогвардейщины. Белые газеты на своих страницах сообщали всякие сенсации о поражении большевиков, утверждали, что большевизм окончательно изжит, «по крайней мере на севере России», и что «через несколько дней падет... Красный Петроград». А сам Булак-Балахович уже дал лозунг: «Партизаны, вперед, дальше и дальше по дороге в Москву». Сподвижник и компаньон Булак-Балаховича, организатор гражданского управления в Пскове, Н. Н. Иванов писал:

«В Пскове у нас не было отбоя от переходивших красных: в конце концов мы сами стали просить являвшихся делегатов красных повременить

¹²⁰ «Новая Россия освобождаемая», № 1 от 31 мая 1919 г., г. Псков; *Горн В.* Гражданская война на Северо-западе России. С. 14, 15.

¹²¹ Архив гражданской войны. Т. 1. С. 56–58.

¹²² «Новая Россия освобождаемая», № 1 от 31 мая 1919 г., Псков.

с переходом к нам до прибытия хлеба, которого не хватало для наличного состава»¹²³.

Одновременно с этим белогвардейцами проводилась «черновая» работа – обыски, аресты и расстрелы. Тюрьма была быстро наполнена арестованными. Заработали контрразведки, агентом одной из которых был и местный поп. Начались массовые казни в самом городе, но затем, по «протесту» совета представителей союзников, были перенесены на Сенную площадь, за старую Псковскую стену. Прибывшие в Псков американцы часто производили киносьемки казней. Каждую неделю по субботам заседал суд, а по воскресеньям, пользуясь стечением народа, производились казни. Смертные приговоры читал сам Булак-Балахович¹²⁴.

За эти зверства Булак-Балахович вскоре был произведен в генерал-майоры, а его отряд превратился в особую сводную дивизию. Псковское купечество в знак благодарности преподнесло Булак-Балаховичу адрес со следующей надписью: «Кузнец Вакула оседлал черта, а ты, батька-атаман, – коммунистов»¹²⁵.

Находясь в зените славы, Булак-Балахович очень часто издавал свои воззвания, призывы, листовки. После своего производства в генерал-майоры Булак-Балахович в своем призыве к красноармейцам писал:

«Вы знаете меня. Я – слуга народный. Я – меч народного правосудия. Приветствую вас от имени тысяч ваших братьев, перешедших уже под мои знамена. Я воюю не с вами, а за вас... Я воюю не за царскую и не за барскую – помещичью, а за новую, вольную, демократическую народную крестьянскую трудовую Россию. Я несу оружие моих героев к сердцу русской земли не за прежний, старый, проклятый «прижим», не за черную сотню и не за возвращение помещиков, а за землю и хлеб для всего народа, за право трудящихся, за новое всенародное Учредительное собрание...

Именем русского народа объявляю и приказываю: ...при наступлении моих войск не стреляйте, захватывайте или при невозможности перебивайте ваших комиссаров и коммунистов и смело, с оружием и снаряжением, со всем имуществом переходите в мои ряды.

...За эти два месяца ко мне перешли десятки тысяч красных солдат и офицеров... Посылайте ко мне делегатов, действуйте заодно с крестьянами и моими добровольцами – зелеными... Завязывайте сношения с моими руководителями на местах. Не бойтесь за успех нашего правого дела: Англия, Франция и Америка только что в изобилии прислали мне сюда на наш фронт пушки, пулеметы, автоматические винтовки и патроны, а также и непобедимое чудовище – танки, перед которыми не устояли даже железные армии Вильгельма.

Я нанесу большевикам решительный удар – пусть они только примут его на месте уже бывших боев и не заставляют меня губить к зиме убогие крестьянские хаты. При наступлении наших войск выкидывайте в деревнях белые флаги, оставайтесь на местах и задерживайте коммунистов, чтобы мне не нужно было затем гнаться за ними и жечь ни в чем не повинные деревни...

Спасайте же себя и переходите. Знайте, что после этого приказа мне не будет возможно вас щадить. Со мной все великие и меньшие наши союзники.

¹²³ Архив гражданской войны. Т. 1. С. 85.

¹²⁴ Псковский музей революции, материалы Псковской истпарткомиссии, дело № 3: воспоминания С. Н. Артамонова.

¹²⁵ Дроздов В. Балахович в Пскове // Спутник большевика. Псков, 1926. № 10-11 (62–63).

Со мной эстонцы, шведы, датчане, поляки и латыши, со мной все русское крестьянство, вся зеленая и в большей своей части и самая Красная армия. Я не ищу ничего для себя. Жизнь мне не дорога... Помните, что даже в случае моей гибели сам русский народ все равно не даст заглухнуть моему правому делу.

Атаман крестьянских и партизанских отрядов, начальник особой сводной дивизии, генерал-майор Булак-Балахович¹²⁶.

Ложью и бахвальством пытался завлечь на свою сторону красноармейцев Булак-Балахович. И если находились в первое время среди красноармейских частей его сторонники, то через некоторое время действительная физиономия кулацкого «идеолога» Булак-Балаховича была вскрыта самими бойцами.

Деятельность общественного гражданского управления в Пскове во главе с Н. Н. Ивановым при полном содружестве с представителем русских белогвардейцев Булак-Балаховичем представляла специфическую сущность того белого режима, который был установлен в Псковском районе.

Вся эта политика русских белогвардейских «демократов» опиралась не столько на свою собственную вооруженную силу, сколько на те белоэстонские войска, которые заняли Псков и находились на его фронте. Совпадение взглядов представителей буржуазной демократии Эстонии с русскими демократами являлось предпосылкой к тому, чтобы последние на занятой территории проводили свою линию. Такое тесное содружество с русскими белогвардейцами, продолжавшееся в этом районе 3 летних месяца 1919 г., обеспечило белоэстонцам выполнение тех задач, во имя реализации которых они и двинулись в богатый Псковский район. Своеобразной компенсацией за это являлось то, что эстонские войска своим присутствием в Псковском районе гарантировали демократических русских реформаторов от всех интриг штаба Северного корпуса.

В районе же действий основной группы Северного корпуса проводилась своя политика, по некоторым вопросам резко отличавшаяся от режима в Пскове. Здесь принимались все меры к тому, чтобы завуалировать истинные намерения и тенденции монархически настроенного офицерства. Так, например, в обязательном постановлении, подписанном генерал-майором Родзянко от 15 мая 1919 г. за № 4, говорилось (§ 7), что «белые войска — народные войска, они друзья народа и пришли освободить своих братьев от бродяг и негодяев, восстановить порядок и дать спокойную и свободную жизнь истстрадавшемуся русскому народу».

Остальные же параграфы этого приказа провозглашали смертную казнь через повешение всем коммунистам, включая и женщин-коммунисток, советским работникам и проч. Установившаяся в этом районе военная диктатура своими действиями сама постаралась преждевременно вскрыть свою реакционную сущность. Вскоре лозунги Учредительного собрания были здесь совершенно сняты, остались только прямые действия военных комендантов. Белые газеты, издававшиеся в Нарве, как, например, «Белый крест», призывали к еврейским погромам и т. п. Политическая дальновидность и соответствующий такт не были присущи группе офицеров Северного корпуса. Характер взаимоотношений самого командующего корпусом генерал-майора Родзянко с эстонцами заставлял даже последних быть настороже.

При движении частей Северного корпуса по южному побережью Финского залива стал остро вопрос о взаимоотношении с национальными отрядами ингерманландцев. Требования ингерманландцев относительно их самоопределения встречали жестокий отпор Родзянко.

¹²⁶ Листовка хранится в Псковском музее революции.

Последний 23 мая 1919 г., сразу после взятия Копорья, прибыл в штаб ингерманландского отряда в дер. Костивское и в беседе с руководителями отряда резко заявил, что он, Родзянко, «не знает, кто такие ингерманландцы, и что в России есть только русские». По поводу же того, что ингерманландцы находились под покровительством Эстонии и оттуда получали все необходимое для себя снабжение, Родзянко сказал: «Не возлагайте ваших надежд на Эстляндию, ведь сейчас невозможно сказать, будет ли из нее Эстляндия, Турция или же Россия»¹²⁷.

Обострение взаимоотношения с ингерманландским отрядом достигло своего кульминационного пункта тогда, когда генерал Родзянко в разговоре с одним из видных политических представителей ингерманландской буржуазии приказал ему под угрозой расстрела прекратить всякие дальнейшие разговоры о самоопределении нации. Неудивительно, что при такой «национальной» политике Северный корпус при движении на Петроград не создавал за собой достаточно обеспеченного тыла; последнее же могло в самый решающий момент повлиять на дальнейший характер боевых действий русских белогвардейцев.

19 июня 1919 г. был издан приказ командира отдельного корпуса Северной армии о временном праве пользования землей. В первом пункте этого приказа говорилось, что все граждане, в пользовании которых находились пахотные земли (помещичьи, казенные, монастырские, церковные, удельные, кабинетские или принадлежавшие мелким землевладельцам), сохраняют за собой право сбора урожая. Таким правом наделялись и те граждане, которым в свое время были переданы для пользования земли разными учреждениями и организациями Советской власти.

Во втором пункте приказ предупреждал, что в дальнейшем никакие самовольные захваты земель не допускаются. В шестом пункте говорилось уже о том, что все наделенные земли, захваченные при Советской власти, по снятии с них урожая в 1919 г. должны быть возвращены прежним владельцам.

Однако все эти «льготы» не только не могли принести никакого улучшения крестьянам, но ставили их в невыносимые условия, так как следующими приказами фактически восстанавливалась прежняя дореволюционная власть с помещиками и проч. И самый приказ от 19 июня указывал, что все эти меры, так сказать, «льготы», носят временный характер и якобы «имеют целью удовлетворить неотложные нужды деревни».

«Вековой земельный вопрос будет решен, — говорилось в этом заключении, — имеющим быть созданным Российским всенародным собранием».

По поводу формулировок наиболее серьезных пунктов приказа от 19 июня редакция издававшейся в Пскове газеты «Новая Россия освобождаемая» в № 13 сочла нужным поместить дипломатическую статью «Первое признание», где говорилось, между прочим, следующее:

«Теперь приказом командующего Северного корпуса основная линия и идея нашего проекта получили, наконец, признание и утверждение... Правда, в тексте приказа имеются, по сравнению с проектом общественного гражданского управления, некоторые отступления и неясности. Правда, что общее начало проекта, признанное ныне военной властью, изложено не в общей, наиболее жизненноудобной и гибкой форме, а в форме отдельных частных, как говорят юристы, казуистических, т. е. специальных и трудных для общего истолкования, постановлений...»

До поры до времени руководители Северного корпуса могли осуществлять свою политику на занятой их войсками советской территории, но их политические устремления не могли не предопределить конечного результата такой политики.

¹²⁷ Петроградская правда. 1919. № 158.

Пользуясь предоставившейся возможностью и не занимаясь делами «большой политики», представители русской буржуазии развивали свою деятельность. С представителями союзников они завязывали коммерческие связи и пытались извлечь из этого максимальную прибыль. Главный начальник тыла русской белой армии генерал К. А. Крузенштерн со своей стороны поощрял эту часть буржуазии. Белогвардейские газеты пестрели всякими сообщениями о прибытии тех или других грузов из-за границы. Так, например, издававшийся в Нарве «Вестник Северо-западной армии» в № 41 от 9 августа 1919 г. с чувством большого удовлетворения сообщал, что в Нарву прибыли, при посредстве ревельской фирмы в Нарве «Яков Яковлевич Пертсель», следующие заграничные товары: копченое мясо норвежское, табак голландский, мыло простое финское, соль германская, селедки норвежские; придут: сахар-песок американский, рис явайский, салака шведская, папиросы голландские...

Гражданское управление белых на захваченной части советской территории можно разделить на северный район, район действий основной группировки Северного корпуса, где все гражданские функции были сосредоточены исключительно в руках военных, проводивших открыто реакционную политику, и на южный район, район действий белоэстонцев и Булак-Балаховича, где к делу гражданского управления была привлечена так называемая местная общественность в лице ее земских, городских деятелей и где политика русской контрреволюции была сознательно окрашена в желтый цвет и подправлена демократическими лозунгами.

Северный район являлся царством русского монархического офицерства во главе с Родзянко; острие всей внутренней политики здесь было направлено на большевиков и демократов. Южный район – резиденция Иванова и Булак-Балаховича, известных по своей оппозиционной настроенности к Юденичу и Родзянко и проводивших свою «демократическую» политику под прикрытием эстонских штыков, – тут врагами считались большевики и черносотенцы.

Получалась картина сотрудничества в общей борьбе с Советской республикой якобы двух формально исключаящих друг друга контрреволюционных группировок. И, несмотря на то что отрицательные стороны этого сотрудничества все же влияли на устойчивость антисоветского фронта под Петроградом, в общем ходе белого движения на северо-западе Советской России эти два течения мелкобуржуазной и реакционно-монархической контрреволюции являлись только отдельными звеньями одной общей белогвардейской цепи.

Весьма интересными и справедливыми в этом отношении являются следующие слова белогвардейского журналиста Г. Л. Кирдецова:

«В гражданско-политическом и административном отношениях Северный корпус по мере своего продвижения в глубь России, а равно и население края, были предоставлены всецело злой и доброй воле 2–3 начальников в лице генерала Родзянко, полковника Дзерожинского и знаменитого «героя» Булак-Балаховича. Что эта воля не была доброй, а, напротив, самой злой из всех когда-либо существовавших на белых фронтах – доказывать здесь лишний раз не приходится. Эти “начальники” никому ведь не подчинялись, ни перед кем не отвечали. Виселица работала вовсю. Грабежи и буйство были нормой «правления». Самодеятельность населения в деле элементарной организации гражданской жизни и обеспечения насущных потребностей рассматривалась как бунт, как приверженность к коммунизму. Крестьян обирали до ниточки»¹²⁸.

¹²⁸ Кирдецов Г. У ворот Петрограда (1919–1920 гг.). Берлин: Русск. тип. Е. А. Гутнова, 1921. С. 187, 188.

Вышеприведенные слова являются красочной иллюстрацией политики Северного корпуса. Белый террор, насилие и грабежи, несмотря на политические трения в среде русских белогвардейцев различных оттенков, свирепствовали на всей занятой белыми территории.

Работа таких «идеологов» белого движения, как ябургский диктатор, полковник Бибиков, по характеристике Н. Н. Иванова – «отъявленный реакционер, царист-самодержавник и человек большого произвола», и вершитель судеб населения Пскова – С. Н. Булак-Балахович, – отличалась такой жестокостью, что вызывала негодование и возмущение даже среди самих белогвардейцев. А что уже говорить о мелких исполнителях, комендантах в волостях, гражданских чиновниках, которые и выдвигались-то на ответственные посты по определенному характеру «заслугам».

Население занятого белыми района получило предметный урок. Имея на руках всякого рода белогвардейские приказы, листовки, оно в «лучшем» случае воспринимало идею Учредительного собрания, под знаменем которого якобы проходило наступление белых, а в «худшем» и совершенно не получало политических лозунгов борьбы русской контрреволюции с Советской властью. Зато оно видело возвращение помещиков, восстановление дореволюционных порядков, белый террор и вскоре стало ожидать прихода красных.

Однако положение на фронте было таково, что начавшееся в начале июня наступление Красной армии на фронте Северной группы 7-й армии проходило успешно, но затем, в связи с контрреволюционной деятельностью белогвардейских организаций в тылу и восстанием на Красной горке, было приостановлено. С другой стороны, и противник, не отличавшийся большой численностью, не был в состоянии предпринять что-либо серьезное, так как на своем пути встречал уже не бегущие советские части, а более или менее выдержанные, обстрелянные и политически воспитанные войска. Неоднократные попытки белых прорвать расположение красных частей в районе Гатчины с последующей целью перерезать наиболее важные для Петрограда артерии: Московско-Виндаво-Рыбинскую и Николаевскую железные дороги, не увенчались успехом. Таков же примерно был результат и с операциями белых западнее Луги и у станции Струги Белые. В Псковском районе боевые действия ограничивались работой разведывательных партий.

Итогом первого месяца наступления Северного корпуса летом 1919 г. являлось то, что массовый отход советских частей к июню 1919 г. закончился и противник стал встречать местами довольно сильное сопротивление.

Глава 5

Причины столь быстрого и успешного продвижения белогвардейцев к Петрограду кроются главным образом в политико-моральном состоянии частей Красной армии и населения Северо-западного района.

Внутреннее положение Советской республики, отягчаемое борьбой с контрреволюционными очагами России, настроение некоторых групп населения, голод и разруха не могли не сказаться на боеспособности Красной армии.

Голоса фронтовых работников о неудовлетворительном состоянии частей стали раздаваться уже с начала 1919 г.

12 января 1919 г. командование 6-й стрелковой дивизии (Северная группа 7-й Советской армии) доносило командующему 7-й армией о том, что настроение действующих частей не позволяет продолжать наступательные действия, что прибывшее за последние дни пополнение совершенно незначительно по своему составу и мало боеспособно и что в распоряжении командования нет вполне боеспособных и свободных резервов. В качестве общего вывода командование 6-й дивизии считало, что в стратегическом и тактическом отношении положение дивизионного участка чрезвычайно осложнено, так как прибывшие части не в состоянии выполнить даже задач по обороне¹²⁹.

30 января 1919 г. почти аналогичное сообщение на имя военного комиссара Петроградского округа Б. П. Позерна было сделано Я. Ф. Фабрициусом и М. А. Левиным о состоянии частей Южной группы 7-й армии. В докладе говорилось, что под натиском противника на валкском направлении:

«...части, находящиеся в боях уже непрерывно три месяца, измотавшиеся, озлобившиеся, наполовину больные, не получившие за все это время подкреплений и не бывшие ни одного дня в резерве, не выдержали удара и отходят. Резервов нет, и нет сил привести без них части в порядок».

Дальше высказывалось предостережение, что части могут отказаться от выполнения боевого приказа и что в этом случае винить их не придется. Требуя пополнения частей обученным молодняком, командным составом и техническими средствами, товарищи заканчивали свой доклад следующими словами:

«Без немедленного проведения в жизнь всего указанного мы должны указать на полную невозможность не только наступать, но и обороняться и не можем даже поручиться за судьбу Пскова в самые ближайшие дни»¹³⁰.

Ко всему этому командный состав далеко не был на должной высоте. Краткосрочные командные курсы не могли дать в те времена всесторонне подготовленного командира. Части Красной армии управлялись бывшими офицерами, унтер-офицерами старой армии и не обученными военному делу на школьной скамье, но выдвинутыми революцией рабочими и крестьянами. Нет ничего удивительного в том, что вопрос о командном составе был наиболее жгучим и злободневным и в ходе борьбы давал о себе знать с возрастающей силой. Один товарищ, побывавший на фронте, следующими словами описывал «деятельность» командного состава:

«По прибытии в Нарву я не мог добиться никаких точных сведений о фронте. Никто ничего определенного сказать не мог. Все равнодушно

¹²⁹ АЛОИ, связка № 18.

¹³⁰ ЦВПА при ВПАТ, связка № 44, дело № 39, л. 15.

разводили руками и пожимали плечами. На наши тревожные вопросы или молчали, или хладнокровно рассуждали по слухам»¹³¹.

Относительно внутреннего порядка в частях тот же товарищ писал:

«В казармах нет внутреннего порядка. Нет никакого уюта. Везде грязно и душно. Ни чистоты, ни опрятности. Грязные котелки валяются на окнах. Для супа нет баков. Нет регулярных посещений бани. Нет строевых занятий. Всюду лень и отсутствие ответственности, отсутствие всех воспитывающих и сдерживающих приемов»¹³².

В относительно лучших условиях находились всякого рода запасные и караульные части, расположенные на территории округа и находившиеся в ведении соответствующих военных комиссариатов при исполкомах, но и здесь работу политорганов нельзя было считать нормальной.

За неимением под рукой исчерпывающих данных по всему округу ограничимся только краткой характеристикой работы Псковского губернского и уездных политпросветов с 1 января по 25 мая 1919 г.

Этот период для Псковской губернии являлся периодом нормальной обстановки и наибольшей интенсивности работы.

Красноармейских частей, расположенных в губернии, насчитывалось 42, с общей численностью в 9000 человек. Коллективов было создано 37, при наличии 298 коммунистов, 88 кандидатов и 382 сочувствующих, что составляло к общему числу красноармейцев $8\frac{1}{2}\%$ коммунистов, кандидатов и сочувствующих или $4\frac{1}{3}\%$ коммунистов и кандидатов. Такая незначительная прослойка партийных работников не в состоянии была, конечно, в короткий срок изменить политическую физиономию частей гарнизонов. За этот же период было проведено среди красноармейцев по всей губернии 129 митингов и среди населения – 128; концертов-митингов – 16, собраний – 55, собеседований – 48 среди красноармейцев и 2 среди населения. Кроме этого, красноармейцам читались специально приглашенными лекторами лекции, которые распределялись по характеру тем следующим образом: на политические темы 30 лекций, по медицине и гигиене – 13, по естествознанию и сельскому хозяйству – 7. За это время по губернии было распределено 390 270 экземпляров центральных и местных газет¹³³.

Но такая работа была возможна только в тыловых частях. На фронте в действующих частях положение было совсем другим.

Слабая насыщенность политработниками фронтовых действующих частей Красной армии, а отсюда и неудовлетворительная политическая работа в сильнейшей степени сказались на боеспособности красноармейцев во время перехода к активным действиям противника.

В силу этого на Северо-Западном фронте получили довольно широкое распространение случаи измены командного состава и даже целых частей Красной армии. Стоило только противнику нанести несколько ударов, как все отрицательные стороны организации Красной армии, ее комплектования, военного и политического обучения, обусловленные спешностью, выливались в целый ряд предательств и переходов на сторону белых.

Переход к белым красноармейских частей всегда был связан с условиями их комплектования и изменой командного состава. Так, 3-й пехотный полк 2-й Петроградской бригады особого назначения возник из сформированного в 1918 г. полка внутренней охраны Спас-

¹³¹ Клявс-Клявина А. Я. Нарвский позор // Петроградская правда. 1919. № 23.

¹³² Клявс-Клявина А. Я. Нарвский позор // Петроградская правда. 1919. № 23.

¹³³ ЦВПА при ВПАТ, связка № 55, дело № 17-к.

ского района Петрограда. Кадром для полка послужили остатки бывшего запасного лейб-гвардии Семеновского полка. Не желая идти на фронт и защищать Советскую власть, бывшие офицеры и буржуазные элементы Спасского района, купцы с Апраксина и Гостиного дворов, домовладельцы и торговцы хлынули в формируемый полк и служили там рядовыми красноармейцами. Многие устраивались в полк за взятки. Некоторые партийные работники полка вместе с организатором полкового коллектива Купше указывали политическому комиссару полка Каплуну, что белогвардейские офицеры вели в полку свою агитацию и что их необходимо немедленно изъять. Часто в полку распространялись анонимные письма с угрозами против действий коммунистов.

Наличие значительного количества белогвардейцев заставило советские органы обратить внимание на полк. Для производства чистки полка была назначена специальная комиссия в составе Н. А. Угланова, А. С. Ракова, П. А. Серова, П. П. Сиротинина и Е. А. Эстрова, которой удалось арестовать 85 человек, но белогвардейское гнездо до конца все же ликвидировано не было. Вторая чистка была в декабре 1918 г. В комиссию входили Н. А. Угланов, А. С. Раков и Н. Ф. Свешников. Согласно постановлению комиссии, полк подлежал расформированию, но по невыясненным причинам расформирование полка произведено не было.

В мае 1919 г., во время наступления белых на Петроград, 2-я Петроградская бригада в полном составе была брошена на фронт.

28 мая 3-й пехотный полк, при котором находился комиссар бригады А. С. Раков, расположился в деревне Выра, в 6 километрах от станции Сиверской, Варшавской жел. дор. И в эту же ночь, с 28 на 29 мая, произошла в полку долго подготавливавшаяся измена командного состава и рядовых солдат. Первые два батальона полка по совету части заговорщиков из командного состава были двинуты в наступление против находившихся неподалеку белых. В деревне Выра остался только один 3-й батальон численностью около 600 чел., отдыхавший по квартирам. При содействии заговорщиков ночью в деревню вошли части Талабского полка Северного корпуса белых, к которым сразу же присоединились помощник командира полка В. А. Зайцев – бывш. капитан, командир 1-го батальона С. А. Самсониевский – бывший гвардейский офицер и числившийся с 1 апреля 1919 г. членом РКП (б), и другие. Под руководством Зайцева белые стали арестовывать и расстреливать всех коммунистов и комиссаров. Были убиты: командир полка П. П. Таврин, бывший ранее командиром 8-го латышского стрелкового полка, а затем председателем Череповецкой губернской чрезвычайной комиссии, комиссар полка Купше и все батальонные комиссары. Комиссар бригады А. С. Раков, узнавший об измене, забаррикадировался в штабе и до последнего патрона отстреливался от белых из пулемета. Только после того, как все пулеметные ленты были им расстреляны, он застрелился. После расправы над коммунистами выстроенный батальон под звуки царского семеновского марша прошел церемониальным маршем мимо группы изменников во главе с Зайцевым¹³⁴.

Вскоре перебежчиков навел генерал Родзянко, который был «приятно поражен их бодрым видом», оставил им наименование Семеновского полка и приказал дать несколько дней отдыха. Перешло на сторону белых из 3-го пехотного полка около 600 человек, оркестр полковой музыки и взвод артиллерийской батареи из двух орудий¹³⁵.

Об этой измене И. В. Сталин, находившийся тогда в Петрограде, и Г. Е. Зиновьев в 20 часов 29 мая протелеграфировали в Москву:

«Немедля передайте Ленину или, если его нет дома, Склянскому следующее. Сегодня утром после начатого нами успешного наступления по всему району один полк в две тысячи штыков со своим штабом вдруг открыл

¹³⁴ Петроградская правда. 1919. № 128; *Шидловский Г. Л.* Товарищ Раков. Л.: Прибой, 1926. С. 60, 62.

¹³⁵ Родзянко А. П. Воспоминания о Северо-западной армии. С. 49, 50.

фронт на левом фланге под Гатчиной, у станции Сиверская, и со своим штабом перешел на сторону противника. Станция Сиверская была у белых, теперь отбита. Поступившие до сих пор подкрепления не одеты, не обуты, не вооружены. Для приведения их в порядок требуется неделя, а время не терпит. Считаем абсолютно необходимым срочно получить от Москвы один надежный в полной боевой готовности полк и один бронепоезд.

*Сталин, Зиновьев»*¹³⁶.

Воспользовавшись изменой красноармейцев, Талабский полк из дер. Выра направился к дер. Межно, занял ее и затем подорвал железнодорожный мост у станции Сиверская.

Приведенная картина измены батальона 3-го пехотного полка характерна и для остальных частей Красной армии, где усиленно велась контрреволюционная агитация числившихся на советской службе бывшими офицерами.

В несколько более устойчивом положении находились части Северной группы 7-й армии (6-я дивизия), хотя в деле отступления они несколько не отличались в выгодную для себя сторону. Большая устойчивость нарвской группировки 7-й армии объяснялась прибывавшими поочередно боеспособными частями из Петрограда и наличием на линии железной дороги двух советских бронепоездов (№ 49 и 26).

По инициативе партийных организаций Петроградской губернии, исполкомов и профессиональных союзов на фронт стали прибывать отдельные отряды, которые или формировывались в более крупные армейские единицы, или вкрапливались в красноармейские части.

В Гатчине в конце мая было приступлено к организации 1-го сводного стрелкового полка, укомплектовавшегося преимущественно из членов исполкомов и коммунистов Петроградской губернии. Первую роту этого полка составили служащие советских учреждений под командованием Терехова, для организации 2-й роты была использована рота Гатчинского уездного военного комиссариата под командованием Цветкова, остальные роты укомплектовались отрядами следующих партийных организаций: Новолодожской, Колпинской, Шлиссельбургской, Лужской, Невельской и др. Через два дня первые роты приступили к учебным занятиям, а дня через 4–5, когда в полку уже насчитывалось четыре роты, полк получил приказ отбыть на 11 км южнее Гатчины для ликвидации появившихся там и угрожавших Гатчине бандитских шаек. Три роты руководил Геннинг, а 4-я рота, соорудив импровизированную броневую платформу с 3-дюймовым орудием, была отправлена на жел. – дор. станцию Преображенская. Спустя 2 недели 1-й сводный полк насчитывал три батальона, один из которых вошел в состав 6-й стрелковой дивизии. В боях за Петроград этот полк проявил большую стойкость и понес большие потери¹³⁷.

Приток коммунистов не останавливался и в июне 1919 г. В период с 8 по 14 июня, т. е. в момент серьезных боев на подступах к Петрограду, в 7-ю советскую армию было прислано 45 чел. – членов Московского совета, различными губкомами партии – 145 чел., а всего 190 политических работников¹³⁸.

Посылка коммунистов губкомами производилась в ответ на воззвание ЦК РКП (б) от 22 мая 1919 г., обращенное к партийным и советским организациям Петроградской, Новгородской, Псковской, Тверской, Олонецкой, Северо-Двинской, Вологодской, Череповецкой и Витебской губерний. ЦК партии предлагал отправлять мобилизованных по партийной и

¹³⁶ АЛОИ, связка № 21, дело № 32. Сообщение о том, что на сторону белых перешел полк в две тысячи штыков, не соответствовало действительности, так как перешло всего около 600 штыков. Также неверно, что станция Сиверская была взята противником тогда же.

¹³⁷ АЛОИ. Рукопись Скачковского.

¹³⁸ ЦВПА при ВПАТ, связка № 45, дело № 20, лист 110.

профессиональной линиям в распоряжение Западного фронта на помощь Петрограду как можно скорее¹³⁹.

Кроме этой непосредственной посылки губкомами на фронт партийцев, Политическим управлением Республики было командировано на Западный фронт, главным образом для защиты Петрограда, с марта по июль включительно 328 партийных работников, из коих 121 человек было послано в мае¹⁴⁰.

Одновременно с партийными мобилизациями проходила общая мобилизация рабочих г. Петрограда от 18 до 40 лет¹⁴¹ и населения всего Петроградского военного округа.

Данные о мобилизации населения в Петроградском военном округе за период апрель – июль 1919 г. распределяются следующим образом:¹⁴²

¹³⁹ Правда. 1919. № 114.

¹⁴⁰ ЦВПА при ВПАТ, связка № 45, дело № 20, лист 293.

¹⁴¹ Данные этой мобилизации см. в таблице.

¹⁴² ЦВПА при ВПАТ, связка № 25, дело № 19-а.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.